

Часть вторая МАСОНСТВО, КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	1
ГЛАВА ПЕРВАЯ ИСТОКИ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА	2
ГЛАВА ВТОРАЯ ИДЕИ И ИДЕАЛЫ МАСОНСТВА	27
ГЛАВА ТРЕТЬЯ ПОЗДНЕЕ МАСОНСТВО	34
УНИВЕРСИТЕТ И МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ	34
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ НИКОЛАЙ I И «ДОНОС НА ВСЮ РОССИЮ»	50
(НИКОЛАЙ I И МАСОНСТВО)	50
КНЯЗЬ АНДРЕИ БОРИСОВИЧ ГОЛИЦЫН И ЕГО ЗАПИСКА О МАСОНСТВЕ В РОССИИ	53
МЛ. МАГНИЦКИЙ И ЕГО ЗАПИСКА О МАСОНСТВЕ НИКОЛАЮ I	58
ГЛАВА ПЯТАЯ. МАСОНСТВО И НИКОЛАЙ II.	63
ПРИЛОЖЕНИЕ МУЧЕНИКИ ДОЛГА	98

ОТ АВТОРА

Было бы разумным, задумываясь над смыслом происходящего, видимого и слышимого, задаться вопросом, — откуда берется «дух времени», «дух эпохи» со всеми своими слагаемыми моментами. Чем предопределяется лик той или иной эпохи. Действительно ли существует такая мистика, как «дух времени», или этот «дух» рождается под воздействием определенного круга лиц, объединенных одной мыслью, одной идеологией, одной религией. Быть может, этот «дух времени» рождается примерно так же, как гомункулус в пробирке алхимика, желающего во что бы то ни стало усовершенствовать человечество и достичь золотого времени, когда не будет болезней и скорбей. Ведь недаром алхимические аллегории так часто изображают райское древо и первобытных людей Адама и Еву, до грехопадения. Быть может, бесчисленное число политических актов, войны, голод, идеологический террор там или здесь на планете, вызваны именно группой алхимиков, имеющих в своих руках все

нити политической власти, а значит и рычаги воздействия на формирование «культуры», предопределяя дух времени или лик той или иной эпохи...

Кроме того, мы должны задаться вопросом, почему, чтобы быть писателем, уже в XIX веке необходимо было состоять в масонской ложе. Мы видим в этих ложах весь цвет русской литературы. Случайное ли это явление или сам жанр художественной литературы отвечает основным принципам масонского «совершенствования» мира на началах «гуманизма». Логика говорит нам, что имеет место быть последнее обстоятельство. Надо знать в то же время, что основной постулат иудаизма: отношение к людям, этика, важнее отношения человека к Богу. И этот принцип осуществляет литература. Таким образом мы видим, что логика нас не подвела...

Теме масонства во всем мире посвящено громадное число трудов как в периодических изданиях, так и в виде фундаментальных исследований. Наша страна в этом плане представляет печальное исключение. Несколько публикаций в периодике и не более десятка монографий. Ни одна из них, однако, не может претендовать на звание серьезного исследования такого мощного в политическом и культурно-религиозном смысле явления, как масонство.

В период официального владычества в нашей стране марксистско-ленинской идеологии общая концепция авторов сочинений по масонству была до примитивности проста: масонство есть передовой отряд империализма и, соответственно, враг социализма и большевизма. Понятно, чтобы утвердить эту концепцию в умах читателей и придать хотя бы видимость правдоподобия, авторам этих сочинений приходилось вводить на каждый исторический случай бесконечное число поправочных коэффициентов. И это понятно. Громадное число среди революционных деятелей всех стран и народов членов масонских лож требовало какого-то объяснения и очень сильно колебало доверие к основному догмату марксизма и главной концепции авторов сочинений по истории масонства. В результате такого подхода оставалось совершенно неясным определение самого предмета исследований: что есть масонство? В чем суть его учения? Несмотря на обилие ответов на эти вопросы, содержащиеся в собственно масонских документах, идеологи марксизма-ленинизма от исторической науки делали все возможное, чтобы избежать ответа на эти основные вопросы своего исследования. Результатом такого подхода со стороны историков стало полное непонимание со стороны рядового читателя такого явления, как масонство.

Оно рассматривается к тому же исключительно с политической точки зрения. На марксистско-ленинскую точку зрения в последнее время наслонилась новая фразеология. Ключевым словом в ней стал «патриотизм». Авторы-патриоты придерживаются чисто экуменической идеологии: не важно, кто ты

по своим политическим, религиозным и общемировоззренческим установкам — коммунист, штундист, пианист, православный или обжора-атеист, важно, что ты любишь Россию. Масоны хотят погубить нашу Родину, они космополиты, враги русского народа и сделали все возможное, чтобы разрушить ее традиционно-исторический образ жизни, ее национально-русскую государственность. В связи с общими изменениями в стране в последние годы стала допустима критика как вождей большевизма, так и большевистского режима. Однако выводы из такой критики по большей части не несут принципиального характера и замыкаются на частных фактах и отдельных лицах. Господствующей стала та точка зрения, что социализм — это идеал общественного устройства, сильно подпорченный масонами и сионистами. При этом точно так же, как и в случае с масонством, историки и публицисты избегают давать определения социализма, то есть делать то, что требуется при любом процессе познания: давать сначала определение предмету исследования, а затем уже приводить данные самого исследования. Большинство читателей и самих исследователей представляют социализм как систему помощи бедным или же как систему распределения по справедливости произведенного национального продукта в полностью огосударственной экономике. Нельзя сказать, что в таком представлении нет правды, но это только часть правды, и притом не самая существенная. Но надо сказать, что и она, при пристальном внимании и наличии определенного багажа гуманитарных знаний, могла бы привести и к более глубоким представлениям о связи социалистической доктрины с масонской и иудаистской. Вернее — показать их совершенное тождество.

Патриотический подход к масонской проблеме, таким образом, страдает теми же внутренними противоречиями, что и марксистско-ленинский. При этом авторы и читатели патриоты, провозгласившие примат любви к Родине и безразличия к идейным установкам тех, кто ее любит, не задаются, как кажется, вовсе таким простым вопросом: если нам все равно, кто и во что верит среди нас, русских людей, то значит ли это, что нашей Родине все равно, во что верят и что исповедуют ее сыны? Не существует ли таких верований и таких исповеданий, которые губительны для русской нации и всех других, живущих в лоне русского языка, русской культуры и русского народа в целом? А между тем именно эти вопросы и делают актуальным для любого из нас и само исследование такой громадной темы, как масонство.

Глава первая ИСТОКИ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

«Либерал. Откуда он произошел? Первое начало либерализма и всех вольных идей имеет зародыши в религиозном мистицизме секты мартинистов, которая в царствование Императрицы Екатерины II существовала в Москве под начальством Новикова... и многие лица, которые здесь не упоминаются, сильно содействовали Новикову к распространению либеральных идей посредством произвольного толкования Священного писания, масонства, мистицизма, размножению книг иностранных вредного содержания и изданию книг чрезвычайно либеральных на русском языке».

(Из анонимной записки «Лицейский дух», переданной Николаю I в 1830 г. Цит. по «Русская Старина», 1877 г., т. 18. № 3, с. 657).

Либерализм как оформленное течение в общественной жизни появился в прошлом веке и означает отрешение от народно-традиционных и религиозных форм жизни во всех сферах человеческой деятельности: нравственной, политической, социальном и религиозной. Такое движение, однако, проявило себя раньше, с первых шагов Петра I, всю реформаторскую деятельность которого и следует признать началом русского либерализма.

Либеральное направление охватило постепенно высшие слои русского общества в лице аристократии и чиновничества и стало вероисповедной формулой так называемых «интеллигентных» кругов, проявило себя озлобленным врагом русской православной церкви, разлагая христианскую жизнь русского народа во всех сферах его жизнедеятельности.

Как известно, наш народ воспринял христианство с такой глубиной и искренностью, как ни один народ в мире. Самые характерные черты нашего народа — это стремление жить «по правде», «по-Божьему», имея в Церкви руководителя своей совестливости. Выражение нравственных начал проявлялось в жизни русского народа не только в церковной жизни, где более всего ценится святость, но и в художественном творчестве, которое поднимается из глубины благоговения перед этой святостью. из самого сокровенного в русской душе, и в поэзии, и в творчестве социальном. Именно этим характеризуется и наше самодержавие. Русская идея видит в царе не деспота, не диктатора, но представителя Божьей правды, господствующей в государстве над юридическим началом. Необходимо неслучайная вера в реальность нравственного начала для такой концепции верховной власти. Эта вера опирается на представление о незыблемости евангелистских установлении о власти, которая есть от Бога и тем самым должна следовать Слову Божьему.

Когда она не следует Слову Божьему, она не есть от Бога, но от Его супротивника. Вера русского человека в религиозно-нравственное начало государственного управления выражалась в его неприятии к юридической рассудочности, как выражению недоверия человека к человеку, как замена закона любви законом «разумного эгоизма», следующего принципу: «ты мне — я тебе», с точным подсчетом — сколько мне и сколько тебе. Такое юридическое начало всегда казалось русскому человеку мерзостью пред Богом.

Стремлением к господству нравственного начала наполнена вся русская историческая жизнь, от ее бытовых форм до государственных. Основным содержанием этой жизни в сфере общественной стало два кита: самодержавие и самоуправление. Деревня, село, погост, торг, рядок, посад и город — все управляется выборными, и вся внутренняя жизнь определяется традиционным, обычным правом. Наиболее ярко эти начала русского народа проявились в устройстве Московской Руси, но не исчезли они и в послепетровской России, несмотря на все искажения.

По своему существу господство нравственных начал во всем строе русской жизни несет с собой подлинное откровение для всего человечества. Никогда еще ни один народ не осмеливался устраивать свою жизнь, все свои жизненные отношения под верховенством религиозно-нравственных начал, для которых не страшны, а скорее предполагаются и человеческая свобода как основа любой нравственности, и свобода всего народа, имеющего свое представительство и в органах выборного самоуправления, и в лице церковной власти, стоящей на страже исполнения заповедей Христовых.

И это все не пустые слова. Церковная власть постоянно воспитывала власть имущих целым рядом своих посланий и актов, печалований и постановлений. В то же время юридическое начало не вовсе отсутствовало, но не имело самодовлеющего характера. Отношение' центральной власти к местному самоуправлению опиралось на обычай и закреплялось в специальных актах. Но сама власть самодержца не являлась властью юридической, не была следствием развития социальных сил, построенных на юридической основе. Эта власть была властью помазанника Божия, «она — святыня перед церковью, а потому и перед людьми, всеми и каждым, и прежде всех перед самим царем. Святыня же неприкосновенна, стало быть, и неделима. Неделима потому и власть царская между помазанником Божиим и кем бы то ни было... Коснуться святыни, ограничить власть свою, уничтожить самодержавие не властен, следовательно, и сам самодержец» (К.П. Победоносцев и его корреспонденты, «Записка» Н. Голохвастова. С.13. М.-Пгр. 1923 г.). Эта истина оказалась забытой Николаем II.

Эта власть не только не ограничена, но и не ограничима, ибо источник ее не юридический, а от Бога идущий. Царь же определяется в глазах христиан как

защитник православных основ государства. Не будучи защитником, он не выполняет и своих обязанностей перед Богом и людьми. Поэтому в истории мы часто сталкиваемся с такими мало для нас привычными фактами, как прямой выговор самодержцу со стороны простых горожан, когда он уклонялся, по их мнению, от своих обязанностей. Каждый царь чувствовал это давление общественного мнения, эту оценку своей деятельности. Оно являлось ему в Земском Соборе, в настроении народа на улицах Москвы, в словах юродивых, в мнении патриарха и торговых людей. Царь никогда не был отделен от своих подданных никакими наемниками, ездил и ходил по земле русской без охраны, и в Зимнем дворце вплоть до взрыва бомбы при Александре II не было никакой охраны даже у дверей собственных покоев царя.

Разрыв Петра I с Москвой и перенесение столицы ознаменовали революционный разрыв власти со всем прошлым Русского государства, с его народом. Именно православного народа стала бояться новая реформаторская власть и поспешила убраться подальше к чухонским берегам. Уже само Смутное время было возможным из-за предательства боярской верхушкой основ церковных, и для нее стеснительных. Печальный и для нее соблазнительный пример польской шляхты с ее своеволием вызвал к жизни анархические устремления боярства, полагающего возможным свое существование вне авторитета Церкви. Эти первые кадеты русской истории решили связать власть выбранного царя Василия специальной записью.

Опыт не прошел, а сам период Смуты надолго отпугнул народ от веры в царевых слуг: слуга — он ведь может быть и верным и неверным. В народное сознание вошло представление об измене царю его слуг. Не было бы измены в отношении Церкви, не изменили бы и царю. Измена же царю есть, стало быть, и измена христианским основам русской жизни. Однако опыт не научил вельмож ничему, и со Смутного времени Россия двинулась навстречу Петровским реформам. Бояре, подготовившие эти реформы, заимствующие преимущественно из умирающей Польши все самое худшее по части политической, начали еще при царе Алексее Михайловича активное наступление на авторитет Церкви. Их усилиями был дискредитирован замечательный русский человек, патриарх Никон. В Уложении 1649 года уже заметными стали стеснительные для церкви устремления светской власти. Ярким примером этому было введение на монастырских землях светской юрисдикции. В обычай московских бояр стали входить не только польские моды в одежде. Отступления от нравственных основ христианства вызывали обличения со стороны патриарха. Поссорив царя с Никоном, вменив ему все ошибки в деле исправления церковных книг, бояре устами собора 1666 года осудили патриарха и праздновали победу. Собор, осудивший Никона, признал правомочными, однако, все церковные деяния патриарха. Это было нелогично. Но о логике участники Собора не думали.

Коренным деянием Петра, на которое он решился не сразу и под влиянием наследников врагов Никона, стала отмена в 1721 году патриаршества и введение на протестантский манер коллегиального управления делами церкви — Св. Синода, в котором управлять был поставлен от царя Петра кавалерийский офицер. Не случайно Петра народ принимал за слугу антихриста, как позже — масонов. С Петра же начинается и история масонства.

Но еще ранее была ликвидирована Петром боярская дума. Бояре явно не понимали в своей борьбе с церковью и в своем шляхетском устремлении, что рубили сук, на котором сидели. Что же здесь удивительного? Ведь точно так же не понимали и целые поколения наших сытно и кудряво живущих интеллигентов из дворян, а затем и разночинцев, что, борясь с традициями и духовными основами русской самобытности, они рубят сук, на котором сидят, и сидят очень и очень красиво и вкусно. С осетриной и цыганами, с одной стороны, и прокламациями, призывающими к кровавой резне, — с другой.

Целым рядом государственных постановлений Петра и его преемников, особенно Анны Иоанновны, Екатерины II, русская церковь отстраняется от участия в делах государственных, и власть оказывается перед лицом новой и зловещей для себя и для всего народа силы: всемирной организацией вольных каменщиков, «строителями храма Соломона», средоточием «всеобщего единства». По мысли новой власти удел Церкви — простонародие.

В основу идеологии новой русской власти был принят заимствованный с Запада и враждебный любой положительной христианской религии деизм, ставший знаменем всей либеральной интеллигенции Европы. Деизм признает Бога лишь как Творца мира и его законов, без каких-либо последующих отношений Его к своему творению, то есть деизм совершенно отрицает всякий промысел Божий. Это значит, что со стороны Бога исключается всякое участие в жизни мира и человека, а со стороны человека бессмысленными становятся все молитвы, богослужение, и сама религия становится ненужной. Есть ли Бог, нет ли Его — для человека все равно. Бог деистов — это бог философов, ибо Творец есть лишь умозрительная концепция. Такого бога нельзя ни ощущать, ни мыслить в практической сфере человеческой жизнедеятельности.

Вселенная, по учению деистов, есть выражение Бога, его откровение, его «иероглиф», но сам Творец как художник, строитель не исчерпывается своим творением, а стоит вне его, хотя и выразил в нем свою сущность. Близко к этому учению стоит и пантеизм, по которому мир также есть следствие творения безличного Бога, но только мир и Бог составляют одно целое и, по существу, природа и Бог есть одно и то же. Мир в пантеизме есть следствие постоянного исхождения эманации из некоего центра — Бога безличного и неопределимого в словах и понятиях. Его сила и творит из предвечной материи наш мир вещей, природу по имеющимся в ней предвечным образцам.

Поэтому природа есть творящий Разум, она есть Единица, ставшая целым, она есть некий иероглиф, который выражает саму сущность Творящего. Деизм, по существу, составил одно целое с пантеизмом в той системе, откуда он был заимствован интеллигенцией Нового времени. Любопытно, что в книге каббалиста Сен-Мартена «О заблуждении и истине» (1775) вместо слова «Бог» употребляется «Единица» и «Первая причина». Сокровенное учение евреев нашло здесь свое выражение.

Оба учения не случайны, и их корни совечны падшему человечеству. Эти учения представляют собой выражение той духовной пустоты, которая появляется у верующего как результат формального отношения к вере и Богу. Оставление молитвы, этого главного условия богообщения, отсутствие борьбы со страстями и похотями, произвол в мыслях и мечтательность, наступление чувственности — все это изгоняет из сердца Духа Святого. Человек остается без Бога и не «видит» Его, не переживает Его и делает уступку своему чувственному «я»: Бог создал мир и ушел, оставив человеку его «природу» с ее похотями, желаниями, страстями. Они — Его порождение, и, значит, следовать им — вполне законно.

Отныне, с торжеством деизма-пантеизма, природа становится неким нормативом для человека. Все, что естественно, — хорошо. Деизм-пантеизм не знает первородного греха, не знает противоестества, извращения природы, так же, как не знает он и сверхъестества. Все, что есть в природе, — хорошо, и греха нет. Добро и зло исчезают из морали и становятся только синонимом плюса и минуса, свойственного миру физическому. Но что есть зло и что есть добро, этого пантеист не знает. Все относительно, и символическим выражением такой относительности становится шахматный пол масонских лож, черное передается белым и одно не может существовать без другого.

В этих учениях категорически отрицается возможность воплощения Бога в человека. Вся христианская религия отрицается начисто. Все европейское просвещение пошло по стезе деизма и, по существу, было его порождением. Именно его легализация в конце XVII столетия привела к реформе древнего масонства.

Историк масонства и сам масон Финдель по этому поводу пишет: «Нельзя сомневаться, что существует связь между этим движением (то есть деизмом. — В.О.) и позднейшим союзом Вольных Каменщиков (...), и не подлежит сомнению, что оно существенным образом способствовало превращению его во всемирный союз символических каменщиков» (Финдель И. Г., История франк-масонства, СПб., 1872 т. 1, с. 104).

Просвещение в лице своих «философов» двинулось сокрушать христианские святыни и довольно быстро дошло до русских берегов. Само это учение не родилось на голом месте и не возникло по догадке умных

интеллигентов, само по себе. Это учение целиком входило в систему гностицизма, рожденного вследствие длительной обработки иудаизмом философии Платона и Аристотеля, но в первую очередь Платона. Не остались в стороне и чувственные сюжеты иудаизма, и в конце концов, в европейскую мысль все эти учения вошли через знакомство с еврейской каббалой. В знакомстве с этим учением и в проповеди его, выражаемой в различных философских системах, гуманисты Европы тратили свои лучшие годы и свои молодые силы; Кампанелла, Дж. Бруно, Фильчино, Пика делла Мирандолла, Р. Бэкон, Ф. Бэкон и др. Каббала, выраженная в символах, числах, имеющих чувственный характер, пронизанная эротикой, насколько вообще можно представить себе возможность сочетания эротики и геометрии, давала большой простор для спекулятивной мысли.

Если представить себе к тому же и ее демонологию, магию, то мы будем иметь весь комплекс того, что выразилось в средневековом гуманизме, а затем и в Просвещении. Именно призыв к «естественной религии», то есть к обожествлению «природы», призыв все понять рациональным умом и отвергнуть все, что ему, этому уму, непонятно, призыв обожествления человека и возведение эгоизма на пьедестал Бога — все это имело в каббале и оттуда вошло в «просвещение», отсюда его антихристианский пафос.

Пропаганда эротики, разврата, совместно с плоской, формальной, «геометрической» рассудочностью, и высмеивание, опошление истин христианства и стало именоваться «просвещением». Беда была в том, что ни Вольтер, ни Руссо, ни Монтескье, ни сотни других писателей Просвещения не были мыслителями в высоком смысле этого слова.

«Религия деизма, — пишет Куно Фишер, — есть чистый монотеизм... **Поэтому деизм (здесь и далее выделено в тексте. — В.О.) имеет и чувствует гораздо большее сродство с идеальным иудейством и с идеальным магометанством, чем с христианством.** Отсюда объясняется то предпочтение, с которым немецкое просвещение относилось к иудейству...» (Куно Фишер. История новой философии, т. II, с. 398, СПб., 1863). Один из столпов европейского и европейского просвещения, Мозес Мендельсон, направив всю свою энергию на ниспровержение Христианской Церкви, обличая и критикуя христианское вероучение, настаивая на том, что только «естественная религия» и «естественный разум» имеют право на существование, писал, что только иудейское вероучение основывается не на божественном откровении, а на естественном познании и что **единственная цель иудейского откровения состоит в практических законах и житейских правилах**» (Куно Фишер. Ук. Соч., с. 477). И надо добавить, что именно каббала возводит наслаждение и сексуальность в онтологию.

Именно в каббале Бог стал безличным началом, образующим вселенную

путем эманации и посредствующих персонифицированных сил-сефирот. Такому Богу нельзя поклоняться, ибо он только нечто или даже ничто. Однако такое отрицание трудно выдержать, поэтому мир населен демонами и ангелами, духами, и с ними человек вступает в связь с помощью магии. За благополучным, «интеллигентным» фасадом «просвещения» стояла людоедская демонология и самое грубое суеверие. Настаивая на «естественной религии», проповедовали атеизм, главным содержанием которого было отрицание основного вероучения догмата христианства — триединства Бога. А ведь из этого догмата непосредственно следовало и боговоплощение второго лица св. Троицы — Сына Божия, Иисуса Христа, и его спасительной миссии на Земле. Атеизм получил название «монотеизма» в иудаизме.

Из такого «монотеизма», в котором Бог — ничто, вытекало и отрицание всей культурной жизни европейских народов, построенное на христианстве, как богооткровенной религии. Пытаясь всячески отвергнуть спасительную миссию Христа, делатели «просвещения» готовы были признать в христианской религии возвышенный характер ее нравственности и изображали дело таким образом, что само христианство есть только продолжение иудаизма, внесшее в него свою мораль. «Христианство считается продолжением и дополнением иудейства, — пишет тот же Куно Фишер, характеризуя отношение «просвещения» к религии христианской, — как «гуманизированный, моральный монотеизм», а поскольку главным представляется вера в естество и вера в это естество составляет «естественную религию», то нетрудно догадаться и о взаимоотношении естественной религии и иудаизма: **«монотеизм иудейской религии образует основу и первый элемент религии естественной».** (Ук. соч., с.371.) «Естественное» философов оказывается просто выражением Торы, с ее магией, алхимией, символизмом.

Каббала вошла в европейскую мысль в различных формах и доказала, насколько хорошо уживается рационализм с иррационализмом и насколько одно не может жить без другого. Петр I унаследовал идеи «просвещения» в учениях Гуго Греция и Пуфендорфа, сочинения которых он потребовал перевести и дать читать своему сыну, зверски впоследствии им замученному и убитому, Алексею. Либерализм стал шествовать по русской земле и в облике бездуховного «патриотизма». Петр унаследовал от европейских мыслителей «просвещения» идею служения некоему Государству, Левиафану Гоббса, которое важнее всех людей, населяющих это Государство. Народ — ничто. Государство — все. Личность — нуль, она только исполнитель воли Государства. Само же государство рассматривается как коллективная личность.

Идея военно-чиновничьего государства как последней цели всех человеческих устремлений входит через «просвещение»; она овладела Петром I и стала основным догматом власти чиновников над народом. В таком

абсолютистском Государстве чиновник выполняет роль жреца, а Государство — церкви.

Первым по времени творением нового учения «молодой России», основанной на началах «естественных», а не богооткровенных, стало сочинение Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей» (1722 г.), которое разъясняло читателю, что такое демократия, аристократия и монархия наследственная и избирательная и в чем преимущества и недостатки того или иного государственного устройства. Читатель благодаря Феофану познакомился с учениями «изряднейших законоучителей» Гуго Грация, Гоббса и Пуфендорфа, творцами того учения, в котором природа заменяла Бога личного. Проводилась мысль, что власть монарха до тех пор законна, пока она соответствует интересам народа. Каждому читателю закономерно могла прийти мысль: а соответствует ли та или иная мера правительства этим интересам? Мысль политическая покатила по руслу, указанному трудом Феофана Прокоповича. Сочинение его распространялось по губерниям России правительством Екатерины I, будучи издано в числе 20 000.

Новая поросль чиновников, рожденная регламентами и артикулами Петра I, нуждалась в своей идеологии и получила ее в виде деизма. Но рационализм никогда не идет один. Ему нужен некий «материализм», который в ближайшем рассмотрении есть совокупность мистики в виде тех или иных суеверий и самой пошлой чувственности. Мистика власти того времени, то есть начала XVIII столетия, выразилась в вере в некое Государство, которое само по себе благо, независимо от блага населяющих его подданных. Такая вера была нужна государственным предприятиям Петра, так как все они шли вразрез с интересами конкретных людей, населяющих Россию, они оскорбляли их веру и национальное достоинство. Они были бессмысленными с точки зрения и военной и экономической, не говоря уж о том, что разрывали со всем национальным прошлым России. Сам факт строительства новой столицы говорил, что с кремлевским православным кругом своих ежедневных обязанностей, в котором религиозное и правительственное сливалось в единое целое, новое, «немецкое» правительство рвет навсегда. Назвать Петербург городом Самодержцев невозможно уже по одному его облику.

Начинается кризис власти. Будучи по своим нравственным обязанностям православной, эта власть среди православного народа исповедует чуждую ему «религию естественную».

Посреди стихии религиозной человек, вкушивший прелесть неверия, искал новых форм общения и новых средств удовлетворить свое алчущее истины сердце. Надо ли говорить, что *«готовую организацию для объединения тогдашней интеллигенции являлись масонские ложи»* (Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, с. IV). Замечание

точное. Теперь новая идеология формирует чиновничий корпус.

На внутренний книжный рынок все больше и больше находит доступ литература «просветительская» и та, что составила главный ее нерв, — сочинения языческих философов, моралистов по преимуществу, Эпиктета, Плутарха, Сенеки, Цицерона, М. Аврелия и др. С годами крепнет и своя интеллигенция и появляются журналы для пропаганды новых взглядов. Уже в 50-е годы XVIII столетия масонские ложи объединяют крупных сановников России. Одновременно издаются и журналы, объединяющие интеллектуальные силы интеллигенции, ставшей с самого начала в оппозицию как к правительству, так и к Церкви. Не вся, но голос разрушительный был звончее, и был в фаворе у власть имущих.

Хотя Москва остается городом традиционной культуры, городом церквей и монастырей, хотя в ней ритм жизни подчинен по-прежнему религиозным обычаям и привычкам, однако и она не остается в стороне от столбовых путей европейского «просвещения». Центральным пунктом, можно сказать, цитаделью «просвещения» становится Московский университет, открытый в 1755 году волей опытного масона с широкими заграничными связями И.И. Шувалова, при активном участии Ломоносова, исповедовавшего, как известно, деизм и к православной вере относившегося весьма и весьма прохладно. Университет, единственный в Европе, не имел даже кафедры богословия. Кураторами университета с самого начала становятся масоны же; Херасков, подлинный его руководитель, в течение нескольких десятилетий руководит кружком студенческой молодежи, сплоченной вокруг журнала «Полезное увеселение» (1760-1762 гг.).

Именно в этом журнале проводятся общие мысли античных стоиков о суете мирской, что «мир есть тлен и суета, нетленна лишь добродетель» и прочее в том же духе. В соответствии с масонской идеологией, самодостаточная мораль должна была «заменить» Церковь. В целом же дух журнала соответствовал «тенденциям масонства первых трех степеней» (С е м е к А.В. Русское масонство в XVIII-м веке Масонство в его прошлом и настоящем, т.1, с. 130). Не лишено интереса и то, что именно в этом же журнале было опубликовано «Устроение жизни человеческой» Додели (1703-1764).

Книга заключала в себе излюбленные масонами нравоучения и касалась тех же вопросов, какими изъяснялись масонами в их актах и катехизисах. Она полностью вошла в состав «Карманной книжки для Вольных Каменщиков» в издании Новикова в 1783 году.

Обращение к моральной тематике должно было по своему содержанию внушить читателю мысль о ненужности Церкви в делах спасения и ненужности даже и самого Искушения кровью Иисуса Христа грешного человечества. «Спасение» человечества берет на себя масонство и Государство.

Бессчетные рассуждения на тему о некой добродетели с обильной цитацией языческих авторов, преимущественно стоиков, заполнили книжный прилавок москвичей. Эпиктет, Сенека, Марк Аврелий, Цицерон и другие стали близкими знакомыми русских читателей. Весь яд языческой мудрости, все, что родило язычество в лице своих декадентствующих интеллигентов на вечерней заре античного мира, все, против чего выступило христианство как душепагубного, — все это вновь вернулось и пришло на русскую землю. Теперь «взыскующие истину» либералы перед грудой костей и черепов в масонских ложах клялись в верности врагам Церкви и повиновении ордену. Здесь формируются идеалы «гуманизма» и его носители.

Западноевропейские «философы» берут отсюда же весь арсенал своих философических мыслей, выношенных в течение веков в различных европейских эзотерических обществах, разного рода академиях, с тем, чтобы уже в конце XVII века, приобретя власть государственную, можно было вылезти на свет, не боясь попасть в руки инквизиции. Теперь инквизиция организуется ею: начинается преследование христианской веры, расшатываются основы этого вероучения. Движение «гуманизма», воспитанного на каббале, дало всходы вначале в виде разного рода ересей, как анабаптизм, альбигойство и им подобные, носящих явно манихейский характер, то есть тот же каббалистический, приспособленный к европейскому типу мышления.

Все они имели коммунистическую направленность, отрицали брак, семью, Церковь, сословное деление. Проповедовали моральную распущенность, необходимость лжи; имели иерархическое устройство, степени посвящения и руководимы были «избранными». Характерно, что «учение мандеев (из среды которых вышло манихейство. — *В.О.*) возникло, в иудейской среде...» (Трофимова М.К. Историка-философские вопросы гностицизма. М., Наука, 1979, с. 20).

«Ученая республика» гуманистов средних веков вошла в Новое время со всем своим идейным багажом. Этот идейный багаж Ч.У. Гекерторн определял так: «Совершенно противоположные идеи политеизма, пантеизма, монотеизма, философские системы Платона, Пифагора, Гераклита вместе с мистицизмом и демонологией, созданной каббалистикой после плена иудеев, все способствовало к образованию гностицизма». Этот каббалистический гностицизм и вошел в сознание русской либеральной мысли в середине XVIII столетия. В последующие времена, когда в бытовом плане практическое исповедание истин христовой веры было разрушено, для разночинной интеллигенции уже не требовалось такого напряжения ума, какой был нужен, чтобы одолеть отвлеченные сложности теософии, всего круга герметической литературы, чтобы узнать высоты каббалы, достигнуть знаний в практической магии. Тогда мысль этой части интеллигенции сосредоточилась на голом и

пошлом отрицании. Родился нигилизм.

Но в середине XVIII века еще слишком остро стоял вопрос о Церкви и ее спасительной роли. Новое знание поэтому давалось как «истинное» христианство. И это понятно. Еще создатель манихейства Манес «понял обширную силу христианства и решился воспользоваться ею, скрыв гностические и каббалистические идеи под христианскими названиями и обрядами. Для того чтобы придать этому учению вид христианского откровения, он назвался Параклитом, возвещанным Христом своим ученикам, приписывая себе гностическим способом большое превосходство над апостолами...» (Гекерторн Ч. У. Тайные общества всех веков и всех стран. СПб., 1876, ч. 1, с. 196).

Дуалистические воззрения каббалы, вобравшей в себя идеи гностиков-манихеев, в которых материя, вещество объявляются абсолютным злом, из которого должна была быть извлечена «искра» духа — человеческая душа посредством все возрастающего «знания», вошли в сознание интеллигенции еще того времени, когда эти воззрения зародились в Римской империи I-III вв. по Р.Х., определили многое в сознании и русской либеральной интеллигенции. Поскольку материя — зло, делалось два прямо противоположных практических вывода: раз материя зло изначально и изменить своей природы не может, то пей, ешь и веселись. Дух не может преобразовывать материю, и их связь временная. Тело умрет, а душа будет совершать новые переселения в другие тела — так учила каббала, и так следовало по учению масонов. В другом подходе превалировали меланхолия и мысли о суетности мира и необходимости бежать соблазнов его. Но и здесь, в меланхолии, преобладала чувственность, правда, более утонченная, более интеллигентная. И это настроение соответствовало масонству.

На практике оба подхода прекрасно сочетались, внося путаницу для исследователей масонства. Оба были равнозначны, и сам подход зависел от произвола, а возможно, и от наличия здоровья и денег. Перед нами — апология атеизма. Грех не изгонялся, а регламентировался этикой.

Вокруг Московского университета с первых годов его существования все более и более собирается «ученая республика», и ее усилиями издаются сочинения французских энциклопедистов: Монтескье, Дидро, Руссо. Когда знакомишься с содержанием издаваемых книг, когда видишь, как протесты иерархов церкви принимаются с насмешкой теми, кому поручено было стоять на страже благочестия и веры Христовой, то невольно вспоминаешь слова Герцена о том, что с Петра I правительство держало знамя просвещения в России («О развитии революционных идей в России»). И нужно было очень высоко держать это знамя, чтобы оторвать взоры либералов от родной земли и довести свои сердца до полного нигилизма, такого, когда этот либерал Герцен

скажет всей Европе: «Мы свободны от прошлого, ибо прошлое наше пусто, бедно и ограничено», а вся история сведется к навешиванию ярких идеологических жупелов: «московский царизм» и «петербургское императорство». (Ук. соч., см. в кн.: Герцен А.И. Эстетика, критика, проблемы культуры. М., 1987, с. 271.) Для этих создателей идеологического типа мышления, возвращенного в масонских ложах, вся живая и полнокровная жизнь заменялась на хлесткие ярлыки, скрывающие невежество, как основу «просвещения».

Чего стоит, например, такое определение русской письменной Культуры воспитанником Московского университета Герценом: «До XVIII столетия никакого движения в литературе не было. Несколько летописей, поэма XII века (Поход Игоря), довольно большое количество сказок и народных песен, по большей части устных, — вот все, что дали десять веков в области литературы» (там же, с. 215). И если Герцен вещал так на всю Европу и был уверен в истинности своих слов, то ведь до такого невежества еще надо было дойти и для этого еще надо было кончить университет, эту колыбель «просвещения». Здесь нет иронии. Речь идет о характерном принципиальном неприятии национального предания.

С 60-х годов XVIII столетия в жизнь русского «образованного» общества входит Мефистофель «просвещения» — Вольтер и начинает вести с ним веселую и злую игру. Отныне печать Соломона стала все чаще и чаще ложиться на левое обнаженное плечо русского масона, все больше и больше появлялось желающих получить эту печать и все больше и больше интеллигентов целовало левую ногу Великого Мастера в надежде получить насыщение глада духовного и приобрести себе покровительство власть имущих. Ибо уже тогда, в 60-е годы, еще при Елизавете в обществе было известно, что масоны помогают своим членам делать карьеру и в их рядах состоят представители чиновной знати. В отличие от христиан масоны никогда не шли ни на какое мученичество ради идеи.

Достаточно было намекать власти, чтобы ложи прекращали свою явную деятельность и спешили заявить о своей полной приверженности престолу. Намека... Но вместо намека правительственные чиновники спешили сами вступить во всемирное братство. Состав масонских лож, отмечает историк масонства Г.В. Вернадский, совпадал с составом чиновничества, и процент масонов резко возрастал по мере движения снизу вверх, в правительственные департаменты. Эта тенденция сохранилась и в последующие годы... И есть сильное подозрение, что это единственная дошедшая до нас традиция.

Масонство, с его преклонением пред мудростью каббалы и магии, самодовольство и невежество, самый грязный разврат, дьявольская насмешка над всем святым, над всем церковным, презрение ко всему народному и

традиционному — все это закружило русское, в том числе московское, дворянство в каком-то диком сатанинском танце.

Общество предалось разгулу страстей самых низменных, самых непотребных. Вольтерьянство вошло в сознание потомков как разврат и фармазонство. Быть вольтерьянцем значило быть одновременно «передовым», значило быть масоном и было равнозначно нравственной распущенности. XVIII век — век просвещенного эротизма и веры в прогресс.

Коренная москвичка Елизавета Петровна Янькова вспоминала, говоря о своем брате: «Во дни его молодости, то есть в 1780-х годах, очень свирепствовал дух французских философов Вольтера, Дидерота и других. Брат князь Владимир очень любил читать, хорошо знал французский язык, а вдобавок у них в доме жил в дядьках какой-то аббат-расстрига. Вот он смолodu и начитался этих учений, и хотя был умный и честный человек, а имел самые скотские понятия насчет всего божественного, словом сказать, был изувер не лучше язычника. (...) Очень мне всегда грустно было видеть, что такой хороший и добрый человек, а так заблуждался, и всегда просила я Господа, чтобы он обратил его к себе ими же путями ведает, и, благодарение Господу, брат потом действительно прозрел и покался».

В другом месте она вновь вспоминает о брате: «Начитавшись смолodu Вольтера и Дидерота, он ни во что святое не веровал... я веровала, как учит церковь, он все отвергал, — что же тут говорить? Его не разуверишь, что он заблуждается, а слушать его было неприятно и страшно: христианин, а говорит как язычник, и лет сорок или больше не был на духу, не причащался...» (Благово Д. Рассказы бабушки. Л., Наука, 1989, с. 138, 328.) В своих воспоминаниях другой москвич, Жихарев, рассказал о жизни старика Алферова, который говорил ему о днях своей молодости, пришедшей на это же время, что не развратничать казалось в обществе чем-то несурзным. И стар и млад пускались во все тяжкие, «сильно способствовали разврату общественных нравов иллюминаты-алхимики». Этот Алферов рассказывал Жихареву, что они, эти иллюминаты-алхимики, «умели привлекать к себе молодых людей обольщением разврата, а стариков возбуждением страстей и средствами к тайному их удовлетворению. Для этих людей ничего не было невозможного, потому что не было ничего священного...» (Жихарев С.П. Записки современника. М., 1955. с. 230).

В этих воспоминаниях все интересно. Причем голос Яньковой — это голос настоящего русского человека, среди всех невзгод, среди всего вольтерьянства сохранившего чистоту своей веры и свою нравственность, свое сердце и душу. Мы слышим ее соболезнающий голос любящего человека, истинно православного, которому тяжело было наблюдать за гибелью своего брата, живущего «скотским обычаем». В рассказе старика Алферова мы прикасаемся

к деятельности иллюминатов-алхимиков, а ведь в Москве таковыми были члены Ордена Розового Креста, в который как раз в это время входил и Н.И. Новиков.

Любопытно, кстати же, и то, что родственник Жихарева М.И. Невзоров, был учеником Н.И. Новикова, на его деньги обучался в Германии, по возвращении привлекался к суду, но избежал заточения, затем издавал журнал масонского толка «Друг юношества», в котором проповедовал идеи каббалистические и, начав как мистик, закончил самым неприкрытым вольтерьянством и атеизмом, не оставляя случая критиковать православную Церковь по каждому поводу и без повода, и притом без всяких для себя неприятных последствий. Вольтер разрушал все основания нравственности, насмехался над самыми святыми для любого человека вещами и превращал все свои произведения в длинный ряд сальных сцен. Вполне можно согласиться с Незеленовым (см.: Н.И. Новиков — издатель журналов. СПб., 1875), что любой сюжет, будь то война, приключения и проч., служил Вольтеру только для изображения грязных сцен насилия над женщинами. Особенно с любовью Вольтер вводил в эти сюжеты священнослужителей и монахов. Он специально проработал всю Библию, чтобы выбрать все эротические сюжеты. Надо ли говорить, какова была цена вольтеровскому скептицизму. Разрушив веру, нравственность, поселив в сердце дьявольскую усмешку, вольтерьянство оставляло человека среди нравственной и религиозной пустоты. Немногие шли по пути покаяния и возвращались в лоно Церкви, как брат Яньковой, который в конце концов «пожелал говеть, подробно исповедал все грехи и сподобился принятия святых Христовых Тайн. С тех пор он ежегодно говел, соблюдал посты и посещал храм Божий» (Рассказы бабушки, с. 329). Но надо признать — среди духовенства выходцев из знати не было.

Намного чаще в поисках утешения вольтерьянец приходил в другой храм — храм Соломона, строить который он и должен был с вступлением в члены Ордена Вольных Каменщиков.

При императрице Елизавете масонство, можно сказать, только-только выходило на широкую дорогу участия в политической и культурной жизни страны. Но «еще не было самого важного и необходимого условия (для широкого распространения. — В.О.), — не было еще русской интеллигенции, объединенной общими духовными интересами...» (Семека А.В. «Русское масонство в XVIII веке» в кн. Масонство в его прошлом и настоящем, т. 1, с. 132). Еще только по-настоящему начался процесс разложения «безыскусственного религиозного идеализма Московской Руси». И далее Семека продолжает: «Для того, чтобы масонство получило широкое распространение, чтобы оно могло сделаться тем русским общественным движением, каким мы видим его впоследствии, прежде всего нужен был... факт образования первой русской интеллигенции», но чтобы стать интеллигентом,

оказывается, недостаточно, чтобы человек занимался умственным трудом. Он должен стать человеком, сформированным определенными идеями, у него должна быть «тенденция», а для этого он должен был испытать разрушение своего религиозного чувства, утратить веру в Спасителя и благотворную роль Церкви, он должен был, по словам Семеки, «испытать ужасное состояние душевного раздвоения и страданий от утраты душевной цельности, он должен был пройти подготовительный искус», и таким «искусом» было для русского общества насаждение руками просвещенной императрицы «вольтерианства». Оно было тем гробом для христианина, откуда он восставал масоном. В XX веке роль вольтерьянства в России сыграл марксизм.

Вольтерьянство вводило человека в тот страшный грех, который святая Церковь считает в числе смертных, убивающих душу еще при жизни, так что человек только по видимости живой.

Адский аспект сладострастия, которым полна была литература и до Вольтера, но который сосредоточил все свое внимание именно на этом пороке, был раскрыт во всей своей многосложности и многогреховности в апокалиптическом образе вавилонской блудницы:

«И увидел я жену, сидящую на звере багряном... и держала она золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодейства ея. И на челе ея написано: тайна, Вавилон, мать блудницам и мерзостям земным. Я видел, что жена упоена была кровью святых и кровью свидетелей Иисусовых...» (Откр. Иоанна, гл. 17).

Великому апостолу и пророку удалось полностью раскрыть все сатанинские глубины блуда, наделенного всеми атрибутами земных привязанностей, внешним блеском, богатством, красотой, роскошью и мирской властью в их связи со «зверем из бездны» и «великим драконом, древним змеем-дьяволом», как главным орудием в растлении человека и в разложении его духовной цельности на бездуховные и безжизненные куски стремлений, похотей, желаний и мечтаний.

Что же удивительного, что именно вольтерьянство вело русского человека в масонскую ложу, в которой из него делали «сознательного интеллигента», «интеллигентного» работника (Папюс). Но что же именно нужно было сознать, чтобы прослыть сознательным? Какой интеллект иметь, чтобы получить патент на интеллигентность?

Семека еще раз подчеркивает, что «путь, приведший к масонству главных представителей русской общественной жизни, был у всех совершенно одинаковым: все они прошли через вольтерьянство» (с. 134). Немало, впрочем, содействовало увеличению рядов русского масонства знакомство и с другими философами-просветителями: Гольбахом, Монтескье, Дидро и проч. Разные

авторы с разных сторон говорили, в сущности, одно и то же. Идеи анабаптистов-манихеев, альбигойцев, «жидовствующих», Нового Израиля излагались европейскими «просветителями» изящно, умно и не без помощи эротических скабрёзностей. Скучные теории легко усваивались в упрощённом виде через беллетристику.

Одним из первых крупных, чисто масонских предприятий было издание при Императорском Московском Университете в 60-х годах XVIII в. «Переводов из энциклопедии» (Дидро и Ко), ч. I-III. Редактором издания был неутомимый М.М. Херасков, а в числе переводчиков мы видим исключительно масонов: А.И. Бибикова, гр. Шувалова, кн. Козловского, кн. Н.Н. Трубецкого и проч. Для привлечения новых адептов в ложи нужна была «новая» культурная атмосфера, которая и создавалась издательской деятельностью «братьев». Как ни крути, а именно они положили начало русской литературе. Это исторический факт. Литература же — апофеоз «гуманизма» без Бога.

Лишь только окрепнув и потеряв опасения за свою безопасность, масоны двинулись на штурм книгоиздательской деятельности. И то сказать: не было никакой литературы для русского читателя, следуя которой он бы осознал необходимость перестать быть русским, отречься от своей истории, традиций, от спасительной веры и, в конце концов, пойти в подлинный университет каббалистических наук — масонскую ложу. «Учение Св. Ордена преподается (оно) под символами и иероглифами и только Св. Орден яко верная академия дает избранным токмо братьям таинства своя, состоящие в познании света натуры», — говорил в 1789 г. Великий мастер Орловской ложи — З.Я. Карнеев, орловский вице-губернатор. Задача создания нового цельного здания просветительской культуры со своими образчиками поведения, своими героями для подражания, своими тщеславными радостями и чувственными утехами встала во весь рост как необходимая антитеза церковному христианству, с его «узким путем» в Царство Небесное.

Переводчиками творений Вольтера становятся видные масоны: А.Р. Воронцов, А.П. Сумароков, Ив. Лар. Голенишев-Кутузов (переводит любимое произведение Екатерины II «Задиг»), Ал. Спиридов и др. Проблема отношения человека к Богу заменяется в беллетристике на проблему отношения человека к обществу.

Полного расцвета эта культурная просветительская деятельность масонов достигает только в 80-х годах XVIII столетия, когда создается для этой цели в Москве Орден теоретического градуса Соломоновых наук, входящий в состав розенкрейцера европейского, с прямым подчинением Берлинским «братьям». Берлин в то время — прообраз нынешнего Вашингтона для наших демократов.

Этот Орден был основан именно в Москве не случайно, а в связи с новыми

потребностями и задачами, стоявшими перед русскими «интеллигентными работниками» — масонами: создание своей интеллигенции. Вольтерьянство делало свое дело разрушения, и пора было подумать о том, что следует строить на пустом капище русского сердца. В Москве находился единственный в России университет. Поэтому сюда и был перенесен центр просветительской деятельности Ордена, главной функцией которого и было распространение выгодных Ордену идей. Розенкрейцер именовался еще «братом-иллюминатом» (см. Папюс. Генезис и развитие масонских символов. СПб., 1911).

Для уже прошедших искусств вольтерьянства следовало теперь объяснять, что материализм просветительства вреден в том смысле, что задерживаться на нем нет смысла, надо идти дальше. В Ордене занимались углубленным изучением тайн магии, в том числе и с человеческой кровью, изучались глубины каббалы, содержащей эти тайны, и, как можно судить по многочисленным свидетельствам, в Ордене служили черную мессу в церкви при запертых дверях. Церковные облачения, которые были обнаружены властями у «братьев» при следствии по делу Новикова, использовались исключительно в черной магии и черной мессе, в служении дьяволу¹. Известно, что Новиков сам причащал «братьев» ложи. Кошунственные обряды масонства известны: причастие, покаяние и исповедь и др.

И это, естественно, вытекало из самой доктрины масонства-гностицизма в его манихейском выражении. Дьявол есть хозяин этого вещного мира, и с ним нельзя не находиться в связи. Желание масонов иметь власть над природой, в том числе и над человеком, не могло не привести «братьев» к этой связи. Масонская литература полна призываний имени Господа Иисуса Христа, но можно без труда обнаружить, что речь идет не о евангельском Иисусе Христе. В гностицизме каббалы существует бесчисленное множество духовных сущностей, которым можно придать любое имя.

Не христианским духом веет от клятв масонов на груди костей, от обещаний мстить врагам Ордена, от муляжей королей, которым верный каменщик должен проткнуть грудь или отрубить голову, от жутких сочетаний циркуля, треугольника, квадрата и от застывших рисованных небесных светил, от поцелуев ноги Великого Мастера, от всевозможных клятв в молчании и

¹ Мысль на это наводят принятые уже в шотландских степенях кошунственные обряды, пародировавшие св. причастие (в столовых ложах), использование священнических одежд, миропомазание, обязательное присутствие священника-масона при некоторых ритуалах высокого масонства. Ср., например: «Каждый невидимый капитул имеет из духовенства своего священника..., коего обязанность состоит в том, чтобы отправлять церковные обряды..., служить обедни и воспевать гимн» — Соколовская Т.О. «Русское масонство...», с.70. Это же видно и по следственному делу Новикова. (См. «Допрос Новикова Шешковским», п.45, и ниже гл. «Позднее масонство».)

беспрекословном подчинении невидимому начальнику. Все это навеивает представление о какой-то кровавой языческой секте древности.

Если верно положение исследователя С.С. Ланды, что Орден иллюминатов Вейсгаупта был создан для реализации возвышенных идеалов «просвещения» (см. Ланда С.С. Дух революционных преобразований... М., 1975), то так же верно и то, что Орден Розенкрейцеров был создан для пропаганды идей того же «просвещения». По чести сказать, невозможно отличить общественные и политические программы этих двух организаций, и, кажется. Пекарский совершенно прав был, когда считал Шварца членом Ордена иллюминатов. В деятельности, повторяю, различий нет.

В 1769 г. молодой отставной поручик Н.И. Новиков, в свое время отчисленный из Московского университета, вдруг начал издавать журналы. Сначала один, потом другой и так почти двадцать лет. Новиков привлекает молодые силы к сотрудничеству, и вокруг него формируется кружок литературной интеллигенции. На протяжении почти всей своей жизни Новиков решал национальную проблему. Она его мучила и терзала, и он ее мучил и терзал, но так и не решил. Проблема сводилась поначалу к обличению французских мод, нравов, которые повредили исконные доблести наших предков. Там, в глубине веков, эти русские добродетели крепили и расцветали: в быту царствовала простота, помещики уважали крестьян, семьи были крепкие, и жены любили мужей и мужья жен. Народ уважал умных и справедливых бояр и оказывал им знаки любви и уважения. Первый журнал — «Трутенъ» — с яростью обрушивается на тех, кто поддался французскому влиянию и стал мотом, забыл труд и честь. В следующих журналах тема добродетели сменяется обличением древних же наших русских порядков, зато Вольтер попадает в число учителей человечества. Уже в 1772 г. Вольтер — это «прорицалище нашего века». Теперь в испорченности своих нравов виноват сам народ, взявший от «просвещения» самое худшее, когда полагалось взять самое лучшее. Начавшаяся во Франции через 20 лет революция, с ее невероятными жестокостями, бессмысленной бойней, убийствами женщин и даже грудных детей, показала, что было в «просвещении» худого и было ли там доброе.

Из журнала в журнал, из года в год нарастала критика русских нравов. Она становилась все более целеустремленной и начинала преследовать цель чисто революционную. Но об этом ниже. В самых мрачных красках рисует автор (или авторы) «Живописца», выходившего в 1772 г., жизнь и купцов, и монахов, и простого народа, который глуп и невежествен («Живописец», 1772, с. 120), и вот появляется такой пассаж: «...может ли Русский человек, не покрасневши, осмелиться подумать, что он может в чем-нибудь поравняться с французом?» («Живописец», 1772, л. 7, с. 63, цит. по кн. Незеленова).

Однако не все так просто обстояло с патриотизмом для Новикова. Он вновь и вновь возвращается к вопросу о добродетелях исконно русских и начинает издавать научные труды по русской истории при самой деятельной финансовой и моральной поддержке Екатерины II. Он издает в 1772 г. «Опыт исторического словаря о Российских писателях», в котором напрочь разводит в разные углы христианскую духовность и языческую беллетристику, затем знаменитую «Древнюю Российскую Вивлиофику», «Идрографию» и др. сочинения. Правда, в «Опыте исторического словаря» Новиков уже охотно хвалит Вольтера и ставит очень высоко тех российских писателей, кто пишет, ему подражая. Более того, он очень мягко и сочувственно отзываясь о цинике и похабнике Баркове. К 1775 г. его сердце окончательно прикипело к Вольтеру и Дидро.

Его деятельность не осталась в тайне. Так же как и его мучения. Вольтер, Дидро, Монтескье — обычный путь вздохов и сожалений. Он пытался насытить себя в теме национального, но не насытил. 1775 год... в этом году Новиков сразу стал мастером стула, и началась его орденская карьера. Пройдет не более шести лет, и он станет во главе русского масонства вместе с несколькими избранными. Как мы увидим — не зря пафос «просвещения» в его журналах нарастал, а, с другой стороны, в его сатирах высмеивались и священники и монахи. Сама же роль церкви в деле духовного окормления никогда не была в поле интересов Новикова. Судя по его литературным трудам, Новиков не знал периода подлинной религиозности. Видна только его неприязнь к «наружной», т.е. православной церкви.

Хотел ли Новиков вступать в масоны, как он относился к масонству — все это риторические вопросы. Ответ на них дает его быстрая карьера в Ордене, его увлечение каббалистической стороной учения, полное забвение истин православия. Для него как бы не было 18 столетий христианской эры. Тысячи мучеников, исповедников, апологетов, иерархов, христианских философов, писателей, зодчих, — все это для Новикова одно недоразумение, не стоящее внимания.

Гельвеции, Вольтеры, Бентамы, масонская символика и иудейская магия, демонология и философия наполняют его душу. В 1777 г. Новиков во главе целого коллектива пишущей братии начинает издание первого масонского партийного журнала «Утренний свет». В «предуведомлении» он излагает некоторые сведения из натурфилософии, части масонского учения, и проводит мысль герметиков-каббалистов о «высоком достоинстве» человека. Человек, по мнению Новикова, должен проявить подобострастие к самому себе. Это обожествление человека, характерное для всех нехристианских учений, Новиков предлагает принять читателям безоговорочно, иначе они заслуживают, «чтобы мы их за диких... зверей почитали...»: «Сих нечеловеков

наказывать» будет сатира. для них она будет «бичом». Следующие статьи излагают представления Талмуда о сотворении человека Энсофом.

Лотман полагал, что краеугольным камнем всех течений «просвещения», объединяющим их с масонством, служит антропоцентризм. Поставление человека на место Бога действительно составляет краеугольный камень Талмуда, в котором раввины управляют даже самим Иеговой и в котором весь мир служит человеку вместе со звездами, планетами, духами и Землей. В соответствии с этой мыслью Новиков доносит до читателя: «Всякий человек может некоторым образом сказать себе: «весь мир мне принадлежит», «человеки могут, по благоугождению своему, всем царствовать и всем учреждать». И это естественно: ведь сам Бог не смог обойтись без человека, только через него Он может осознать свое существование. Такова основная мысль Талмуда и всей герметической литературы. Эти идеи и понес Новиков, внедряя в сознание читателей. Дворянин русский занялся пропагандой учения раввинов.

Повторим, что каждый, кто не принимает такой концепции, кто стоит на позициях православного вероучения, — тот «недочеловек», тех надо почитать за «диких зверей» («Утренний свет», 1777 г., «Предупреждение»).

В основе христианства лежит учение о первородном грехе, повредившем всю человеческую природу, и о спасительной жертве Бога-Сына, своею кровью искупившего падшее человечество и даровавшего ему Свою Церковь для благодатной помощи каждому из нас, крещенных во Имя Его. Направленность «Утреннего света» ясна и понятна. Но не нужно думать, что Новикова потащили сразу в застенки за ересь или атеизм. Ничуть не бывало. Дело его процветало на выбранном им пути разложения христианского вероучения. Журналы Новикова представляют в самом возвышенном тоне языческих писателей и философов: Платона, Фукидида, Сенеку, Вергилия и проч. и проч. Одновременно появляются и имена западных мистиков: Юнга, Бёме, Ф. Бэкона, Геснера, Паскаля, Геллера и др. идеологов масонства. Рукою Новикова, как бы к нему кто ни относился, явно водит недоброе сердце. В каждой строчке слышна его ненависть к Церкви и Спасителю. Чего стоит, например, вот такое место из «Утреннего света»: вначале были славны в добродетелях иудеи, но слишком увлеклись обрядами. Им последовали греки, из коих славнейший — Сократ. «Ему следовали Платон, Эпикур. Зенон и многие другие. Потом варварство и происходившее от оногo предрассуждение истребляли время от времени сие божественное учение и одержали верх. Наконец, Бэкон и Гроций возобновили путь, по которому следовали Волфий, Николе, Паскаль... Сие столь нужное учение, от которого зависит благополучие как частного лица, так и целых фамилий и обществ, сия божественная наука должна ли быть у нас в пренебрежении?» (Заключение журнала под названием «Утреннего света».)

Итак, божественная наука — языческая философия, без которой жить невозможно по-людски, — была в гонении от «варварства», то есть от христианства, наступавшего на погрязший в разврате языческий мир со всеми его суемудриями. Но вот вновь всходит утренняя заря: Новиков перечисляет имена тех, кто вошел в анналы человеческой мысли как каббалист, мистик или деист и — в любом случае — как враг Церкви.

Темы учения стоиков, дуализм тела и души варьируются в журналах Новикова в русле всей масонской литературы и просветительства того времени.

В области социальной Новиков неустанно критиковал с позиций «естественного права» все сословные различия и, по существу, отрицал законность власти царя. О том, что царь — помазанник Божий, Новиков как бы не подозревал. Для него это пустой звук. Из года в год Новиков в духе своих орденских начальников занимался дискредитацией русской государственной жизни, построенной на основах народного обычая и царской власти, имеющей своим источником Русскую Церковь.

Как следует из всех масонских уставов, актов и других документов. Орден стремился внести полную унификацию во всю человеческую жизнь и во все ее формы: никаких наций, никаких сословий, никаких государств, одна религия без вероисповедания и на всех одно имя, на всех одно правительство. Эта программа выражена одинаково и в уставах баварских иллюминатов, и в «Разговоре для масонов» Лессинга (1774 г.), и во всех творениях и сочинениях масонов. Именно на борьбу с народами с их самобытностью, на борьбу с религиями положительными и богооткровенными, христианскими, на борьбу с наследственными формами власти и были брошены все интеллектуальные силы Ордена по всей Европе. Но что такое с этой точки зрения сам Орден и чего он хотел?

В многочисленных речах московских масонов и их подчиненных в других городах, из имеющихся писем масонов, конспектов лекций на заседаниях лож вырисовывается такая картина. Орден есть «всемирная церковь», а члены высоких градусов в Ордене — священство, призванное от века управлять **миром**. Поэтому нынешние правители все узурпаторы и должны быть выброшены из своих уютных гнездышек. Им уготована в Ордене смерть (см. «Исповедь франк-масона» у В.И. Семевского в книге «Политические и общественные идеи декабристов», СПб., 1909)².

Народ дик и невежествен. Люди — дети и нуждаются в опеке со стороны просвещенных братьев Ордена. Социальные мечтания масонов сосредоточивались на мысли об авторитарно-тоталитарном государстве с

² Приведена в последней части «России на перепутье».

социалистическим устройством. Эти идеи выражены отчетливо в любимой книге масонских розенкрейцеров — «О заблуждениях и истине» Сен-Мартена, в «Начертаниях истинной теологии», также настольной книге московских масонов, в «Истине религии», также весьма почитаемой ими, и в других произведениях (см.: Вернадский. Русское масонство при Екатерине II). С этой точки зрения масоны и воспринимали существующий порядок как нарушение справедливости, как самозванство нынешних властей, которые должны уступить власть законным хозяевам — чиновникам Ордена, в котором чины достаются, уж конечно, по заслугам. Они «истинное священство», как говорилось в одной речи мастера стула З.Я. Карнеева, уже знакомого нам. Так или иначе, но именно таким мироощущением пронизана была русская либеральная интеллигенция, без конца утомляющая слух окружающих обвинениями в деспотии царей даже там, где никакой деспотией не пахло, в несправедливости властей и бесконечным отрицанием всех правительственных распоряжений. Масоны обвиняли в деспотии более чем либеральных правителей России, дававших им возможность безбедно жить, свободно провозглашать идеи социализма и коммунизма и объединяться в тайные общества. Между тем жалобы и обвинения в тирании были вполне искренни, так же как намечавшийся масонами военно-чиновничий строй в случае их прихода к власти (см.: Щербатов М.М. Путешествие в страну Офирскую, 1784)³.

«История» масонов, то есть их изложение истории народов, преподаваемая в ложах и пропагандируемая через печать, — это история просвещенных истинной пророков, пытающихся помочь диким и невежественным народным массам создать правильные государственные и общественные отношения, просветить их по части добродетели, подарить им науку и искусства. Пророки-герои в конце концов гибнут, но дело их подхватывают их тайные последователи, которым они успевают передать свои знания. Такой подход характерен и для журналов Новикова. Эта парадигма масонства вошла также в сокровищницу либеральной мысли XVIII-XIX веков и дала начало романтизму в литературе. Из оккультизма она перекочевала в «интеллигентное» сознание. Культ героев дал литературе романтизм, а презрение к личности — социализм. Немало такому взгляду на народ способствовало и само вольтерьянство. Своей проповедью чувственных наслаждений, как последней цели всех человеческих

³ Как это отразилось на внутренней жизни России, можно видеть из характеристики Павла I, мировоззрение которого, вкусы и привычки были выработаны совершенно в масонском, «геометрическом», духе: «Он так влюбился в порядок, методичность и регламентацию, что даже составил Инструкцию в 14 пунктов, — пишет его воспитатель Порошин, — касавшихся не только религии и нравственности, но и подробностей туалета». Павел I переписывался и с Лафайетом, и с Сен-Мареном, светилами европейского масонства (см. Валишевский. «Павел I». М., 1990, с.50).

усилий, оно поощряло стремление к роскоши, усиливало вымогательство денег у крестьянства и заставляло смотреть на него только лишь как на источник дохода. «И потому, — пишет Незеленов, — едва ли ошибется тот, кто скажет, что вольтерьянство поддерживало в нашем обществе екатерининских времен то неслыханное презрение к простому народу, какого не знали прошедшие века нашей истории» (Незеленов, Ук. соч., с. 67-68). По воспоминаниям Селивановского, не чужд такого презрения был и сам Радищев (там же, с. 76). А теперь послушаем Горького и посмотрим, не услышим ли мы тех же вольтерьянских и масонских напевов уже в XX веке: «Интеллигент всегда, без колебаний жертвовал своей жизнью во имя интересов и требований полудиких масс... русская интеллигенция в течение почти 100 лет мужественно стремилась поднять на ноги русский народ, тот народ, который до сих пор остается зверем. Очень часто этот лютой зверь охвачен безумием, которое внушает страх и ужас» (цитировано по брошюре Эрдэ «Горький и интеллигенция», изд-во «Девятое января», М., 1923 г.). Горький, плод масонско-иудейской идеологии, гуманист!

Уже Вернадский (кн. «Русское масонство при Екатерине II» Пгд, 1917) заметил, что филантропические устремления масонов должны были превратиться в случае их прихода к власти в стремления социалистические. Социализм — это каббалистическое учение о восстановлении Всеединства.

«Утренний свет» (1772 г.) решительно настаивал на том, что бедные имеют право требовать помощи у богатых лишь потому, что те богатые. Интересны доводы журнала: «Вы сыны счастья! — обращается он к богачам. — Скоро умеете расчислать. Исчислите же, сколько тысяч тварей нашего рода должны нищенствовать для того, чтобы один из вас мог ежегодно 40 или 50 талантов проесть?» И далее следует угроза: богатые должны делать добро, «чтобы устранить от себя ненависть, вдыхаемую видом сластолюбия и расточения вашего в сограждан ваших», которым едва хватает средств, чтобы приобрести для детей своих хлеб.

Статья написана с позиций зависти и злобы, и Незеленов замечает «Статья допускает, как кажется, возможность революции бедных» (Ук. соч., с. 242).

Дискредитация власти в журналах усиливается по мере продвижения Новикова по лестнице масонских градусов. Не упускается случая высказать мысль, что звание царя — ничто, а главное — это личное достоинство («История Троглодитов» — «Утр. свет», ч. VIII), восхваляются вольные порядки Англии, где царствует Конституция. Царь только тогда царь, пока его действия идут на пользу народу, иначе он просто тиран, деспот и всякий волен не признавать власти такого государя. Эта тема назойливо повторяется Новиковым из журнала в журнал, не встречая никакого противодействия со стороны власти. Впрочем, сама Екатерина II следовала дорогой Вейсгаупта по

пути просвещения.

Не уставая просвещать русских читателей и вводя все новые имена философов и все новые произведения этих философов, Новиков и его сотрудники знакомят и читателей с эзотерическими орденовыми идеями. Так, например, в 1785 г. в «Покоящемся Трудолюбце» (ч. IV) появляется статья «О науке называемой каббале». В статье говорится о каббале «позволенной», с помощью приемов которой можно открыть тайный смысл Библии и изъяснить «правильно» даже Евангелие, как это делал «славный ученый Пика», и «непозволенной». С помощью этой каббалы можно повелевать демонами и употреблять знание для околдования.

Таков основной круг идей, с которыми выступил Н. И. Новиков на арене русской общественной и просветительской деятельности. В 1778 году он, живя в Петербурге, знакомится с М.М. Херасковым, Н.Н. Трубецким и другими московскими масонами и переезжает в Москву в 1779 г. Здесь он встречается с приехавшим «немчиком» И. Г. Шварцем. Складывается тесный кружок масонов, которые проявляют ревность в делах просвещения и составляют сначала «сиянифическую» масонскую ложу, то есть научную, а еще позже московские масоны в числе тех же лиц и еще нескольких поступают в распоряжение Берлинских начальников и входят в «Общество братьев Розового Креста». (1781 г.)

Как пишет Т. Соколовская, «это было посвящение на всю жизнь». Кровью, взятой из жилы, писали клятву верности и молчания и беспрекословного подчинения начальникам. Каждые три месяца — подробный отчет о всех своих делах и переживаниях начальнику. Кроме того, в архив Ордена поступал и портрет «брата»⁴.

Каждые же три месяца братья должны были приносить начальнику всю свою корреспонденцию, и уже начальник определял, что оставить для архива логи. а что можно сжечь. «Братья Златорозового Креста в России были избранными в среде избранных» (Соколовская Т.О. Братья Златорозового Креста. — Русский Архив, 1909, № 9, с. 89). Дерзать мечтать быть принятым в Розенкрейцеры могли лишь братья «сильной воли, светлого ума и строгой жизни». Их политические устремления: «соединение всех наций и племен в одну

всемирную семью» под главенством «священников» Ордена. Ввиду огромности, «важности цели, они оправдывали все средства для ее достижения» (Соколовская Т.О. Ук. соч., с. 89). В Ордене практиковалось достижение «сверхнатурального состояния» с помощью самоуглубления, чтения определенных книг и специальных мантр (заклинаний) и механических приемов. В этот момент считалось, что душа масона бродит в потустороннем небесном мире, посещает планеты и может беседовать с великими героями. Ему открывалась книга «Судеб» человеческих, и он становился «избранным», «просветленным», кому само небо повелело вести братьев к победе, к власти.

Среди участников московских руководителей Ордена, решивших все свои силы отдать издательской и педагогической деятельности, мы видим представителей преимущественно знатного и богатого русского барства. Исключение составляли лишь сам Новиков, его друг С.И. Гамалея и И.Г. Шварц. Первая задача московских Розенкрейцеров состояла в том, чтобы создать круг чтения начинающего масона, для чего потребны были переводчики. Нельзя считать случайным, что в качестве базы Орден использовал университет. Работа с молодежью всегда была одной из главных забот масонов. В специальном журнале ордена читаем: «ни о чём толико не было прилагая стараний, как о воспитании юных чад ордена...» («Свободно-каменщицкий магазин», Предисловие. М., 1784).

Здесь же, в университете, была и крупнейшая типография. С помощью куратора Хераскова Новиков берет в аренду типографию сроком на десять лет, до 1 мая 1789 года, а Шварц с помощью того же Хераскова быстро зачисляется в штат профессором университета. В течение трех лет «братья» создают Педагогическую семинарию (1779), «Собрание университетских питомцев» (1781 г.) и Филологическую семинарию, или Переводческую. Все эти предприятия направлены на вовлечение студентов в Орден. Шварц в целом ряде лекций развивал темы из каббалы и в конце концов удостоился обвинения в том, что он вовлекает молодежь в масонские логи. Шварц неуклопе оправдывался.

Каббалист Бёме стал альфой и омегой московских маронов. Его учение и излагал Шварц студентам, как и классическую легенду ордена о тайном знании, передаваемом от Адама и через Моисея.

Юная поросль российского юношества активно участвовала в литературных начинаниях, вызванных к жизни волей их масонских благодетелей. В собраниях читались переводы, оригинальные сочинения студентов, назначались премии, лучшие сочинения печатались в масонских журналах. Такие журналы, как «Московское ежемесячное издание» (1781 г.). «Вечерняя заря» (1782 г.), выпускались преимущественно силами студентов Московского университета, да и в других журналах они также принимали значительное

⁴ Из дневника русского розенкрейцера из окружения Новикова, посетившего Берлин в 1784 г., узнаем: «9 ноября, утром у Вёльнера, передал прошение, присягу, писанную кровью и исповедь мою», «Вёльнр... Силуэты всех братьев я отдал ему сегодня», «в восьмой степени не запрещен брак, но лучше быть холостым». И в воспоминание о связях наших революционеров 17-года с Германским правительством: «26 ноября. Ни одна страна не получила от ордена (германского — В.О.) так много и так быстро поддержки, как Россия». — Пекарский П. «Дополнения к истории масонства». Спб, 1869, сс.83, 85, 89.

участие. Многие из юных питомцев стали известными масонами, профессорами университета, издателями, литераторами, заняли видные посты в иерархии государства.

Здесь, в этих центрах масонской науки, получил путевку в литературу Карамзин, всегда с благодарностью вспоминая Новикова, здесь же возрос как масон и как издатель и литератор А.Ф. Лабзин, издававший в 1806 и в 1817-1818 гг. «Сионский вестник», орган пропаганды масонского мистицизма, и кому обязан своим продвижением в видные архитекторы А.Л. Витберг, друг Герцена, который, вероятно, и посвятил последнего в масонство; среди студентов же масонских семинарий мы видим и А.Ф. Малиновского, ставшего затем директором Архива Министерства иностранных дел и оказавшего большую помощь Карамзину. Участниками изданий масонских журналов был и будущий профессор университета и директор благородного пансиона, председатель Общества Любителей Российской словесности А.А. Прокопович-Антонский, и видные впоследствии журналисты П.А. Сохацкий и В.С. Подшивалов.

Бывший секретарь Хераскова П.И. Страхов, выпускник университета, стал деятельным масоном — с одной стороны, а с другой — профессором университета и в начале следующего столетия директором университета.

Таким образом, Орден «Розового Креста» осел на ниве просвещения и вырастил здесь богатый урожай либеральной мысли.

В 1782 г. братья и кавалеры «Орла и Пеликана», московские Розенкрейцеры, создали в качестве своего юридического лица «Дружеское общество» как филантропическое на ниве педагогики, а еще через два года была ими создана Типографическая Компания (1784 г.), в руководство которой полностью вошли все «братья» «Розового Креста». Дело книгопечатания было поставлено на широкую ногу. «В XVIII в., — пишет Герцен, — русская литература, по сути дела, являлась лишь благородным занятием нескольких умных людей и не оказывала никакого влияния на общество. Серьезное начало этому влиянию было положено франкмасонами, сразу придавшими другой характер литературному дилетантизму. Франкмасонство было широко распространено в России...

Глава его, Новиков, был одной из тех великих личностей в истории, которые творят чудеса на сцене, по необходимости погруженной во тьму, одним из проводников тайных идей (...) Во всех этих предприятиях Новиков пользовался огромной поддержкой франкмасонов, будучи великим мастером масонской ложи».

Это было «великим делом» «во имя нравственного интереса». (Герцен, «О развитии революционных идей в России».)

Кроме авторов-просветителей с Запада, все большее количество

литературы. издаваемой Компанией, приходится на мистико-каббалистическую литературу и собственно масонскую, издаваемую в тайной типографии у Меньшиковой башни. Лонгинов пишет по этому поводу:

«Новые книги, появившиеся в Москве с 1779 по 1784 г. ...составили весьма значительный процент в общем количестве русских книжных новостей и внесли почти совершенно новый элемент в текущую литературу, оригинальную и переводную. Это новое явление было исключительно результатом деятельности так называемого мартинистского круга, особенно же Новикова. Толчок, данный ему, отозвался и в Петербурге: нетрудно проследить и там появление за это время книг, сходных по своему духу с теми произведениями, которые распространялись московскими мартинистами» (Лонгинов, 226). «Дружеское общество», будучи объявлено как филантропическое, получало щедрые пожертвования со стороны состоятельных москвичей и, конечно, самих членов Общества. Уже в 1783 г. на счет «братьев» воспитывалось в семинарии переводческой и педагогической до пятидесяти человек юношей. «Щедрые пожертвования, — пишет Лонгинов, — давали обильные средства для содержания на счет «Общества», этого рассадника деятелей на поприще мартинизма, из которого вышли известные впоследствии мистики и масоны» (203). Добавим — но и историки, писатели, поэты, ученые и даже митрополиты⁵.

Напрасно поэтому профессор Шварц доказывал, что его курсы лекций не были пропагандой масонства. Напрасно он приводил такой довод, что раз масонство есть тайна, то его и невозможно проповедовать. Увы, «лекции Шварца... служили истинной школой масонства». («Русский Вестник», 1864. № 8). Надо отдать должное — Шварц тратил на дела просветительские все свои средства.

Типографическая Компания издавала самые различные книги, и в том числе такие, которые подвергала критике на заседаниях своих лож в Высших градусах, как лишенные мистического начала, механически трактующие мироустройство. Так, Шварц критиковал учение, например, Гольбаха. Критические выпады делались на заседаниях «теоретического градуса соломоновых наук», к которому относились наши Розенкрейцеры, и в сторону

⁵ Михаил Десницкий, Серафим Глаголевский. Вероятно, как полагали историки прошлого, архиепископ, а потом митрополит Московский Платон Левшин, покровительствовал деятельности ордена не случайно. Членом ложи «Умиряющего Сфинкса» был и Московский святитель Филарет Дроздов. В списке членов ложи его фамилия стоит под № 32. (ОР ОГБ, ф.439, карт. 24, ед. хр. 5, л. 13). Подробнее см. Сушков, «Записки о жизни Филарета», М., 1868; П.Бартенев. «Русский архив», 1906, т. 9, с.93. Масонство среди духовенства насаждал ревностно и Шварц, и особенно А.Н. Голицын и М.М. Сперанский, (см. ниже «Позднее масонство»).

Вольтера и Руссо. То, что было полезно для интересов Ордена в качестве начальных ступеней, на более высоких уже не могло принести пользы.

Наивно противопоставляя зачастую французскую философию, как рационалистическую немецкой иррационалистической философии, зачастую не понимают всей условности деления на рационалистическое содержание философии и иррационалистическое. Любая рациональная система мышления имеет иррациональные корни, а иррациональная система мышления на самом деле рациональная по принятому в ней стандарту.

Любое познание имеет и ту сторону, и другую. Немецкая же иррациональная философия вся целиком берет свое начало от средневековых каббалистических мистиков, как Раймонд, Луллий, Беме, которому особенно много обязаны Гегель и Шеллинг, Флюдд, Альберт Великий и другие. Все эти мистики составили идейное содержание масонства прошлого и настоящего. Здесь идейные корни социализма и либерализма. (См. «Краткая еврейская энциклопедия». Иерусалим, 1988, т.4, с. 5).

Тесная связь московских масонов-просветителей с Берлином выразилась и в том внимании, которое стали оказывать Новиков и Шварц публикациям немецко-еврейских писателей, как Мозес Мендельсон, Лессинг и другие. Видимо, из лож Германии пришла волна и сентиментализма в литературе. Чувствительные вздохи стали с легкой руки масонов-литераторов признаком высокой добродетели (см. сб. «XVIII век», № 11).

В результате деятельности Типографической Компании «братьев Розового Креста» была создана громадная по числу и разнообразию литература — и художественная, и философская, и мистическая, сплошь переводная или скомпилированная самими братьями. В результате деятельности масонов-переводчиков русский язык стал менять и свою лексику, и сам синтаксис. Вводились новые слова и новые понятия, которых не было в русском языке. Столь же успешно из употребления исключались тысячи русских слов, которым не находилось места в этой мистической литературе иудаистского толка. Создавался жаргон интеллигентов Москвы конца XVIII столетия, который и лег в основу современного литературного русского языка.

В 1792 году Новиков был арестован за связь с наследником престола Павлом Петровичем. Известно, какие надежды возлагали русские масоны на цесаревича. Он был своим, полностью сформированным братьями. С конца 80-х годов ждали смерти Екатерины II, и не только в России, но и на Западе. Перед Розенкрейцерами в случае смерти Екатерины II открывался путь к власти над всей Россией (см.: Вернадский. Ук. соч., с. 230).

На допросе Новиков лгал, ссылаясь на забывчивость и в целом вел себя как опытный конспиратор: не знаю, не видел, забыл. Вовремя каялся, бил себя в грудь и требовал к себе строгой кары. Его ответы на вопрос об иллюминатах

напоминают злое юродство над следователем. Но все-таки ответ на один вопрос можно считать правдивым, поскольку он подтверждается и другими данными.

Следователь задал вопрос об университетской ложе. На этот вопрос Новиков ответил так: «Прозвана же она (ложе) была университетской потому, что из университетских, сколько их там было, то почти все в ней были, но были и другие. Мастером же стула ложи был профессор Страхов», — пояснил Новиков.

Итак, сколько их там было — все каменщики и плюс еще студенты, вовлеченные в общество строителей храма Соломона. А ведь университет был главным поставщиком чиновничества.

В деятельности «братьев Розового Креста» в Москве все извивы масонского пифона видны, как в террариуме. Есть обширная тайная организация, руководимая из Берлина; она создает легальные просветительские организации, объединяет и воспитывает студентов, создает литературные объединения, организует семинары по философии, педагогике, литературе, формирует общественное мнение.

Как вспоминает известный русский историк Б.Н. Чичерин, «Московский университет сделался центром всего умственного движения в России. Это был яркий свет, распространявший свои лучи повсюду...». Герцен вторил ему: «... университет рос влиянием, в него, как в общий резервуар, вливались юные силы России со всех сторон, из всех слоев; в его залах они очищались от предрассудков, захваченных у домашнего очага... До 1848 г. устройство наших университетов было самое демократическое» («Былое и Думы», цит. по кн.: «Московский университет в воспоминаниях современников». М., 1989, с. 116). А ведь это были годы николаевского уже «деспотизма». Впрочем печать была при всех царях либеральной.

Результаты такого очищения испытал на себе и Лубяновский, который учился в университете в 90-х годах XVIII столетия: «Из семинарии я вышел с благоговением к Евангелию и учению Церкви, с покорностью начальству и не от страха, а по чувству необходимости в руководстве, с привычкою к нужде, с равною охотою к учению и к исполнению обязанностей, в чем бы они ни состояли. В университете семинарское семя не скажу чтобы совсем заглохло во мне; но по мере развития во мне круга понятий странные мечты вкрадывались в голову... забавная самонадеянность: не только я умел бы сам везде ходить без помочей, но и других водить» (Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989, с. 46-47).

Известно, что эти странные мечты привели Федора Петровича Лубяновского в масонскую ложу, и через несколько лет его имя значится в ложе «К Мертвой

голове», которая «работала» в Москве в начале XIX века. В этой ложе он «работал», кстати, вместе с Н.С. Мордвиновым, которого декабристы прочили в будущее временное правительство и который очень не любил Русь и очень любил Англию и любил сочинять конституции; здесь же мы видим и министра просвещения А.К. Разумовского (1748-1822), друга каббалиста Сен-Мартена, преподавателя Московского университета А.Х. Чеботарева, руководителей московского масонства и Ордена Розенкрейцеров, соратников Новикова — князей Трубецких, А.Ф. Лабзина, О.А. Поздеева, московского почт-директора Ф.П. Ключарева, замешанного в распространении французских прокламаций в Москве в 1812 г.

В приведенной цитате из воспоминаний Лубяновского интересна вот эта деталь: у юноши еще не обсохло молоко матери на губах, но яд невежества в интеллектуальной оболочке создавал иллюзию всезнайства, хотелось поучать других. В 1861 г. Герцен в «Колоколе» призвал университетских недоучек идти в народ, учить русских крестьян правде и истине. Чему они могли научить? Бога нет, человек от обезьяны, царя не надо. Вот и вся мудрость.

Истина конкретна. Либерализм, «дух времени», «буря перемен», «ветер свободы» — это все идеологические эвфемизмы, иносказания. Историю делают люди. и поэтому она существует. Для нас должно быть интересно, кто обеспечивал организационно этот «дух просвещения», кто финансировал, кто прикрывал опасные затеи сверху — со стороны правительства, цензуры и полиции, кто составлял планы выпуска тех или иных книг, определял их тираж и цену.

«Сразу возникает вопрос, — пишет В.И. Рабинович, — как осуществлялась пропаганда в Российской империи 90-х годов XVIII в. не только материальных основ, но и вольнодумной «философии истории», а главное. обоснованных и вытекающих из этих постулатов идеалов антицаристского «бунта»? (Рабинович В.И. Вслед Радищеву. М., 1986, с. 117).

Относительно материалистической философии вопросов не может возникнуть: сама императрица Екатерина II — и на практике, и в личной жизни — услаждалась амурами, и именно ей принадлежала инициатива пропаганды разрушительных антицерковных и антимонархических идей Дидро, Вольтера, Монтескье и прочих вольнодумцев. Именно она повела решительное наступление по совету своих западных просветителей — друзей и масонов — на русскую Церковь и полностью отобрала у нее все ее имущество, даже те вклады, которые делали люди на помин души своих близких. (См. Маккавеев П. «Религиозно-церковные воззрения имп. Екатерины II. — «Странник», 1904, т II, ч. 2).

Но Рабинович приводит и интересные факты. Например, он выяснил, что главный следователь в деле Новикова Шешковский, находился в близких

отношениях к семье вольнодумцев и ростовщиков из старообрядцев Каржавиных. Он обнаружил, что Шешковский получал немалые деньги от этих оборотистых дельцов, не верящих в Бога, но твердо верящих в тот постулат, которым отец Чичикова одарил своего оборотистого, хотя и неудачливого сына: «Копейка, копейкой-то все прошибешь!»

Непосредственные выпады против царицы, богохульство в книгах, пропускаемых в печать, проповеди социалистических идей — «все это было возможно, конечно же, лишь при странном бездействии начальника тайной канцелярии Шешковского, при невежестве такого цензора, как санкт-петербургский полицмейстер Жандр, при либерализме цензоров-профессоров Московского университета Барсова и Брянцева, при содействии Новикова, при горячей поддержке друзей» (Ук. соч., с. 118). Заметим: «при странном бездействии...» Сколько будет впереди ещё «странного».

Конечно, подкуп мог иметь значение, но ведь и над Шешковским было начальство, и книги мог читать каждый. Может быть, и играло тут роль невежество того или иного чиновника, но картина распространяемого, этого подтачивающего сам строй либерализма, с годами не менялась — менялись только цензоры, но и их назначали исключительно из либералов же, зарекомендовавших себя на этой стезе. Дело тут не в тупости или невежестве. Цензоры назначались чаще всего из профессоров университетов.

Когда шел допрос декабристов и им задали вопрос, что способствовало образованию у них либерального образа мыслей, то они в один голос отвечали: само правительство. Именно правительство декларировало необходимость конституции, а со времен Феофана Прокоповича ставило вопрос о формах правления на открытое обсуждение в обществе.

Еще в 1790 г. священник Самборский, наставник вел. кн. Александра Павловича, писал гр. Н.И. Салтыкову: «Вольноглаголанье о власти самодержавной почти всеобщее, и чувство, устремляющееся к необузданной вольности, воспалившееся примером Франции, предвещает нашему любезному отечеству наиужаснейшее кровопролитие». (Семевский В.И. Идеалы и общественные взгляды декабристов. СПб., 1909, с. 21).

Ругать правительство и все его мероприятия стало модным с первых шагов масонской интеллигенции в России. Не к тому, что все интеллигенты были масоны, а к тому, что все масоны были интеллигенты. Два столетия Романовы выращивали в России социализм.

Касаясь описываемого нами периода, Тукалевский, историк масонства, пишет, что «масонство было идентично тогда с понятием интеллигенции в настоящее время» (Масонство в его прошлом и настоящем, т. 1, с. 190).

Точно так же употребляет эти два слова как синонимы и Папюс, и другие авторы масонства. Масон — это «сознательный работник». Точно такой же

термин, но уже в отношении интеллигентов применяет и народник Ткачев. Причем речь не идет о профессиональных занятиях человека. Он может быть и рабочим, и купцом. Речь идет о человеке, принявшем определенный символ веры, о человеке с выраженной «тенденцией». Какой и куда устремленной?

Этого пункта в либерально-нигилистической идеологии нельзя не коснуться. Вся русская либеральная мысль шлифовалась на отрицании. Выкиньте из Герцена его пафос отрицания, и из многотомника собраний сочинений его трудов едва ли останутся две-три неинтересные страницы. У главы Ордена иллюминатов была такая же точно отработанная система отрицания во всех сферах, куда идеология может въехать незаметно и под приятным соусом. В первую очередь — это искусство и публицистика. Но созидательного в них — кот наплакал. Посмотрим, что же должно было наступить вслед за победой Ордена, или что предлагали просветители взамен «отжившему мещанскому филистерскому обществу».

Радищев был воспитан французом-губернером, бывшим советником руанского парламента. Он учился сначала в Пажеском корпусе, затем в Лейпциге вместе со своим другом Ушаковым. Он был хорошо знаком с идеями Мабли (1709-1785) и хорошо усвоил их. Идеи Мабли не были оригинальны, как и идеи самого Радищева. Эти идеи имели устойчивую традицию и составляли социальную доктрину тайных академий гуманистов, о которых уже шла речь. Через Радищева можно слушать самого Мабли и всю «просветительскую» Европу со времен Кампанеллы и Томаса Мора.

Чудовищное разнообразие общественных и политических форм жизни, нравов ужасает Мабли. Оно свидетельствует о том, что людьми управляют их капризные желания. Человечество разлагается вследствие неравенства имуществ и состояний. При наличии частной собственности у человека проявляется врожденная жадность, растут «бесполезные потребности», и единственный путь установить подлинное равенство, которое обеспечит счастье всем народам, — это ликвидировать собственность и сделать ее общей. В новом обществе основой равенства должны служить постоянно контролируемые правительством потребности. Они, эти потребности, должны быть снижены до самого необходимого для поддержания жизни. Кроме того, они должны быть у всех одинаковы. Все должны желать одного и того же. Человек рождается чистым листом бумаги, и все люди от рождения лицо в лицо и шаблон в шаблон (см. «О законодательстве или принципе законов» Мабли).

В этих постоянно контролируемых сниженных потребностях — основа равенства. Материальной основой является общественная собственность. Может возникнуть вопрос, отвечает своим оппонентам Мабли, что людям станут безразличны нужды отечества. Это не так. Раз каждый гражданин все

необходимое будет получать от правительства, то он будет чувствовать себя обязанным... И вот здесь Мабли, как потом и наши советские идеологи, делает небольшое передергивание, еще не замечая, быть может, логической ошибки. Человек будет чувствовать себя обязанным государству. Но государство — это ничто, оно не кормит. Оно не управляет. Все дает правительство и его чиновники. Они персонифицируют государство, они — подлинные властители народа. Но Мабли, как и большинство «государственников», как и Гуго Гроций, как и Руссо, верят в самостоятельную субстанцию государства, которому служит правительство и его чиновники, и не верят, что им служит народ, как завоевателям, утвердившим свою власть меньшинства с помощью идеологии и репрессивного аппарата.

Идеалом для Мабли стала Спарта и ее законодатель — Ликург, так как он «отнял у своих граждан их право собственности на землю (...) Я не колеблюсь считать эту злосчастную собственность первопричиной неравенства имуществ и состояний, а следовательно, всех наших зол» (Мабли. Ук. соч. в кн.: «Утопический социализм». М., 1982, с. 142). В новом государстве чиновники станут «отцами отечества», у которых не будет иных функций, «кроме поддержания нравственности (в смысле определенного образа жизни, — В.О.) и распределения между семьями необходимых им вещей». При этом Мабли пишет: «Я не боюсь того, что общность имуществ сделает граждан равнодушными к судьбе государства». А кто этого боится? Коммунисты? Нет. Демократы? Тоже нет. Еврейство? Но оно всемирно.

Мабли строг и не знает жалости в вопросах счастья будущих поколений: «Если бы мне дали возможность, я бы вам дал законы, более строгие, чем платоновский». Известно, что «Республика» Платона вдохновляла целые поколения человеколюбцев утопистов-гуманистов на социалистические теории фашистско-военного образца. Известно, что Платон сам вдохновлялся примером Спарты. У него не предусматривалось семьи, дети были общие, и вся жизнь была размечена до миллиметра. Личная жизнь исключалась. Сегодня Спарта разжирила и обрюзгла, но жива в лице Америки.

Государство должно быть бедным, — настаивает Мабли, как, впрочем, и прочие творцы чиновничьего социализма, как Мор, Кампанелла, Морелли, как и московские масоны Розенкрейцеры — Новиков и другие (см.: Вернадский. Ук. соч.). Новиков предлагал, например, заменить одежду всех граждан, в том числе и женщин, на мундиры, ввести полицию из «братьев», которая будет следить за каждым жителем страны, установить склады продовольствия для бедных, контроль за промышленностью и т. д. Страной по замыслу московских масонов будут управлять, как и всем миром, «братья».

«Если мы хотим, чтобы правители были справедливыми, нужно, чтобы у государства было мало потребностей...» (Мабли, с. 147).

Поскольку жадность — врожденная черта характера, то нужен постоянный контроль за каждым гражданином. Чрезмерные потребности могут погубить республику (с. 148).

Если мы перейдем к Бабефу, то увидим точно такие же мечтания и представления. Только малые потребности и одинаковость в одежде, манерах, образе жизни в бригадах и на виду и строгость наказаний за малейшую провинность могут утвердить государство всеобщего равенства, братства и свободы. Государственная собственность и мельчайшая опека каждого со стороны чиновников — вот главный пафос будущего счастья на Земле. В сущности, эта доктрина царствует сегодня и на Западе.

Радищев унаследовал эти идеи, как, впрочем, и многие другие, ставшие «сознательными работниками» интеллигенты. Этот круг идей проповедовался вместе с безбожием-деизмом в журналах Новикова, в лекциях Шварца, в изданиях Типографической Компании.

Чтобы сразу обозначить в главных чертах тот «золотой век», который с младенчества, со студенческих лет грезился либералам, радикальным и малодушным, но все равно грезился, посмотрим еще на одного проектиста и практического бунтаря одновременно. Речь идет уже о 70-х годах XIX в. Новиков и его друзья розенкрейцеры посадили сад, и вот стали созревать плоды. Еврейская печать стала к этому времени «истинной печатью Антихриста» (М. О. Меньшиков). На сцене Ткачев. «Социализм есть социалистическая формула (!) социалистических отношений, формула, выведенная из тщательного научного изучения и критического анализа явлений общественной жизни, и эта формула настолько же всеобща и обязательна, как и любая математическая теория... На берегах Сены, как и на берегах Темзы, на берегах Невы, как и на берегах Куры и Днепра, — социализм повсюду одинаков...» (Ткачев П.Н. Соч. в двух томах. М., 1975-1976, т. 2, с. 321.)

Итак, над нами висит рок. Хошь не хошь, а ступай, куда судьбой ведено. Собственность — главный грех. Она будет ликвидирована⁶. В условиях обобществления правительство должно «развивать в своих членах только те потребности, которые могут быть удовлетворены данною производительностью труда» (Избр. соч. в 4-х томах. М., 1932-1933, т. 2, с. 205-206). Основой политического строя будет равенство.

⁶ Соратник Новикова И.В. Лопухин: «Собственность — гнездо греха... главное его орудие». (Лопухин И.В. «Некоторые черты о внутренней церкви»). Собственно говоря, всё, что разделяет, отличает, различает и имеет особенность — грех, согласно каббале. «Прогресс» — преодоление единичности, индивидуальности, различий во имя роста Всеединства. Отсюда известный лозунг «Единение и Прогресс».

Делу выполнения этих задач перевоспитания народа способствует то обстоятельство, что периодическая печать России благодаря развитию масонства в правительственных кругах переходит в XIX веке в еврейские руки. Это дало основание Меньшикову писать: «Власть наша предоставила образованное общество и народ обработке еврейской прессе... Мы видим как бы подмену русской души» («Новое время», 1907, № 11137).

Осуществить великую задачу «перековки» по Ткачеву могут только «люди умственно и нравственно развитые, т. е. меньшинство» (цит. по кн.: Федоркин Н.С. Утопический социализм идеологов революционного народничества, М., 1984, с. 127). Очень много времени, сил уйдет на то, чтобы перевоспитать, «пересоздать» природу человека, чтобы добиться абсолютной похожести всех на каждого и каждого на всех. Главная задача — чтобы потребности человека были в гармонии с возможностями. Удовлетворение потребностей будет регулироваться «сознательным меньшинством» сверху, а через привлечение путем пропаганды своих идей народных масс и снизу. Каждый обязан будет доношением на каждого: государство-то общенародное. Тотальная слежка всех за каждым и друг за другом — кто что сказал, кто во что одет и откуда у него и т. д. Может, по этому поводу воспитанник Московского университета цензор Никитенко писал в 1862 г.: «Мы испытали деспотизм личный, но Боже сохрани нас испытать еще деспотизм полудикой, варварской демократии». И не этот ли деспотизм процветает сегодня в США.

Ткачев верит или делает вид, что верит, что придет время, все станут одинаковыми, поймут, что они одинаковы и тогда наступит вечное счастье «сознательного человечества». Никто не будет хотеть выделиться, одеть что-нибудь яркое, выдумать что-то свое и воплотить выдуманное как свое. Любимая материалистами теория, по которой весь мир состоит из серых точек-атомов, нашла в этой социологии воплощение.

Ткачев был убежден в том, что в обществе, в котором существует «разнообразие индивидуальностей... присутствует и борьба...», а это несовместимо с эрой «вечного прогресса», в обществе будущего все будет единогласно, там не будет никакой борьбы, иначе счастье не будет прочным.

В обществе будущего земля и орудия должны быть общими. Религия должна быть уничтожена. Преобразования должны затронуть и семью: цель — «в постепенном уничтожении существующей семьи...» (Ткачев П.Н. «Набат» в кн.: «Штурманы будущей революции». М., 1987, с. 78).

Так же, как и Мабли, и Радищев, и все народовольцы, и марксисты, и бундовцы, Ткачев категорически отвергал возможность мирного развития общества. Только вооруженный переворот и физическое уничтожение старых эксплуататорских классов, разрушение всего прежнего общества до основания. Ткачев знал труды Маркса, но считал, что могильщиком капитализма будет

сознательная часть интеллигенции. Только ей доступно прозрение будущего и стремление к нему. Но нужно торопиться. Жизнь в деревне все лучше и лучше. Она вступила на путь капитализма, становится все богаче село, и через несколько лет никакими силами не поднимешь крестьян на дальний путь в социалистический рай. Нужен государственный- переворот.

В отличие от Бакунина Ткачев не относил русский народ к революционерам по природе. Только пока народ беден, его можно поднять на грабеж и насилие. Он все разрушит, поубивает господ, растащит по своим гнездышкам господское добро и... захочет жить по-старому, общинному, единолично. Снова свое поле, свадьбы, крестины, песни за околицей и наживание добра. Идеалом грядущей революции народ, особенно крестьянство, быть не может. Осуществление крестьянских идеалов «к жизни мало подвинет нас к конечной цели социальной революции — к торжеству коммунизма». Никакого социалистического идеала, считал Ткачев, народ не построит. Роль строителя должна принадлежать «исключительно революционному меньшинству». Следовало сплотить эту революционную интеллигенцию в дисциплинированную, направляемую из одного центра партию.

Это «сознательное меньшинство» должно дестабилизировать обстановку в стране, создать революционную ситуацию, вселить растерянность в правящие верхи, создать хаос. Достоевский знал, что писал, когда в «Бесах» социалисты устраивают поджоги, распространяют слухи и идут на убийство. Основная тяжесть революции ляжет на плечи «цивилизованного русского меньшинства». Другой народник, Лавров, подчеркивал, что интеллигент — это тот, кто осознал необходимость сокрушить весь быт и строй русской государственной и религиозной и бытовой жизни.

Для «рабочих» использовался термин: «интеллигентные работники физического труда». Важнейшая задача — пропаганда идей. Те из рабочих, кто их усвоил, и становились «сознательными».

Захват власти должно предшествовать возбуждение страстей. Необходимо довести до сознания всего народа, что «вообще ни одна радикальная общественная реформа не обходилась до сих пор без насилия и кровавых междуусобиц» (Ткачев. Соч. в 2-х томах. 1975-1976). Никаким реформам правительства — не верить. Улучшение жизни народных масс только затруднит прогресс общества. Необходимо работать на развал страны, вызывать хаос, сеять слухи, убивать царевых слуг, чтобы наступила паника.

Как мы знаем, Россия быстро развивала экономику во второй половине XIX в. и до 1917 г., по всем показателям опережая другие страны Европы и Америки. И социалистов, взявших старт от «Дружеского общества» московских Розенкрейцеров, лихорадило. Им помогал реформаторский зуд верхов.

Сверху — переворот, захват власти, снизу — подготовленный бунт. Но народ, считал Ткачев, только тогда поднимется против власти, когда «его страсти будут возбуждены до предела» и чтобы он был «уверен в успехе или безнаказанности своего протеста». Страсти и чувства безнаказанности поведут грабить господ, убивать и жечь. Эту часть революции он назвал революционно-разрушительной. «Сознательное меньшинство», сплоченное в дисциплинированную партию, на первом этапе возбудит народ, вызовет в нем чувство безнаказанности. Оно, это меньшинство, захватит власть и обратится с призывом к народу покончить с проклятым прошлым, и народ «одним могучим порывом уничтожит теперешних защитников и охранителей» государства Российского.

По мысли Ткачева, правительственная власть в России не защищена массами людей и висит как бы в воздухе. Нужно арестовать правительство и сесть на его место. С этого момента и начнется революция. Захватив власть, «интеллигентное меньшинство» соберет органы народной власти. Народную Думу, чтобы все его действия были санкционированы как бы самим народом. С этого времени революционное меньшинство выступает от имени революционного государства.

После того как бунтующая народная масса «уничтожает консервативные и реакционные элементы общества», наступает второй этап революции. На фоне широкой пропаганды новых форм жизни, дискредитации прежних — семьи, церкви, чувства Родины, чувства национального, чувства собственника своей земли, как только народ «одним могучим порывом уничтожит теперешних защитников и охранителей» данного режима и «возвратит себе отнятую у него землю», приходит очередь и его самого. Ведь дальше разрушения и, как уже было сказано, грабежа народ не пойдет в силу своей консервативности. Его, считал Ткачев, инстинкт бунтаря — это инстинкт грабить и крушить то, что «не мое». Этот инстинкт надо разбудить в нем для разрушительной работы. Но потом он снова захочет жить на своей земле по-старинному. Вот тут-то и наступит второй, главный, этап революции.

«Революционное меньшинство должно реализовать свой революционный идеал идеального общественного устройства», оно должно внести свою разрушительно-революционную деятельность в недра крестьянской жизни», устранить из нее «враждебные коммунистическому прогрессу формы, заменяя их формами, наиболее приспособленными к потребностям этого прогресса».

Ткачев был большой реалист и понимал, что «революционное меньшинство не должно рассчитывать на активную поддержку народа». Возможно, что придется применить силу и именно для этого-то «сознательное меньшинство» и должно иметь в своих руках революционное государство. Это меньшинство, озаренное знанием конечных целей мирового прогресса, и «вносит новые

прогрессивно-коммунистические элементы в условия народной жизни; сдвигает эту жизнь с вековых устоев...». Революционность народа по мере углубления революции будет угасать, а революционный напор «интеллигентного меньшинства» будет нарастать. Наличие Народной Думы не может сковать инициативу правительства. Вся полнота власти будет находиться в руках революционной интеллигенции.

В отдаленном будущем Ткачев, так же как и Маркс, и Ленин, и Бакунин, видел отмирание государства, но в очень отдаленном и эфемерном. Ведь сначала нужно сделать всех безликими, с малым уровнем запросов — «самых естественных», никогда не превышая оных и только тогда-а-а... А пока, утверждал в пику Бакунину Ткачев, власть самая суровая и беспощадная, опека над каждым членом общества и всеобщее шпионство друг за другом. Достоевский ничего не выдумал в своих «Бесах». Материал-то он черпал из судебных процессов и собственного опыта.

Думая о роли пролетариата, какую ему придавали Маркс и Ленин в своих официальных теориях, вспоминаешь, что и Ленину приходилось объяснять, почему среди руководства партии пока нет рабочих. Оказывается, интеллигенция, сознательная, конечно, лучше знает потребности рабочих и поэтому может говорить от ее лица. Нравится это рабочим или нет? Нравится им, что именно говорят за них, или нет — это не имеет никакого значения в догматике революционного нигилизма, то есть того течения в общественной мысли, которое построено на отрицании «до основания» всей русской жизни, до самой мельчайшей молекулы. Да, по правде сказать, в этой жизни все так взаимосвязано...

Внь душу — загаси лампаду пред Ликом Спаса, и вот ты уже ничто — комок белка, серая точка — атом среди других атомов, направляемых к деятельности волей «избранного меньшинства»: неких цадиков хасидизма, иудейской секты. Весь строй мыслей Ткачёва заимствован из масонских лож.

По времени, между Радищевым и Ткачевым немногим более полстолетия. А, между тем, мысли, развиваемые Ткачевым, это есть просто практический вывод из идей, высказанных в свое время Радищевым в его «Путешествии». Вместе с тем, нетрудно увидеть, что революционные события в России, разыгрываемые еврейскими революционными организациями, от Бунда и социал-демократов до кадет, проходили как раз по сценарию, описанному именно Ткачевым.

Теперь не мешает вспомнить, что проницательная императрица Екатерина II сказала по прочтении книги Радищева: «автор едва ли не мартинист» и — «касательно же метафизики мартинист». Действительно, Радищев высказал в своей книге идеи, характерные для последователя французского каббалиста XVIII века Сен-Мартена, приверженца «естественной религии» и

«естественного права», в годы французской революции присоединившегося к революционерам и приветствовавшего казнь короля.

Таким образом, сама логика заставляет нас сказать, что и Ткачев и все революционное движение в России было проявлением мартинизма, попросту, масонства, осуществлением доктрины иудаизма.

Вернемся, однако, назад. Радищев не был какой-то белой вороной на общем небосклоне просветительно-масонской мысли. Его книга не воспринималась в обществе как какое-то невиданное слово в области отрицательной мысли. По переписке московских масонов с А.М. Кутузовым, жившим по их заданию в Берлине с конца 80-х гг. XVIII в., переписке, которая перлюстрировалась и о чем знали и сами участники переписки, они лишь «упрекали» Радищева в несвоевременности книги. Впрочем, Павел I вполне простил вольнолюбца, а Александр I поручил ему даже участвовать в составлении законов. Режим в стране не изменился, изменилось лишь отношение к критике. Да и какое искреннее возмущение могло быть по поводу книги Радищева, если в 1789-м в Петербурге знатные особы иллюминировали свои дома по поводу взятия Бастилии? Посол Франции Сегюр свидетельствовал о большом энтузиазме в Петербурге по поводу взятия Бастилии, особенно среди молодых лиц высокого общественного положения. Люди обнимались на улице и поздравляли друг друга. Настроение было приподнятым. Получив известие, что король Людовик XVI принял конституцию, многие петербуржцы плакали от радости. Москвичи не отставали. Газеты и журналы из Франции свободно лежали на столе в Кадетском корпусе в Петербурге и в Московском университете, и «Марсельезу» насвистывали молодые люди и немолодые. Болотов в глуши деревенской переводил своим соседям из газет статьи о революции и казни короля. Ткачева и большевиков начали готовить в те годы. Крупнейшие деятели — масоны из окружения Екатерины II, как Н.И. Панин, А.Р. Воронцов и другие, — были конституционалистами; масоны же принимали самое деятельное участие в работе Комиссии уложения о новых законах. В этой Комиссии были все сословия представлены, кроме... духовенства, которого Екатерина II не любила.

Организованного центра просветительства не могло не быть, и все историки прошлого — Вернадский, Пыпин, Пиксанов, Соколовская и др. — единодушно называют его. Это масонские ложи с их строгой дисциплиной и сплоченностью. Гностико-каббалистические идеи направляли общее русло просветительской мысли и деятельности. Орден же Розенкрейцеров был ядром руководства в самом масонстве. Его задача, так же как и других, сходных с ним по рангу ритуалов, состояла в первую очередь в создании благоприятной среды для деятельности «братьев», то есть в создании общественного мнения и определенной, то есть, безусловно, враждебной христианской церкви и

Спасителю, культурной среды. Земные награды и земной удел человека вместо горных высот, тесного пути в Царство небесное. Утонченная чувственность, духовная прелесть, самообольщение вместе с символическим типом мышления, гедонизм, самолюбование своими пороками, ритуалы ли смерти, которые так любили масоны, или покаяния пред «братьями», когда уничтожение есть паче гордости — везде мы видим один и тот же подход — чувственный и земной. Недаром вся система масонской идеологии была соткана из Талмуда и каббалы. С первого шага адепт попадал в атмосферу иудейских символов, имен и названий.

Точно так же, как и в экзотерической философии, рассчитанной на всех, братьям объяснялось, что христианство евангельское надо понимать символически и ключ к пониманию даст каббала. «Знание каббалы, — пишет Папюс (Папюс. Каббала. СПб. 1910), — делает невозможным сомнение в религии, потому что она единственная, мирящая разум с верой», показывая, что всемирные догматы различно сформулированы, но, в сущности, всегда и везде одинаковы: поэтому, продолжает д-р Папюс, как все обряды представляют в разных видах одно и то же учение, «то интеллигентный человек, масон, может придерживаться любой религии». Основа экуменизма заложена в этих комментариях каббалы, принятой масонством в качестве главного источника мудрости. Но руководитель Ордена мартинистов начала нашего века делает оговорку: «Хотя посвященный может придерживаться со спокойной совестью той религии, в которой воспитан, потому что все обряды представляют в разных видах одно и то же учение», нельзя лишь «исповедоваться священнику». Но без исповеди священнику нет покаяния и не может быть Причастия Святых Тайн. Без этого же человек не может принимать участия в церковной жизни и сам себя отлучает от Церкви.

Нападки на священников занимали видное место в пропаганде просветителей. Не чужд этому делу был и Новиков с первого своего журнала. А ведь то большой грех - критиковать священнослужителей. Веротерпимость, о которой, не уставая, говорили масоны, ими не распространялась на русскую православную Церковь. Личные качества священнослужителей бесконечно расписывались ими в самых черных красках.

Церковь русская называлась ими «наружной» и формальной, она, по учению «братьев Иеговы», строителей храма Соломона, присвоила себе не принадлежащие ей prerogatives власти над душами людей, и она должна быть разрушена. «Вы подлинное священство, — обращался к братьям Розенкрейцерам З.Я. Карнеев в Орловской ложе «Орфе», — вам принадлежит весь мир» (см. это место у Вернадского с. 179). Точно так же трактовался вопрос о Церкви во всей мистико-каббалистической литературе на протяжении двух столетий. Ненависть вынашивалась долго, пока не прорвалась в 1917 г. и не вошла в плоть и кровь носителей антихристовых начал интеллигентов

прошлого и настоящего. Не зря трудился кружок каббалистов — розенкрейцеров.

Это розенкрейцество, о чем выше упоминалось, привело к пленению русского народного ума, общественного сознания еврейской печатью уже к середине XIX в. и открыло самый широкий доступ евреям в правительственные крути. Граф Н. П. Игнатьев в 1881 г. имел все основания писать: «В Петербурге давно уже существует еврейско-инородческая группа весьма сильная, она держит в руках адвокатуру, биржу... и большую половину печати... группа эта имеет громадное влияние на служебный мир». («Источник» 1995, № 2). В этом мире и расцвело масонство.

И если на нижних ступенях только теоретически познавали прелесть Талмуда, его концепцию переселения душ, их пленения телом, которое в ложах символизировалось в виде цепей, которые надлежит разорвать, чтобы освободить романтический дух, то...: «...с 1782 г. таким образом, приняли небывалые размеры в Москве работы масонские и начались даже занятия розенкрейцерские, основанные на них, но ведущие гораздо далее к этой области теософии, где уже практически не только признаются, но изучаются в высших степенях каббала, магия и алхимия». (Лонгинов).

Заметим кстати, что магия есть составная часть каббалы. Последняя же имеет много ответвлений, в том числе и весьма мрачное — с черной магией, так называемой Лурианской. а также франкизм с эротической распущенностью и «уловлением» «святого Духа» по типу наших хлыстов.

Каббала, будучи сотканной из символов и иероглифов и будучи чувственной, со своими триадами мужских и женских сефирот и их примиряющей сефироты, создавшими весь видимый мир (тезы, антитезы и синтезы — легко переводится, как видим, на язык умозрения эта символика), и стала источником вдохновения для множества философских учений.

С таким идейным содержанием, отрицая первородный грех и свободу воли, личного Трехипостасного Бога и Спасительную жертву Иисуса Христа и соответственно личную ответственность человека за свои поступки перед Богом, просветительская когорта московских Розенкрейцеров выступила в поход против святых русского народа, вооруженная литературой, печатным станком, дисциплиной.

Нелишне будет заметить, что московские «братья» не только получили право на жизнь в Берлине, но оттуда же они получали и инструкции, весьма мелочные, регламентирующие каждый шаг подопечных немецких «братьев» московских розенкрейцеров. Именно только по разрешению из Берлина могли в Москве принять в Орден того или иного «брата». Каждый «брат» предварительно «утверждался» в Берлине. Новиков был хорошо известен там, и он был назначен вторым лицом в руководстве Ордена Розенкрейцеров,

который сам, заметим, был скрыт от младших «братьев» и представлял Орден в Ордене. Относительно другого «брата» историк пишет: «Он (Лопухин И. В.) вступил в Орден именно в 1782 г. и быстро выдвинулся среди товарищей, был мастером стула ложи «Латона», с 1784 г. стал управлять ложей «Блестящая Звезда», в том же году по предписанию Берлинских начальников был назначен надзирателем для русских братьев» (Масонство в его прошлом и настоящем, т. II. с. 230). Речь идет об известном И.В.Лопухине.

Не надо вообще забывать, что опека наставника над своим подопечным охватывала поголовно всех «братьев» и была тем плотнее, чем выше был градус «брата». Сохранились письма Новикова своему начальнику барону Шредеру. В них Новиков сообщает о всех «трепетаниях» своей души, спрашивает разрешения на перемещения своего работника в типографии. просит разрешить самим на месте назначать цену книгам, не спрашивая Берлинских начальников, так как спрос меняется быстро и неудобно ждать долгого разрешения из Германии. Из Берлина регулярно приходят вопросы, на которые Новиков должен был подробно отвечать. Список выпускаемых книг также согласовывался с мнением берлинского начальства или планировался им непосредственно. В Берлин шли подробные отчеты о состоянии дел в России, подробно изъяснялись. в частности, относительно наследника престола Павла Петровича — его воззрения, настроения, мысли, и даже частное письмо вел. князя Новикову ушло в Берлин. Заодно туда же шли и членские взносы московских «братьев». В определенный момент оттуда же пришла команда на «силанум», то есть временное приостановление масонских работ, вызванная опасностью обнаружения связи с Берлином в момент охлаждения отношений русского и прусского дворов в конце 80-х годов XVIII столетия. В Ордене были следующие правила, типичные для всего масонства, а не только для баварских иллюминаторов: «

1. Иллюминат... должен быть совершенно свободен от всякой религии.
2. Цель оправдывает средства... все то, что предвзвешивается именами преступлением.
3. ...Правители земные суть похитители власти.
4. Иллюминаты должны стараться завладеть всеми правительственными местами, помещая своих адептов.
5. Цель Ордена есть освобождение народов от государей, дворянства и духовенства.
6. Любовь к отечеству несовместима с предметами необъятной обширности, составляющими цель Ордена: должно пылать усердием к сей цели» (см.: «Записка Магницкого» в ст. «Два доноса». — «Русская старина», 1899. т. 7. с. 69-70).

Орден был слишком обширен, чтобы замыкаться на одной стране. Он и был создан как всемирный. Новиков с «братьями» призывали в «Воззвании к

владыкам» к установлению всемирной федерации с учреждением в «своем любезном отечестве малом» «Патриотического Общества», которое установит единый для всех стран мира порядок с владычеством «святых чиновников» Ордена вольных каменщиков, строителей храма Соломона (Вернадский. Ук. соч.. с. 182-187).

Приведу выдержки из писем известного масона О.А. Поздеева. ставшего в начале XIX века во главе Ордена Розенкрейцеров и. видимо, не начальных степеней. Письма лишь частично были опубликованы в 1871 г. И вообще история масонского Ордена в этом плане крайне скудна на документы, а в советское время они и вовсе не публиковались, но зато обильна на желания доказывать то, что хочется доказать. Документы помогли бы поставить многих любителей всевозможных эссе на твердую почву фактов.

Письмо от 1784 г. Москва (ОР ГБЛ, ф. 14, № 320):

«Но что надлежит до вас, то помните, что вы принадлежите к ордену (в тексте круг с точкой), хотя вы, и никто из вас его не знает, следовательно, не спрашивая с членами его, открытыми вам по благости Господней, не должны сделать ни шагу, ибо в ордене есть изложения, числом, мерою и весом расположенная работа, к достижению во храме, где человек сокрытая зрит не только ко взору, но и от ума обыкновенных человеке». Благодарите Всемогущего, что Он из стольких тысяч избрал вас немногих и строит к цели. еще вам самим неизвестной. Помните, что работа ваша есть повинность и молчать и мир сей весь считать за единое ваше проходное училище, не привязываясь ни к какому его углу, и не делать из того себе собственность и приводите себя будучи в мире, в такое равнодушное положение, чтобы вам до миру, что в нем ни производится, не было нужды...»

1784, Москва.

«Но на вас я с помощью Спасителя возлагаю особенную должность: именно вас самих, которого вышние братья расположены готовить в орден внутренний. О всем, что у вас в вашей ложе (в рукописи квадрат — знак ложи) происходит будет, меня уведомляйте. Расположенных и желающих братьев тихонько и скромно наставляйте в наших практических работах, и если кто зачал корпорально или морально очищать, меня, — не объявляя никому, уведомляйте и описывайте прямо кто и како зачал еще себя обрабатывать, а кто не зачал еще себя обрабатывать, о тех не пишите. Сей вашей со мной переписки никто знать не должен... сохраняйте все вверенное вам и берегите себя от всего, что может затворять льющие ток из глаз ваших».

Внутренний орден — Орден московских Розенкрейцеров, члены которого были неизвестны в таком качестве своим подчиненным. Подчиненный мог,

скажем, жаловаться «брату», полагая, что они одних степеней, на начальство, и не догадываться, что жалуется как раз самому начальнику на него же. За каждым «братом» наблюдали тщательно, равно и за знакомыми, и никто никогда сам, только по своей инициативе не становился масоном, но длительно изучали его мировоззрение, взгляды, характер и самого приглашали в Орден. Так что сказки о Новикове, которого прямо-таки затаскивали в ложу, а он не хотел, следует поставить на один уровень с аистом, который приносит детей. Эту сказку историки рассказывают со слов самого Новикова на его допросе. Удивительная доверчивость!

«Брат» следит за другим и обязан доношением. Любой, хоть и самый великий писатель, художник, патриот, философ, который так нами уважаем, что мы, боясь посмотреть в глаза правде исторической, говорим: «Масон? Ерунда, тогда все там были». Может, и были. Но распорядок жизни был именно таков. Молчание о делах Ордена, дисциплина, занятия на лекциях, выучивание их, ответы наставнику. Приготовление самому по заданной теме к лекции для «братьев»: исполнение языческих чувственных обрядов с костями, черепами и тех страшных ритуалов магии, которые «братья» никогда не сообщали никому, даже те, кто «оставил молоток», то есть прекратил масонские работы, как бы вышел из Ордена. — все это было буднями, рутинной жизни любого масона. Пестеля ли, Новикова ли. Греча или Грибоедова, Бенкендорфа или Кюхельбекера, Гоголя или Тургенева. Пушкина или Жуковского...

Работы, о которых пишет Поздеев, как видно, серьезно изменяли личность и требовали усердия, времени и определенных способностей интеллекта. Не каждый достигал высоких степеней «философии». Большинство историков считает, что масонство стало первой школой и светской философии (см.: Тукалевский В.Н. «Новиков и Шварц». Масонство в его прошлом и настоящем, т. 1. с. 193: «...масонские искания — это те зачатки светской философии, это те поиски философского мирозерцания, которые появились среди интеллигентов XVIII века»).

Москва, 1785г.

«Слышу я, что вы собираетесь идти в отставку, а ложу на кого вы покинете? Я советую стараться наперед на свое место заготовить человек двух. Сверх того, советую вам справиться с вашей совестью, не выболтали ли вы чего из вашей Т. С. и, вспомяв это, вообразя живо ваше преступление, просить Бога о прощении.

Я считаю, что когда вы, разговаривая с братьями, вошли в огонь, то в то время и не помнили, что вы тайны предаете: любезный брат, не затворяйте в Орден дверей себе и другим, и помните, что холоднокровие есть истинное

положение каменщика, где рассудок его здравый присудствен...»

Т. С. — это «Теоретический Градус», программный документ для степени такого же названия в Ордене Розенкрейцеров, к которому принадлежало все руководство делом просветительства в Москве. Им же принадлежали Типографическая Компания, Дружеское общество, книжные склады, аптека. Целый сонм служащих по распространению книг просветительского толка, маго-каббалистического, учебники и пр. У организации были свои представители даже в землях Донского Войска.

Ситуация, затрагиваемая в письме такова: «брат» проговорился в беседе с младшими, и кто-то уже донес из бывших там его «братьев», и вот Поздеев недвусмысленно угрожает. Опека, как видим, плотная.

«Братья» должны отчитываться письменно о всех не только делах, но и настроении своем и о своих личных качествах, которые он должен изменить ради интересов Ордена. Первая добродетель масонская есть согласно их обрядникам и катехизисам — молчание. Следующее письмо касается этого вопроса.

Москва, 1785г.

«Вы ко мне не пишете, зачали ли вы делаться хладнокровнее, умереннее в ваших издержках, молчаливее, пишете о сем спросясь с вашей совестью.

Скажите брату Н., что ежели чувствует он, что зачал быть лучше и отстал от тех пороков, кои мешали ему работать, то чтобы принес вам на письме искреннее раскаяние о в с е х (разрядка моя. — В.О.) в жизни его соделанных пороках и если он еще в мастера не введен, то нынешней зимой можете приехать с ним, дабы его здесь ввести.

А если в мастера уже введен, то возьмите письменно его признание с собою мне показать, дабы я видел, искренно ли оно, и како его, если Бог велит, вести дальше».

Наставник всегда должен был быть намного выше в интеллектуальном плане и в смысле специальной подготовки психологической, и волевой, лучше знать специальную герметическую литературу, общеполитическую, чем его подопечные, которых он «водил». На этом был основан его авторитет. В Ордене же проповедовался культ Разума, как и во всем «просвещении». В качестве примера: в 1777 г. И.П. Елагин, меценат, собравший около себя талантливую литературную молодежь, оказывающий ей поддержку по службе и материальную помощь, был уж одним из главных руководителей русского масонства. Но и он имел наставника. В том году им был Рейхель, который следил за его культурным, интеллектуальным ростом, «корпоральным и моральным очищением».

Под его руководством Елагин изучает античную философию: Платона,

Анаксагора, Плутарха, Цицерона; знакомится с учением Пифагора, Зороастра, Гермеса Трисмегиста, Орфея и др. и «многих сим подобных влияли в душу мою новые и спасительные размышления» («Русский Архив», 1864. т. 1., с. 107). С помощью Рейхеля он ищет мистическое ядро и в творениях Отцов Церкви. Пять лет ушло у Елагина на изучение назначенных ему книг. Но это была только половина пути сенатора, директора Императорских театров и, можно сказать, основателя Русского театра, лучшего переводчика на русский язык французских романов, тайного советника Елагина Ивана Перфильевича, кому страна во многом обязана появлением на свет сочинений Фонвизина, Лукина и др. деятелей российской словесности.

Через пять лет наставником его становится доктор Эли, «в знании языка еврейского и каббалы превосходный». Совместив греческую философию с каббалой и с комментаторами каббалы из крута герметиков, впитав в себя всю эту антихристианскую премудрость, он сводит полученные знания в громадный труд: «Учение древнего любомудрия, или наука свободных каменщиков... предложенная И.Е(лагиным), великим Российской Провинциальной Ложи мастером» (Вернадский, с. 136).

Иван Перфильевич Елагин — в русской истории и особенно в истории русской культуры XVIII века — фигура знакомая. С одной стороны он многие годы был близок к Екатерине II и выполнял ее многочисленные личные поручения, с другой — покровитель театров и молодых литературных дарований. О себе же он пишет: «Я с самых юных лет моих вступил в так называемое масонское или свободных каменщиков общество — любопытство и тщеславие, да узнаю таинство, находящееся, как сказывали, между ими, тщеславие, да буду хотя на минуту в равенстве с такими людьми, кои в общежитии знамениты, и чинами и достоинствами и знаками от меня удалены суть, ибо нескромность братьев все сие мне благовестила. Вошед таким образом в братство, посещал я с удовольствием ложи, пониже работы в них почитал совершенною игрушкою, для препровождения праздного времени вымышленного.» («Русский Архив» 1864, т. 1., с. 95.)

Эта игрушка оказалась, однако, настолько увлекательною, что увлекла Елагина на всю жизнь, совершенно переменяла его судьбу и его мировоззрение, дав ему возможность достигнуть высших чинов Империи. «Лестная надежда, не могу ли чрез братство достать вельможных покровителей и друзей, могущих споспешествовать счастью моему» вполне оправдалась — в 42 года он стал тайным советником, а позже обер-гофмейстером Двора. Масонская наука давалась ему с трудом, одно время он даже не хотел ходить в ложу. К этому же времени относятся и его увлечение сочинениями французских деистов и атеистов, которых он и перечисляет: Буланже, Даржанс, Вольтер, Руссо, Гельвеций. Все они своими сочинениями пленили сердце Елагина. Это чтение «душу мою развратило», горестно замечает Елагин,

вспоминая о том времени. Апокалипсис, откровение Иоанна Богослова стало казаться Елагину сочинением нелепым и сумасшедшим. «Дерзнул я забыть и веру, в которой родился, и страх Божий, и учение, которое мне при воспитании в училищах преподаваемо было.» (с.595).

Елагин стал обращаться за разъяснениями к людям ученым, кто критиковал Вольтера. Удивило больше всего Елагина то, что все они — и вольтерьянцы и их критики «находились в обществе свободных каменщиков, то и учинилось мне прекословие сие неудобъразрешимую загадкою». Действительно, тут есть над чем задуматься. И. по крайней мере, историки масонства не всегда могут ее разрешить и от того в умах читателя масонство превращается в какую-то пеструю в идейном и политическом отношении аморфную смесь. Неясно, что объединяет людей совершенно различных политических и умозрительных направлений, и почему представители этих направлений сходятся все в одной точке — в масонской ложе. Елагин точно также задумывался над этим вопросом:

«Для чего, рассуждал я, толь великого разномыслия и великого однако учения люди вступили и пребывают в таком ордене, которого упражнения с ученостью их весьма несходны? И отчего сие происходит, если он посещают собрания?»

Этот вопрос столь заинтересовал Елагина, что он стал приставать с ним к каждому ученому чужестранцу, посещавшему ложу. Стал он интересоваться, почему масонским таинством занимаются и простолюдины и знатные, и ученые и невежды, и верующие и атеисты, кроткие и сварливые, добродетельные и порочные. В конце-концов, Елагин приходит в умиление: «Какое чудное смешение, но в собраниях масонских почти неприметное и общественно единому молотку покорное!» (с. 96). Именно с этих вопросов и с этого умиления и началась для Елагина серьезная работа по масонству. Началось изучение философии, теософии, оккультизма, обрядов и прочее, о чем сказано выше.

По существу, Елагин прошел тот же путь в познании и сотворении своего труда, что и иудейские мыслители Александрийской школы I-II века от Р.Х., когда приступили к сплавлению греческой философии с формирующимся в эллинистическом мире иудаизмом.

Авторитет начальника всячески поддерживался в ложах, составлявших предмет забот для наставников-мастеров. Сам Великий Строитель, Великий Демиург, правитель видимого мира именуется Мастером. Мастер все видит и все знает. Как уже было сказано, авторитет мастера подкреплялся его более высоким умственным развитием, образованием, знаниями и, нередко, общественным положением. Поздеев умер 24 апреля г., а его поучения переписывались его почитателями ещё полвека. В качестве примера — еще

одно его письмо.

Москва, 1783 г.

«Желаю сердечно успевать вам в работах в вашей собственной ложе. (...) Подкрепляйте обще с л(юбезным) б(ратом) Егор. Егор. других братьев, поощряйте их каждого не едине не ослабевать и старайтесь давать чувствовать, что В(елики) М(астер) Ордена с вами и что Он все ваши тайнейшие помышления видит, и, любя вас, хранит от врагов, кидающихся на нас...»

В учении Ордена важное место занимало представление о всемудрых, все знающих начальниках Ордена, живущих где-то на Востоке, обладающих нечеловеческой силой и воздействующих на ход истории в благоприятном направлении от разделенного на индивиды, страны, нации человеческого общества, имеющего еще и сословия, и традиции, и родовые представления, и свои религии, к единому сообществу с одним лицом, с одним правительством и без всякой религии, кроме «естественной», конечно.

Одно стадо и один пастух. Чиновники, просвещенные этим сообществом избранных к руководству народами, будут пасти это стадо на пажитях всемирной цивилизации.

Проф. Московского университета Шварц, начальник по Ордену Новикова, о котором уже шла речь, объяснял на лекциях студентам Московского университета, что начальники Розенкрейцеров, этой мировой организации, охватывающей весь мир, являются обладателями божественной премудрости, утерянной Адамом в результате грехопадения. Адам сохранил божественные знания, дающие власть над природой, в своей памяти и передал их своим потомкам, и они дошли через избранных до Моисея. Он получил эти сокровенные знания или через избранных, или непосредственно от самого Иеговы, сообщил полученную мудрость «семидесяти мудрецам».

Книгу Бытия поэтому надо понимать «каббалистическим» образом, путем мистических толкований. Тайна мудрости божественной перешла последовательно от «семидесяти избранных» к «философам в Иудее», которые соединились и «представили философическое дело под видом сооружения храма Соломона: сия связь дошла до нас под именем Свободного каменничества, и они по справедливости хвалятся, что взяли свое начало от сооружения храма». От этой секты «философов в Иудее» и пошла история Ордена. Эта мудрость нашла свое выражение, объяснял Шварц, в мистериях древности, учрежденных избранными, также наследниками той же секты «философов иудейских». Начальники ордена каменщиков-розенкрейцеров являются обладателями всей полноты истинной премудрости, они держат себя в сокровенности, «в некоторой части сего видимого света, яко в наружном раю,

где они творят и исполняют великие и удивительные чудеса... сип чудеса сохраняются для великого дела, которое откроется в свое время и час, что случится тогда, когда воздвигнется род, рожденный для части более очищенной или более возвышенной Божественного любомудрия» (Семека А.В. Русское масонство XVIII века. — В кн.: «Масонство в его прошлом и настоящем», 1914, т. I, с. 164).

Представление о некой группе избранных, хранящих в тайне чистоту истины и призванных, когда поле человеческой цивилизации будет вспахано и подготовлено для новых посевов, прийти к власти над миром, восходит к Талмуду: «С талмудических времен циркулируют слухи о локализуемой то там, то здесь праведной стране, в которой на берегах реки Самбатсион в независимости и древней чистоте веры и обычая живут потомки «колен Израилевых» (Мифы народов мира. т.1,1980, с. 590). Отсюда эти легенды о Шамбале, стране «очищенных» мудрецов. светлых как солнце, которым открыта книга «Судеб». Вся эта пошлая оккультная экзотика идет из каббалы с ее плоской змеиной мудростью.

Для нас, живущих во времени исполнения мечтаний и проектов Мора и Морелли, Бабефа и минских основателей РСДРП, для нас. у кого ближние: братья и сестры, матери и отцы — погибли в концлагерях. замучены в застенках убойных дел мастеров, для нас, видящих бесконечное презрение еврейских и масонских правителей к русскому народу, — все эти слова об «избранных» не могут не быть исполнены глубоко-зловещим смыслом. От них веет приторным сладковатым запахом трупного разложения.

...Ткачев мог и не знать каббалы, и не проходить занятий в Теоретическом Градусе Соломоновых наук. Он мог пользоваться идеями, которые стали устойчивой политической и «культурной» традицией необходимости установить режим господства над народом «сознательного меньшинства» с превращением людей в безликое стадо рабов. В этой традиции утверждалась необходимость захвата власти во что бы то ни стало — через убийства, массовый террор, грабежи и разрушение всей культуры, созданной народом, в том числе и материальной: дворцов, храмов. монастырей, старых городов с их домами и улицами, с уничтожением и самих артельных умельцев, песенников, вышивальщиц, иконописцев, мастеровых.

Именно над созданием «культурной» традиции отрешения от всего традиционно народного и самобытно русского, и трудились братья-розенкрейцеры Теоретического Градуса Соломоновых наук, создав просветительский центр в Москве и положив начало той шоссе-ной дороге. которая привела страну в сегодняшний день — царство корысти и эгоизма. Законный плод незаконной жизни верхов общества.

Вспомним, что уже «повышение в звании шотландского мастера

связывалось с посвящением на борьбу и страдания во имя восстановления разрушенного храма» Соломона. Эта идеология включала в себя «постулат беспрекословного подчинения орденской власти и завет непреклонной борьбы... с врагами Ордена...». Эта традиция беспощадности к врагам вошла в плоть и кровь тех, кто стал на путь борьбы с Русской державой. По мере того, как идеи Ордена все более проникали в сознание людей и становились привычными, ритуалы лож упрощались и в конце концов оставались лишь для очень узкого круга лиц. Мотивы разрушения церквей, разрушения брака, всех заветов народных, уничтожения самодержавия, выливались на страницы журналов и газет. Одни либералы были за постепенный ход к тому, что другие готовили на завтрашний день, но все они ждали конца традиционной и самобытной Руси, устроившейся у себя дома и по-своему, по своим меркам и по своей совести, с Христом в душе и царем в голове. Этого русскому народу и не могли простить либералы-космополиты из «братства» «Розового Креста», и нигилисты «Народной воли», и анархисты РСДРП и Бунда. Исследователи пишут: «Масонство... пролагало путь доктрине либерального индивидуализма», «Масонство... подготовило почву для развития... республиканских идей». (Дружинин) И для погрома то же...

В самый разгар смуты, охватившей русское общество в 60-е годы XIX в., высокопреосвященный Филарет, архиепископ черниговский, сказал: «Грозны видимые беды. Но нет ли и более грозных? Не ново для России терпеть беды от врагов. Среди бед росла и крепла она, но от бед не слабела, а крепла. Почему? Потому что в основе ее общественной жизни было сильное начало — любовь к св. Вере.

С этим живительным и могучим началом она счастливо выдержала все политические беды и, им оживляемая, шла от победы к победе.

Что же теперь?.. Нашлись русские, которые стали проводить в русское общество посредством литературных органов и контрабандных книг те самые начала, которые уже облили потоками крови Запад... страшные опыты, ознаменованные пожарами и прокламациями подпольной литературы. До чего дошло дело?» («Странник», 1863. июнь. с. 85).

Чтобы понять всю пошлость и безнравственность либерального нигилизма, надобно знать, чувствовать и веровать в святыни христианские, постигать их в Церкви, жить с нею одной жизнью. Беспрерывное отрицание основ русской жизни нас привело в сегодняшний день. Этот путь идет от Радищева и Новикова, от «братьев» храма Соломона. Приходит в XIX век, и Герцен, наследник этих идей, зовет к крови и топору. Важно подвести итог. Масонство породило литературу, современную науку и философию. Классическая формула масонства, объясняющая его цель: «познание Бога через познание себя и натуры», будучи развернутой, объясняет вышесказанное. Познание

натуры стимулировало развитие наук и развитие философии, как богословия пантеизма, познание же себя - искусств. Все это ставит вопрос о подлинном содержании того, что мы называем «культурой» и что является средством пропаганды той идеологии, что совершает «обрезание» всего самобытного, неповторимого как в человеческом мире, так и в природе, пытаясь все унифицировать, опошлить, обезличить. Нет никакого сомнения, что вся устремленность коллективной деятельности человечества под воздействием масонства, осуществляющего каббалистические идеи, имеет определенно демонический характер: своими усилиями свести принудительно благодать с неба на землю.

«Просвещение» же через литературу и философию, осуществляемое в России союзами масонского ордена, надо рассматривать, как процедуру «обрезания», проводимую не «духом времени», а плановым образом, целенаправленно, по плану Торы. В результате этой процедуры оказался разрушенным весь Русский мир со всей его бытовой и языковой культурой, совершенно не вмещавшегося в геометрические линии масонского чертежа «светлого будущего». Как кажется, в этом вся суть: заменить мир Божий на мир демонический...

Глава вторая ИДЕИ И ИДЕАЛЫ МАСОНСТВА

Какова роль масонства в создании политической и культурной картины мира Нового времени? Для ответа на этот вопрос надо ясно представлять себе идеологию ордена в самых общих чертах. Надо попытаться понять, какое реальное значение имеет определение этой организации, как строителей «храма Соломона» или, еще и как строителей «храма Человечества» и «храма Труда». Если взять самые употребимые термины нынешнего политического лексикона и сравнить его с таковым же в массе масонских документов и масонских изданий, то легко обнаружишь, что это один и тот же лексикон, одни и те же слова. Но если теперь попытаться как-то осмыслить эти слова, то обнаружишь, что они повисают в воздухе вне определенного, эзотерического контекста.

Действительно, что значит слово «прогресс», что такое эта самая всеми обожаемая «культура», выше которой нет ничего на свете? Ты можешь быть атеистом и сионистом, культуристом и пианистом, можешь быть мусульманином или буддистом, или не быть ни тем, ни другим. но быть культурным ты обязан. То есть исповедовать ту самую религию, «в которой

согласны все люди», говоря языком масонского катехизиса 1723 г., положившего начало новой эре человечества. Когда историки и философы говорят о «строгом научном подходе» к гуманитарным предметам, в частности, к истории человечества, то, вероятно, не все из них понимают, что в той «объективности», которая им так нравится, изначально заложена определенная идеология, выражающая себя уже в самих терминах и в характере отбора материала. А это уже «не объективность», а тенденция.

Совершенно очевидно, что сами употребляемые слова, несущие на себе все здание нашего мировоззрения, имеют по самой их роли религиозное значение. Смысл их большинству не ясен только потому, что корень их лежит как раз в области религиозной, чаще всего в сфере оккультно-теософской, поскольку и вся политическая сфера формируется масонством. Познать же роль масонства, когда его пытаются рассматривать вне его идеологии — вещь просто смешная и нелепая. Рассматривать же его в пределах его же идеологии — это значит по большей части опознать самих себя и свою науку, как часть масонской идеологии. Но на это нужно и известное мужество, и внутренняя свобода, и готовность к тому, что тебя больше никто никогда не напечатает. К тому же, если отказаться от принципов «современного мировоззрения», в том числе от шаблонов в роде «законов развития общества», «всеобщей эволюции природы», от «прогресса» и от «культуры» как религии культа «чисто человеческих дел», то нужно последовательно исповедовать религию Божественного Откровения, данную нам в учении Церкви Христовой. Но последовательность чужда большей части людей.

Несомненно, масонство оказало принципиальное влияние на общественное сознание и идеологию современного политического мировоззрения.

Нелепо в этом смысле выглядят попытки некоторых публицистов и историков, воспевая «прогресс», «труд», «коллективизм» и «культуру», то есть принципы масонства, в то же время обличать масонство и низводить его на роль какой-то шайки международных аферистов. Клеймить масонов и воспевать «гуманизм» в лице Пушкина и Толстого, Достоевского и Чехова, как «наших столпов». — это значит либо не понимать главного и основного, чем жива душа человеческая, либо под видом такого обличения, открывая канал доверия у читателей патриотическим пафосом, умышленно внедрять основные принципы масонско-просветительской идеологии. В том и трудность понимания темы, что вопрос состоит в ценности и смысле основных понятий нашего времени, таких, как «культура», «прогресс» и некоторых других. Здесь надо выбирать. Надо уметь отказаться от благоговения перед «нашими столпами», как и перед вообще «великими» и «значительными». Ведь сказано, «не сотвори себе кумира».

Надо освободиться от мысли, что главная ценность заключается в

концертных залах, мерседесах и атомных электростанциях. Человечество могло бы существовать и без этих приятных и опасных игрушек. Значительная часть его без них и живет. Может случиться так, как это бывает с человеком: богатый и довольный, он много ест, много веселится, мало двигается и нежится в комфорте житейском. Но когда, как результат такого образа жизни, приходят болезни, он начинает думать, как хорошо было бы, живи он с самого начала по-другому. Можно не сомневаться, что даже «прогрессивное человечество», пропитанное самыми что ни на есть демократическими мыслями, когда-нибудь начнет думать именно таким образом. И именно тогда, когда будет поздно. Ведь эта часть человечества, что занимает командные высоты во всех государствах, очень сильна задним умом.

Сначала, к примеру, у этой ученой части человечества был на первом месте технический прогресс, а потом с удивлением обнаружили наличие технических отходов и свалок, и когда все капитально загадили — заговорили об экологии. Сначала все книги, в духе каббалистики написанные, пели гимн «покорителям природы». Теперь думают, как бы сохранить хоть что-нибудь от этой изуродованной природы. И этой глобальной глупости, переходящей в глобальное преступление, не будет конца. В этом процессе тот самый «дух времени», что заложен в доктрину масонства.

Обоснование вопроса о роли масонства может состоять из нескольких предпосылок — идейных, организационных, исторических.

Если отвлечься от «подлинно научного подхода», то легко понять одну простую истину: если многие десятки поколений людей, облеченных властью и имеющих деньги и доступ к печатному станку, создающих основной поток печатной продукции, формируют свое мировоззрение на началах оккультно-каббалистических, то такие люди, сплоченные единством организации, не могут не оказать радикального влияния на все то, что называется «культурой». Вполне понятно, что именно из этих кругов будут исходить и политические учения, и формирование корпуса ученых и писателей. Их вкусы получают свое воплощение и в архитектуре, и в поэзии, не говоря о философии. Именно они и будут создавать ту символическую матрицу восприятия и оценок, которая определит в свою очередь и действующую в обществе легенду «добра и зла», и систему «предпочтений и презрения», которая сплавливает людей в одно общество и не дает ему развалиться на отдельные группы и сословия, воюющие друг с другом до уничтожения. Масонские ложи еще с XVIII-XIX веков создали правящую сферу и сформировали весь корпус политиков и идеологов, вытеснив Церковь из общественной сферы.

Возникает вопрос, в какой степени связаны друг с другом различные философские и политические идеи, учения каббалистические и социалистические. Большинство трудов по истории масонства исключает

напрочь эти связи и скрупулезно рассматривает частности. При этом личные взгляды отдельных деятелей масонства зачастую рассматриваются как выражение взглядов самого масонства. Конечно, это неверно. Просто оккультно-каббалистическая доктрина, в своем осуществлении имеет свои особенности в зависимости от характера народа, формы государственного правления, от приверженности к той или иной религии, но она едина и последовательна. Какова же связь идей?

...Известный в свое время писатель, граф В.А.Соллогуб, в 1837 году дебютировал на страницах «Современника». Он вращался в том же кругу писателей, что Жуковский и Пушкин, будучи их младшим современником. Женат он был на дочери М.Ю.Виельгорского, одного из руководителей российского масонства. После смерти своего тестя он нашел у него в курском имении обширнейшую библиотеку герметической литературы, и вот он пишет:

«С трудом верится, чтобы целое поколение умов отборных могло углубляться не только в изучение халдейской премудрости и формул умозрительной символистики, но еще серьезно занималось алхимическими препаратами, основанными на ртути и могущими создать золото» (Граф В.А.Соллогуб. Воспоминания. М.-Л., 1931 г., сс.160-161).

Факт остается фактом: целые поколения русских дворян и чиновников, как позднее и разночинцев наших, воспитывались на изучении мистической каббалы с ее халдейской премудростью — алхимией, магией, астрологией. При этом они периодически посещали церковные богослужения, презирая священника и «простонародье». Приобщенные к символическому мышлению, они все понимали согласно «внутреннему смыслу», а не буквально, как «эти», «наружные христиане». Мир каббалы — это пантеизм, а в пантеизме все связано между собой самым тесным образом. Ведь это мир магии. Это мир Большого шара, внутри которого все точки связаны густой сетью линий и каналов. Здесь все обожествлено, все явления человеческого мира и мира природного связаны с миром астральным и тем, что над ним, и под нами. Здесь нет ни отдельной этики, не связанной с политикой, ни политики, не связанной с религиозным культом. Влияя на человеческий организм, можно повлиять на все мироздание. Да и само мироздание представляет из себя Большого человека, Адама Кадмона.

Алхимики занимаются лечением металлов и человека. Но может ли алхимия соотноситься с социализмом и вообще с прогрессом? Ведь наши московские розенкрейцеры, как и другие, занимались одновременно и просветительством, и алхимией.

Герметическая философия, основа масонского мировоззрения, видит мир природы и человека в единстве. И «больны» эти два мира точно так же — в единстве одного организма. Масон, иудей, революционер и социалист — все

они «лечат», «исправляют» общество и природу и «зарабатывают будущий мир» блаженства во всеединстве природы, человека и Творца.

Граф Соллогуб выразил понимание связи идей коротко и ясно. Обнаружив у тестя несколько тысяч книг герметического содержания, он пишет, что среди них были и «разные каббалистические латинские рукописи и частные письма масонского содержания». И это собрание книг и рукописей, замечает мемуарист, пополняемое «сочинениями теологическими и указывает на *переход герметизма к иллюминизму, к мистицизму, к пиэтизму, а впоследствии довели к скептицизму, гегелизму, к коммунизму и к нигилизму, уже мечтающему о терроризме*» (Там же, с. 161).

Любопытно, что в сущности, вполне заурядный человек увидел эту связь идей. И встает вопрос: а видели ли ее власть предержащие. И если видели, то чего хотели, чего добивались? Известно, что видели. И сам граф был человеком, близким ко двору. Было бы трудно ожидать от современных историков и литературоведов столь же ясного понимания этой связи, и, соответственно, роли масонства в политической и культурной истории нового времени. Современники Соллогуба (Б.Н.Чичерин, например) отмечали ту же связь гегелизма с социализмом и революционной софистикой. Любой философский словарь укажет в то же время на связь философии Гегеля с учением Якова Беме. И тот же словарь укажет на то, что Беме был материалистом-мистиком и каббалистом. И каждый из нас помнит с детства слова о том, что «Гегель — это алгебра революции», алгебра, отвергающая христианство и историю, как несовершенные этапы к совершенству человечества, к торжеству всемирного разума. Краткие каббалистические формулы, на постижение которых масоны тратили десятки лет, разворачивались в философские и политические трактаты, в художественные полотна.

Именно отсюда и пришло восприятие времени как движения «вперед», к лучшему, совершенному. Причем движения фатального, неизбежного.

Соответственно, все прошлое стало восприниматься как нечто «отсталое», «вчерашний день», как пережиток, как нечто жалкое и ничтожное, подлежащее уничтожению, разрушению. Такое восприятие времени воспитано на основе каббалистической доктрины движения человечества к эпохе всесовершенства, всеединства, движения к золотому веку, царству Машиаха (евр.). Сколь ни химерична эта идея, сколь ни дает реальность прямо обратных доказательств, но поскольку это идея религиозная, притом внушаемая через самые разные средства пропаганды — в первую очередь через искусство, — то и избавиться от этого ложного восприятия времени почти невозможно.

Христианское восприятие времени и, соответственно, истории, прямо обратно вышеописанному. Прошлое — это нечто добротное, устойчивое и

благостное. Каждый день церковного календаря направляет наши мысли не на «прогресс», а на жития святых и на священные для каждого христианина события. Священная история не знает движения вперед как фатального улучшения человеческой природы. Церковный календарь соединяет христианина со святыми, праведниками, мучениками и проповедниками, и с событиями евангельскими. Здесь нет места движению истории по спирали (образ, заимствованный Энгельсом и Марксом из Торы).

Пример с восприятием времени показывает, насколько глубоко въелась в современное сознание человека каббалистическая идея «прогресса».

Если всерьез ставить вопрос о влиянии масонства на современный мир, то начинать надо именно с анализа основных постулатов общественного сознания, укорененного в психологию человека, в его оценочный аппарат.

Другой пример, показывающий степень влияния масонства на формирование политических и религиозных учений.

Известно, что с XVII века в Европе была воспринята единственная политическая доктрина: «естественное право». Из статьи в статью, из трактата в трактат стало переходить и многократно повторяться слово «естественный» в разных сочетаниях: «естественный закон», «естественное право». «естественная религия», «естественная мораль»... Можно долго ломать себе голову, размышляя, что имеется в виду под этими терминами, если только не познакомишься с простыми положениями популяризаторов каббалы:

суть «естественных законов», оказывается, выражает Тора, «поскольку законы Торы — естественные законы управления миром и обществом». (Лайтман Михаэль. Каббала. 4.1, с.39). Тора — план всего мироздания. Вот учебная аксиома, открывающая понимание того, почему именно из тайных академий средневековья, этих предтеч масонских лож, вышла политическая история, ставшая основой и современного государственного права. Там, где изучали Тору, и родилось то, что должно было родиться: иудаизм, одетый в христианские одежды, и то весьма бедные. Надо ли говорить, что когда мы читаем в цитированной книге, что «настоящий каббалист испытывает радость от будущего окончательного исправления (мира), потому что уверен в нем уже сегодня, предчувствует его уже сейчас», то ничто не мешает нам в эту фразу вставить вместо слова «каббалист» слово «коммунист» или «масон», или «демократ». Ибо эти слова, по большому счету и есть обозначения приверженцев одного вероучения. И если «каббала изучает цель и план творения», то смысл слов о «естественном законе», «естественном праве» и «естественной морали» становится ясным, и, главное, логично вписывается в историческую картину, замыкая в одно целое современные политические учения, культурные ценности и масонство. Только так и становится цельной и логичной история нового времени. Именно такой цельности и не хватает

современному сознанию человека, когда историки разрывают искусственно единое полотно истории на отдельные фрагменты, по видимости ничем не связанные между собой. Мы видим сотни имен знаменитых философов и всевозможных явлений общественной жизни. Там масонство, там «культура» — «наша», а там — «ихняя». Здесь прогрессивная политика, а там — реакционная, но временами...

Что касается сотен философов, то, как уже говорилось в другом очерке, их идеи бедны и однообразны. Это один и тот же набор мыслей, по-разному освещаемых. И более ничего. И все они комментируют каббалу, ее несколько постулатов. Было бы проще изложить учебный курс европейской современной философии по основам иудаизма, чтобы мы поняли связь идей и узнали основные их принципы, не растекаясь по сотням имен и учений. Но как раз этой связи политических и философских идей с учением каббалы и пытаются избежать. Легче писать тысячи томов, излагающих эти идеи раввинистического учения под разными именами философов (иудейские принципы фатального движения к золотому веку, коммунизму, царству Астреи, идеи «разумного эгоизма», коллективного спасения «в любви» и «труде» по пути растущего одухотворения материи и человечества и проч.), — чем просто познакомить нас с основами всех этих теорий и учений, данных в каббале.

Зная основы этого учения, мы могли бы лучше понять наше время и себя. Ведь эти идеи Торы — растущего коллективизма, через сознательный труд влекущего нас по пути прогресса — могут быть изложены и в виде «чисто русской идеи труда и общины», а «спасение через коллективный труд» попадает в наше сознание, уже подготовленное предшествующей коммунистической пропагандой к такому восприятию, как «русская идея».

Если добавить, как это и делается, несколько патетических фраз о величии русского народа и его вселенской роли, если еще ругнуть масонов и евреев, то все оккультно-каббалистические идеи будут проглочены без заминки. Надо заметить, что особенно благостно влияет на нас слово «труд». Кто не помнит вчерашнее: «Слава Труду!» Мало кто задумывался, что имелось в виду под этим словом. Конечно, общественно полезный труд — дело почетное. Но труд труду рознь. Один абсолютно благословен, а другой имеет демоническое происхождение. Труд по созданию Вавилонской башни, этого прообраза того символического храма Соломона, который создают масоны — этот труд, как ни велик он, как ни блестящи умы, им занимающиеся, не может быть благословенным. И это тот же труд, что затрачивается на «исправление Творения» для приближения дней Машиаха. И эта Вавилонская башня, этот «храм Соломона» еще называется цивилизацией. И труд, затрачиваемый на возведение языческого капища — тоже труд. В одном обряднике приема в ученики мастер масонской логи говорит: «все инструменты логи знаменуют святость труда». Дело масона, говорится в другом масонском сочинении, это

«Страдание, Труд и работа» («Духовный рыцарь» И.В.Лопухина, 1791 г.). И это «Работа в нравственности». В руках Великого Мастера в ложе находится молоток. Массон называется «работником». Он трудится над исправлением как своей натуры, так и натуры вообще. Он готовит мир к восприятию святости. То, что именно «народ Израиля подготавливает времена к восприятию святости» (А.Штайнзальц. Роза о тринадцати лепестках. М.-Иерусалим. 1990 г., с. 105), в данном случае не важно. Хотя сама эта аксиома иудаизма, созданная отнюдь не фантазиями «гнусных черносотенцев» и не бреднями «русских фашистов», существенна. В ней основа самого принципа еврейского национализма, обоснованного религией нации.

Мастер в масонской ложе, как Адонирам, легендарный строитель храма Соломона, распределяет работы среди «рабочих», членов своей ложи. На одной масонской печати для пятой степени (то есть шотландских мастеров, которую имели у нас и Новиков, и Пестель), изображены две колонны в виде Андреевского креста, четыре короны, из которых две сбиты, а две нижние падают, и все это окружено девизом на латыни: «нужно возлагать надежду на постоянный труд» (Семевский В.И. Декабристы-массоны. Минувшие годы. 1908 г., №№5-6. с. 414). В масонской литературе обыгрывается и само слово «мистерия»: в зависимости от написания его через «и» или «игрек» оно на английском языке приобретает значение или «работы», или «тайнства» (см. «Массонство в его прошлом и настоящем», т.1, с.50). В современном масонском документе, относящемся уже к нашим дням, говорится, что масонство — «это символический союз труда». (Ганс Германн Хеманн. Главный мастер великой ложи А.В. и А.М.). Тема «Труда», совершенствующего мир, отчетливо выражена и на личной печати Петра I, и на барельефе Петр Великий — каменщик (см. с. 144. 146).

В одном из немецких документов слово «работа» трактуется в следующем виде:

«Ложа должна в первую очередь заниматься работами по внутреннему воспитанию своих членов, чтобы их, также как апостолов, посылать в мир, распространять франк-массонские идеи. Не каждый, конечно, может это делать в равной степени, но отдельные личности должны нести дух розенкрейцерства в общество и повсюду — в семью, в церковный приход, государство и различные религиозные союзы... Принадлежность к франк-массонскому союзу заставляет его играть эту роль... *Жизненное право франк-массонства состоит в совместной и постоянной работе — культурном строительстве*» (ЦХИДК, б. Особый Архив. ф.1412, оп. 1, д. 8674, л.534). Здесь же говорится с гордостью о том, что идеи франкмассонства уже господствуют в мире и выражаются в музыке, философии, живописи, литературе. «Эти идеалы франкмассонства господствуют в классике, — у Лессинга, Гердера, Гете и у других великих мыслителей мировой культуры». Далее автор подробно

разбирает масонский смысл «Волшебной флейты» Моцарта. А в следующем докладе в той же ложе «Комениус и богемские братья» (1926 г.) говорится о великом значении для немецкого народа «великих массонов Фихте и Канта» (л.507). Массон, каменщик — работник трудового коллектива, созидаящий храм единого Человечества, «храм Соломона».

И там же, в том же деле, в другом докладе, посвященном 100-летию со дня смерти королевы Прусской Луизы, говорится:

«Справедливо указывают на франк-массонство, как на важнейшее и обширнейшее требование работ по созиданию человечества, то есть сознательное содействие каждому успеху человечества».

Со всем сказанным нелишне будет сопоставить мнение Луначарского о «труде» и «работе». Массонская мифология и масонский поэтический ряд Луначарским с большим знанием дела вплетены в апологию социализма и марксизма. Но это не тот социализм, который мы знаем. Ведь то, что у нас называлось социализмом, было его лишь первой, разрушительной стадией: 75 лет в сущности разрушали царскую Россию и народное сознание, созданное царизмом. Все 75 лет иудаизм продолжал вести борьбу с Самодержавной Русью. Эта разрушительная стадия была предусмотрена и Ткачевым.

Речь пойдет о работе Луначарского «Социализм и религия» (2 тома, СПб. 1908 г.).

Уже на первых страницах он говорит «о связи научного социализма с заветными чаяниями человечества, выраженными в религиозных мифах и догмах... о центральном месте труда в новом мирозерцании» (т.1, с.7). Луначарский называет «научный социализм» «новой религией». В то же время это и «научное пролетарское мирозерцание» (с. 10). Понятно, что под словом «пролетариат» не имеется собственно рабочий у станка на заводе. Как слово «массон» не означает буквально рабочего-каменщика и имеет в виду чисто символическое значение, так и «пролетариат» в этих текстах о «научном социализме». Что это так, а не иначе, говорит и сам Ленин: у рабочего нет своей теории, кроме «экономизма», т.е. желания побольше получить и побольше положить в брюхо. Теорию рабочему классу дает, пишет Ленин, только интеллигенция. Луначарский же далее ссылается на авторитетное мнение Иосифа Дицгена и цитирует его брошюру «Религия социал-демократии» (Изд. «Работник», СПб. 1906 г., с.6):

«Дорогие сограждане! В идеях социал-демократии содержится новая религия (...). Культурное человеческое общество — вот высшее существо, в которое мы веруем, наши надежды возлагаются на социал-демократический строй. Только этот строй реализует любовь...»

Если не знать, что имеется в виду в иудаизме под этим словом «любовь», то понять этот текст просто нет возможности. Как можно нормальному человеку,

воспитанному в здравых понятиях христовой веры. догадаться, каким образом «строй» реализует «любовь»? Но именно социализм, а не человеческое сердце, и источает из себя «любовь» в виде филантропических учреждений и «социальных программ», приближая эпоху Машиаха. В философии хасидизма (хабада) говорится, что благотворительность (цедака — евр.) — это есть «общее усилие» («общее дело»), и оно способствует одухотворению природы и общества и «ускоряет наступление мессианской эры». (Ниссан Мендель. Философия хабада. Вильнюс, 1990, с. 121). В этой «любви» мы имеем еще одну форму «труда», призванного спасти человечество и ввести его в царство Астрей: распределение материальной помощи престарелым и бедным. Согласно Торе, каждое доброе дело откладывается где-то на небесах как счет в банке. По достижении нужной суммы добрых дел можно будет приобрести «золотой век», царство вечного счастья.

Надо заметить, что помощь нуждающимся всегда практиковалась христианами. При церквях, в монастырях устраивались богадельни, больницы, мастерские и школы. Но конечный смысл такой благотворительности в государствах христианских в корне отличался от социальной помощи в странах демократических, или, вернее, социал-демократических. Механическое распределение продуктов среди бедных, предпринимаемое для того, чтобы избежать социальной нестабильности, — вряд ли это можно назвать делом любви. Если привести еще один текст из сочинения Луначарского, то и вовсе невозможно будет провести грань между масонством и социализмом, как и демократией, потому что в своей сущности это одно и то же:

«Боги демократии отрицают старину, они апеллируют к чувству окрепшего человека — работника, поэтому они всегда являются шагом вперед в смысле духовной чистоты божества, свободы от обрядов и догматов, ставших бессмысленными» (т. I. с. 75).

Для русского человека важно все это иметь в виду, поскольку на него вешают самых разных собак, от «русского большевизма» до «русского фашизма». А справа и слева осаждают его патриоты-коммунисты, ненавидящие сионистов, так как те, по их мнению, извратили чистое учение Карла Маркса и Фридриха Энгельса. С другой стороны — загадочные и невежественные в своем фанатизме сталинисты точно так же разыгрывают из себя не менее загадочных патриотов, «борющихся» с «масонством» и мировым «жидовским заговором». Для тех и других история России началась в 1917-м. Но и для их предполагаемых противников, «сионистов», она началась тогда же. До этого был мрак невежества, царствовал кнут и звенели кандалы ссыльных борцов за свободу. И был «утренний свет» — Пушкин, и его эманации — Гоголь, Толстой и Достоевский... апологеты «гуманизма».

В то время, дореволюционное, надо заметить ради исторической правды,

весь еврейский народ чувствовал себя в кандалах, так как был отрешен от возможности управлять всей Россией и устраивать в Кремле праздник хануки. И только благодатные времена Ленина, Сталина и последующих генсеков дали ему возможность почувствовать себя свободным и причастным к делу «исправления» народов России по закону Торы, то марксизмом, то американизмом⁷...

Поскольку истина конкретна, то всегда полезно обратиться к историческому материалу. Чтобы увидеть смысл происходящего и вокруг нас, и в нас самих, надо отойти вглубь времен.

Хронологически мы закончили первую часть рассмотрением деятельности кружка розенкрейцеров при Московском университете во времена Екатерины II. Сколько бы человек ни жил, хоть сто лет и больше, его организм будет следовать программе роста, зрелости и увядания, заложенной в его наследственном аппарате — хромосомах. Там вся его красота и радость, бородавки и болезни. Говоря аллегорически, хромосомы нынешней России были заложены в ее организм именно тогда.

Понятно, любая хронология в таких вопросах — вещь условная. Но в данном случае условность эта не слишком велика. Весь круг идей, литературы, учений и теорий, изменивших судьбу России, был создан как раз в замечательное по-своему двадцатилетие деятельности новиковского кружка (с 1770-х). Это круг литературы художественной, исторической, философски-мистической и политической, с идеями демократии и классовой борьбы бедных с богатыми. И этот мистицизм каббалы тесно сплелся с идеями мирового переустройства, теократии на основах «естественной религии», заимствованной по преимуществу из Якова Беме, средневекового философа-каббалиста. Проницательный сардинский посланник времен Александра I Жозеф де Местр увидел трагическую для судьбы России особенность в том, что она основывала свое образование на началах изначально гнилых, шатких и смутных. Это были как раз те самые начала «просветительские», что ввели саму Францию в революционную смуту и привели к падению национальной монархии.

И именно оттуда эта литература широким потоком, при поощрении Екатерины II, ринулась в Россию. Во Франции эта литература была вызвана к жизни широким воздействием на общественное сознание масонских лож, покрывших ее густой сетью. Плоды этого просвещения известны. Жозеф де Местр замечает, что Россия начала «просвещение» с того, чем другие страны кончали — с развращения умов и нравов.

Все это вещи достаточно известные. Здесь лишь можно подвести некоторый

⁷ См в части IV «Историю Ордена Бная Брит».

итоги в связи с последующими событиями. Все три составные части марксизма: французский материализм, английский экономизм и немецкая философия. — пришли безо всяких криминалов и подпольной деятельности в Россию, и вольготно расположились в наших университетах и на книжных прилавках. Как тут было не появиться затем и самому марксизму? Он и появился, как логическое следствие просветительской и педагогической деятельности царского правительства. По совести говоря, за что тут винить молодое поколение нигилистов и интеллигентов, когда его, это поколение, создавали по учебным программам министерств и отдали в плен еврейской печати.

Нельзя не заметить в этой связи, что у нас существует какое-то странное и почему-то незамечаемое противоречие в оценке самодержавия и интеллигенции. По одному взгляду: было хорошее самодержавие и была плохая интеллигенция. По другому — наоборот. Но и то, и другое воззрение не выдерживает, как кажется, критики. Ведь именно хорошее самодержавие породило плохую интеллигенцию. Но и другой взгляд ничем не лучше: каким-то образом деспотическое самодержавие, угнетавшее свободную мысль, породило хорошую интеллигенцию в своих гимназиях и университетах

Такие внутренние противоречивые выводы присущи были уже Герцену и его сторонникам. Так эта антиномия перешла и в советскую антимонию и легла в наши головы без особой внутренней критики. Между тем, мысль о том, что каково дерево — таковы и плоды, никто не может уличить в нелогичности. Видимо, дело в том, насколько наши Самодержцы оставались верны принципам православного царства. И тогда возникает вопрос:

насколько наше Самодержавие было действительно самодержавным и православным, насколько Самодержцы отвечали своему предназначению?⁸

Во Франции просветительская литература ликвидировала патриотизм, привела к идеям космополитизма и социального переустройства мира. О ее враждебности Церкви не приходится и говорить. В России она породила те же явления: один-в-один. С конца XVIII и начала XIX века появляются целые поколения молодых людей, имеющих в карманах собственные проекты по переустройству мира. И уж, конечно, России в первую очередь. Кто-то из известных лиц того времени, едва ли не адмирал Шишков, сказал, что кончившие наши университеты юноши уверены, что, по крайней мере, две вещи они могут сделать хорошо: преобразовать государственное устройство и реформировать церковь. Конечно, юноши здесь не виноваты. Скорее наоборот

⁸ Вина за падение Русского Государства лежит на государственной власти в первую очередь. Здесь автор согласен с подобным же мнением М.В. Зызыкина (Зызыкин М.В. Патриарх Никон. Варшава, 1931 г., кн. 1, с.324), как и с мнением: «Правительства, совершившие апостасию... идут к разрушению» (там же, с 326).

— несчастны. Так их воспитали в государственных учебных заведениях немецкие и наши профессора, сами воспитанные на началах каббалистической немецкой философии, взявшей на себя груд популяризации иудейских начал и идеалов, которые все построены на страстном желании переделать, реформировать, революционизировать и на развалинах старого мира обязательно построить нечто солнечное и радостное.

Если при этом добавить сюда и проповедываемый в начале XIX века во весь глас европейского просвещения мистический романтизм с его культом героя-титана и идеалом светлого будущего, в котором будет жить совершенное, ангелоподобное человечество, то тогда и тем более придется только пожалеть это молодое поколение, воспитанное на началах раввинистической философии с ее вечным зовом в «золотой век».

Отсюда и рождались преобразователи, нигилисты, революционеры и террористы, изготовляемые поточным методом в школах Императорской России. Сколько об этом писали наши лучшие публицисты тех далеких времен — не счесть. Да все без малейшего толка. Кто же правил Россией? — спросим мы еще раз.

Наши «просветители»-розенкрейцеры занимались и алхимией, и политикой, и мечтали о вечном счастье в казарменном государстве, где все будет существовать по геометрическим законам. На первый взгляд связь между алхимией и мечтами о совершенном обществе, алхимией и революцией, непонятна. Принципы алхимии делают эту связь очевидной.

Для алхимика все металлы есть несозревшее, болезненное золото. Все они делятся по степени их приближенности к золоту. Само многообразие металлов есть просто следствие плохих условий, при которых вызревало золото. Вылечить железо или медь, — это значит довести этап их созревания до золота. В каждом металле скрыто одно начало — совершенство, которое складывает природные стихии в золото. Алхимик лечит металл, помогая осуществиться заложенному в него началу. Для того, чтобы возродить в металле золотое начало, его надо разрушить, распустить складывающие его стихии, оживить его суть, архетип, квинтэссенцию, а затем снова оживить и дать вызреть, возродить его уже в совершенном виде. Алхимик улучшает, исправляет природу, он ее лечит. Для этого он проникает в тайны натуры, исследует ее свойства и помогает излечить природу в целом. Здесь алхимия с ее натурфилософией и теософией стимулирует развитие естественных наук.

Точно так же алхимик, становясь просветителем, осуществляет те же принципы: занимается «излечением» человеческого общества, освобождая его от порчи, от социальных болезней, мешающих обществу развиваться в сторону совершенства, света, добра и красоты. Это фундаментальный принцип иудаизма — «исправлять» вселенную. Но чтобы возродить — надо разрушить

старое. Тогда возрастет новое. Поэтому символом «возрождения» в масонстве является гроб. Туда ложится мертвый и встает он же, но «возрожденный». В пример приводится зерно, упавшее в землю. Чтобы прорасти, ему нужно сбросить с себя старую оболочку. Та же мысль: разрушить, чтобы создать. — проводится настойчиво в каббале. Там центральное место имеет учение о клипоте, — скорлупе, шелухе, от которой возрождающемуся духу надо освободиться. Под этими понятиями имеется в виду и «обветшалость» общественных форм жизни, и «национальные предрассудки», и религиозные устои других народов. Отсюда — «весь мир насилия мы разрушим».

Идеи алхимии были революционны в своем практическом значении. Согласно учению Торы, совершенствовать и приводить к всеединству предполагалось не только человеческое общество, но всю вселенную. Магически алхимик, оккультист, каббалист, воздействуют в этих целях на высшие миры.

Революционер, масон, иудей, интеллигент, демократ, — все они творят «тикун» (исправление — евр.), совершенствуют общество и вселенную, зарабатывают, говоря словами каббалы, будущий мир своими руками, своим умом и трудом. В результате такого тикунa исчезает все яркое и самобытное.

Лучшим выражением этих демонических претензий — свести насильно, магически, благодать Божию на землю — служат слова, приписываемые известному Мичурину: «Мы не будем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача». Эти слова передают самую суть иудаизма и масонства. Все изложения их основ начинаются с объяснения необходимости самим покорить природные силы, заставить их работать на себя. Будем как боги! — лозунг и иудаизма, и социал-демократии, как всемирной религии, религии ума. труда, коллектива и их плодов — культуры, то есть того проявления высшей интеллигенции, мирового разума, в котором он сам наконец-то осознает себя. из бессознательного становится сознающим. Человеческий коллектив «избранных», «малого народа», по выражению И.В.Лопухина, есть становящийся бог. Вот, собственно, в этом и заключаются религиозные основы этой культуры.

Итак, масонство способно формировать общественное сознание. И потому оно не столько вне нас, сколько внутри. Его идеология выражает себя через несколько общих понятий, смысл которых становится ясен лишь в системе определенного религиозно-оккультного учения.

В системе пантеизма, каковым является и каббала, и построенная на ней вся герметическая философия масонства, все имеет внутреннюю взаимосвязь. Сам Шеллинг назвал философов «философствующими каббалистами».

Философия европейская есть богословие пантеизма. А представление о «прогессе», вечном улучшении общества и человека, о золотом веке и вечной

Субботе (вечного отдыха) есть представление, враждебное христианству.

Все сказанное выше можно считать комментарием к следующей части очерка, посвященного позднему масонству, то есть того периода, когда оно было запрещено (с 1826 по конец XIX века).

Кроме того, поскольку мы переживаем то состояние общества, когда от опеки «партии» мы перешли к опеке масонской, то представляется небезынтересным посмотреть, как действовало масонство не только в учебной и издательской деятельности, но и в отношении Церкви, которую оно, конечно, не могло оставить без внимания. Приходится признать, что те же явления мы видим и сегодня. Фальсификация в этом случае является едва ли не главным оружием ордена, поскольку он объявляет себя «внутренней церковью» и видит свое призвание в совершенствовании мира и человечества, имея в виду идею коллективного спасения через рост культуры и приведения людей и природы к точке всеединства, когда все сольется в одно целое с Абсолютным Разумом. Против учения Христа выдвигается мирской гуманизм.

Глава третья ПОЗДНЕЕ МАСОНСТВО

Университет и Московская Духовная академия

В России XIX в. все эти идеи продолжали блестяще осуществляться, и в авангарде шел все тот же Московский университет. Здесь еще со времен Павла I набирал силу университетский благородный пансион. Его возглавляли соратники Новикова, среди которых главную скрипку играл Иван Петрович Тургенев. Во главе же пансиона стоял ученик Дружеского ученого общества розенкрейцеров А.А.Прокопович-Антонский, человек добрый и стеснительный, и, конечно, человеколюбивый. Из этого пансиона вышла целая плеяда будущих поэтов, писателей, государственных деятелей и просто чиновников либеральных взглядов. Из наиболее видных можно назвать В.А.Жуковского, который находился под опекой самого И.П.Тургенева. Его творчество находилось под исключительным влиянием романтического мистицизма, характеризовавшего тогдашнее масонство и породившего само течение романтизма в Европе.

Московский Университетский благородный пансион был, собственно говоря, создан бывшими членами Дружеского ученого общества. московскими розенкрейцерами. Ими здесь было учреждено литературное общество, первым

председателем которого стал В.А.Жуковский, а на заседания приглашались Карамзин, Дмитриев, Нелединский-Мелецкий и др. Московский благородный пансион, творение московских розенкрейцеров, дал русской литературе Жуковского, кн. Шаховского, Жихарева, кн. Одоевского, Баратынского, Грибоедова, Воейкова, Вельтмана, Калайдовича, Шевырева и др. Многие из воспитанников пансиона достигли высокого положения, как, например, кн.Д. В.Дашков⁹, А.С.Норов¹⁰, А.И.Тургенев, генерал Инзов (покровитель Пушкина).

Иван Петрович Тургенев оказывал большую помощь и Карамзину, а позже и другим молодым литераторам. Но главное заключалось в создании атмосферы, благоприятствующей развитию литературной деятельности в первопрестольной. (см. Сушков Н.В. Московский Университетский благородный пансион М.1858). Надо ли говорить, что созданный масонами-просветителями университетский пансион воспитывал юную дворянскую поросль по своим образцам и практически все его выпускники становились членами лож.

Ко всему сказанному выше о Московском университете можно было бы добавить еще одну существенную и характерную деталь: по всему фасаду здания университета на Моховой можно видеть многочисленные шестиугольные звезды — «звезды Давида», в виде наложенных друг на друга треугольников — классический символ каббалистики. О других масонских символах, украшающих фасад этого старинного здания можно и не говорить, так эти символы характерны для всех эпох того времени и для того архитектурного стиля, что получил название классицизма. и был полностью иницирован идеологией масонства. Ведь в основе этого архитектурного стиля лежит идея космополитизма и оккультно-языческая символика, идеология всемирной республики и всемирной религии пантеизма.

Были и другие очаги масонских идей. Например, Царскосельский лицей, созданный исключительно для луфтонов (см. Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб. 1909 и его же в журнале «Минувшие годы», 1908. №№ 2, 5-6, работу «Декабристы-масоны»), то есть детей масонов не ниже градуса шотландского мастера. Они считались как бы детьми ордена. Для вступления их в масонство не требовался обряд приема в полном объеме. Сказанное относится и к А. С. Пушкину.

Царскосельский лицей и был призван сформировать, наряду с другими учебными заведениями, высшими и привилегированными, корпус чиновников

высшего и среднего разрядов из числа лиц, преданных идеям масонства и идеям его «братства». Отсюда этот лицейский культ «дружбы», воспетый Пушкиным. Именно о вольных каменщиках пишет А.С.Пушкин: «людей священные друзья». Это они — та «бессмертная семья», которая «неотразимыми лучами» когда-нибудь нас озарит и мир блаженством одарит» (см. Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л.. 1983 г., с. 184). Эта «бессмертная» семья поставила поэту надгробный памятник по всем правилам масонской символики. И есть за что...

О том внимании, которое уделяло масонство Лицею говорит тот факт, что в 1819 году ложа Астрея обратилась с циркуляром ко всем ложам ее союза с предложением учредить масонские стипендии в Царскосельском лицее. То, что предложение было принято, видно из постановления симбирской ложи от 11 ноября 1819 года. когда братья подтвердили ежегодный взнос в 100 рублей на воспитание в лицее двух луфтонов (т.е. сыновей масонов), «от имени ложи Великой Астреи туда назначаемых». (Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов, с.351).

Царскосельский лицей остался подлинным рассадником масонства и либерализма в политической сфере, до самой революции семнадцатого года. Среди выпускников Лицея кроме А.С.Пушкина и кн. Горчакова вспоминаются писатель Салтыков-Щедрин, М.В.Буташевич-Петрашевский и премьер-министр граф Коковцев, наследовавший на этом посту погибшему Столыпину.

Такое же положение занимала и Нежинская гимназия высших наук кн. Безбородко, которую закончил Н. В. Гоголь и Нестор Кукольник. Здесь в их время процветало «братство Шапалинского». Факт членства самого Гоголя в масонской ложе не вызывает сомнений. Это видно из его причастности к «братству». Сам Шапалинский был директором гимназии и организатором этого «братства». Масонская ложа была учреждена преподавателями-масонами. В нее входили Ландражин, Шапалинский, Зингер, Орлай, Белоусов. Это выяснилось во время следствия по делу о вольнодумстве, произведенному чиновниками министерства народного просвещения. Сам Гоголь находился в самых тесных отношениях с этими преподавателями. На одном письме другу, старшекурснику Высоцкому, им был использован один из масонских символов скорбного земного существования — «черная квартира». Впрочем, на всем творчестве Н.В.Гоголя лежит печать характерного для масонской идеологии морализаторства, символичности, оно пропитано идеями «возрождения» и романтическим мистицизмом (см. Машинский С.М. Гоголь и дело о «вольнодумстве». М., 1959 г.; Павлинов С.А. Тайнопись Гоголя. М., 1996 г.).

В последующие годы такой же славой закрытого «братства» пользовалось и училище правоведения в Петербурге. Окончившие эти заведения в разные годы, не будучи даже знакомыми, поддерживали друг друга, помогали делать

⁹ Дашков Дмитрий Васильевич (1788-1839) — (1832-1839), член Государственного Совета, председатель Департамента законов Государственного Совета и Главноуправляющий II отделением «Собственной Е. И. В. канцелярии».

¹⁰ Норов Абрам Сергеевич (1795-1869) — министр народного просвещения (1854-1858), писатель. 22 Зак. 114

карьеру однокашникам.

В 1826 году все государственные служащие должны были дать вторичную подписку о том, что они не состоят в масонских ложах. Первый указ Александра I от первого августа 1822 года. оказался не эффективным. Николай I по завершении следствия над заговорщиками, снова потребовал подписку, с указанием, где в каких ложах ранее состоял подписавшийся. Высочайшим рескриптом министру внутренних дел В.С.Ланскому было повелено взять эти подписки по всему государству.

По Московскому университету такие подписки дали:

А.А.Прокопович-Антонский (ложа «Гермеса»), Христиан Ив. Лодер (ложа «К Амалии» в Веймаре и ложа «Александра Тройственного Благословения»), ст. советник М.Я.Мудров (ложа «Трех Глобусов» в Берлине в 1802 г, ложа «Кавалеров Креста» в Париже с 1805 г., ложа «Московского Востока» с 1820 г.), Матвей Гаврилов (ложа «Озирис» в 1780 г., ложа «Александра...»), Федор Рейс (ложа «Александра...»), ординарный профессор, кавалер, кол. советник Ив.Ив.Давыдов (ложа «Избранного Михаила» в СПб. с 1820 г.), Мих. Малов (ложа «Александра...»), Федор Кистер (та же ложа), адъюнкты Иван Веселовский (ложа «Ищущих Манны») и Александр Эвениус (ложа «Петра к Истине» в СПб. с 1819 г.), и так далее. Здесь, в перечне давших подписки, и работники Университетской типографии. Что касается известного врача, профессора медицинского факультета Мудрова, то он не назвал тайных лож, членом которых был. Надо заметить, что, по свидетельству графа М.В.Толстого, именно масонские связи и женитьба на дочери профессора университета Х.А.Чеботарева, розенкрейцера, открыла ему двери в лучшие московские дома. Сам Мудров пишет, что вступил в ложу в немецком университете. Внутренние браки способствовали превращению масонства в «малый народ».

Другим направлением масонского просветительства было внедрение масонов в систему воспитания духовенства и привлечение его в ложи¹¹.

Для высших степеней, уже со степени теоретического градуса Соломоновых наук. к которым поначалу принадлежали и наши московские розенкрейцеры, пока не поднялись до более высоких, для определенных

¹¹ Тема масонства среди духовенства имеет особое значение сегодня в связи с темой обновленчества, экуменизма и внехристианского гуманизма, все более отчетливо звучащая как в околоцерковной среде, так и в среде некоторой части православного духовенства. Корни обновленчества и показывает нам эта тема в ее исторической ретроспективе. Оно, обновленчество, имеет на самом деле масонско-розенкрейцерские корни, и об этом в свое время написал граф Граббе, будущий епископ Григорий, в своей работе «Корни церковной смуты» (Белград, 1927 г., была опубликована в «Вече», №38.) В этом ракурсе имеет смысл рассматривать эту тему — масонство в среде духовенства.

ритуалов требовалось присутствие священника¹².

Существовали также и так называемые клерикальные степени, высокие. также требовавшие присутствие священника при некоторых обрядах. Новиков сам лично проводил обряд причащения у себя в имении. для чего также употреблял священника своей церкви в Авдотьино, который приносил ему святые Дары. Ведь многие ритуалы в масонстве кощунственно повторяют церковные обряды и правила, в том числе и покаяние публичное, благословение, проповедь, св. причастие, использование священнической одежды и т. д..

Уже Шварц, после открытия Педагогической семинарии для окончивших духовные училища и желавших обучаться в Московском университете, проводил отдельные лекции для будущих священников, в которых излагал события Священного Писания каббалистическим образом, символически, и вплетая в объяснения чисто масонские легенды, заимствованные из Талмуда и каббалы. Этот факт очень встревожил Екатерину II, опасавшуюся, что семинаристы, вступившие в масонские ложи, могут стать затем архиереями. Через кн. Прозоровского, проводившего по Ее указанию следствие в Москве, она постаралась узнать что-либо по этому вопросу. Кн. Прозоровский запросил по этому делу архиепископа Платона: не вовлекали ли семинаристов в розенкрейцерском сообществе в масонские ложи? Архиепископ Московский дал отрицательный ответ. Он сказал, что сам спрашивал учеников Педагогической семинарии. и те ответили, что их в масонство не вовлекали. В данном случае или владыка Платон был наивен, или не хотел говорить правду. Потому что по крайней мере двое учеников Дружеского Ученого Общества вступили в масонство и стали впоследствии митрополитами (Михаил Десницкий и Серафим Глаголев). Архиепископа Платона, за его благожелательное отношение к мартинистам и близкие отношения с И.В.Лопухиным подозревали в причастности к «обществу». Впрочем, уже на мистический журнал «Утренний Свет» (1778-1780) Новикова, популяризовавший идеи масонства и каббалистики, подписалось 12 архиереев. На эти новиковские журналы в общем числе подписчиков духовных лиц и учреждения стояли на первом месте. Но и воспитанники духовных училищ, в свою очередь, направлялись в Педагогическую семинарию Дружеского Общества розенкрейцеров по совету и выбору архиереев епархиальных и особенно архиепископа (а потом и митрополита) Московского Платона (Мальшинский А.П. Наша печать. — «Исторический Вестник». 1887 г., т.28).

По данному сюжету характерно свидетельство историка Москвы

¹² Характерный сюжет на эту тему содержался в допросе Новикова Шешковским. См. также Соколовская Т.О. «Русское масонство».

М.И.Пыляева: «Новиков обладал огромными талантами, образованием и благороднейшим характером; он был главою кружка московских масонов, лучшие люди его времени, как, например, граф Чернышев, Лопухин, Репнин, Тургенев, митрополит Платон, Михаил (Десницкий), и Серафим (Глаголевский) считали его своим другом». (Пыляев М.И. Старая Москва М.1990, с.76).

Действительно, преосвященный Платон всячески содействовал всем предприятиям московских розенкрейцеров на общественном поприще. Он благословил и само открытие Дружеского ученого общества, Педагогической и Переводческой семинарий. Только благодаря ему в педагогической семинарии могли обучаться у московских мартинстов, розенкрейцеров, будущие священники, выпускники духовных училищ.

В результате, в Москве ко временам царствования Николая I уже вполне вызрело «мистическое христианство», вернее мистико-каббалистическое, сосредоточенное в нескольких церковных приходах, где священники были масонами, розенкрейцерами (см. ниже).

При Александре I масонство стало почти государственной организацией. Сам Государь покровительствовал масонам и по своим взглядам был большим республиканцем, чем радикальные либералы Западной Европы. Влиятельным лицом в области религиозной масонской мистики становится А.Ф.Лабзин, ученик новиковского кружка. Он издавал «Сионский Вестник» (1806, 1817-1820 гг.) и «под видом св. Писания делал свои толкования произвольно на оное, яко же от беса способно был принимать», — пишет современник, архимандрит Фотий. В эти времена и обер-прокурором св. Синода становится масон-мистик кн. А.Н.Голицын, который окружает себя «братьями». Сам св. Синод становится всего лишь отделом министерства духовных дел и народного просвещения. Духовными делами в это время ведает Александр Иванович Тургенев, сын известного уже нам сподвижника Новикова, из всего вольнолюбия и либеральной терпимости усвоивший разве что неприязнь к Церкви.

Основанное в 1814 году Библейское общество стало первым утвержденным властью Православного Государя экуменическим обществом, где рядом с деистом, атеистом, масоном-мистиком, сидели английские квакеры и методисты, католические патеры и пасторы лютеранские, а между ними православные архиереи: митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий, архиепископ Минский и литовский Серафим (ученик московских розенкрейцеров, впоследствии митрополит Санкт-петербургский), духовник Императрицы о. Александр Криницкий, ректор Петербургской Духовной Академии Филарет, впоследствии знаменитый Митрополит Московский, ставший затем поборником Православия и сильно почитаемый москвичами,

ныне канонизированный Русской Православной Церковью. В то время, впрочем, он находился под влиянием кн. А.Н.Голицына и некоторых других мистиков, в первую очередь Лабзина. в ложе которого «Умиравший Сфинкс» он тогда состоял (См. прим. на с. 282). Здесь же в Библейском обществе. видим и министра народного просвещения гр. А.К.Разумовского, министра внутренних дел Козодавлева, обер-прокурора св. Синода кн. Мещерского, будущего министра народного просвещения и члена ложи «Полярная Звезда» знаменитого С.С.Уварова, графа К.А.Ливена, упоминаемого в записках Мотовилова (см. Нилус Сергей. Великое в малом. М.. 1992 г., с.120), А.И.Тургенева, видного розенкрейцера З.А.Карнеева, А.А. Ленивцева, Р.А.Кошелева. А рядом с ними агенты Британского Библейского общества Патерсон, Пинкертон, пастор англиканской церкви Питт, пастор гернгутер Шейерль и проч., и проч. (Пыпин А.Н. Библейское общество. «Вестник Европы». 1868 г., №№ 8,9). Идея внецерковного «христианства» выражена и в идее Священного Союза — объединении «христианских наций», этого прообраза Соединенных Штатов Европы.

По свидетельству осведомленного архимандрита Фотия, «многие в Лабзине и его последователях искали обрести Бога и святость Его, как бы того не было нигде, кроме его. Сему идолу кланялось начальство Санкт-Петербургской Духовной Академии, и Синод его чтит. Некоторые в общество его вступили и принимали духа нечистого, даже духовные, а некоторые письменно себя причисляли, из каковых был сам ректор Академии Филарет». (Из записок Юрьевского архимандрита Фотия о скопцах, хлыстах и других тайных сектах в Петербурге в 1819 году. «Русский Архив», 1873 г., кн. 2, ее. 1434...). В этом же «сонме бесовском», по выражению Фотия, был и Теофил, законоучитель Первого Кадетского Корпуса, иеромонах. Затем, по масонской линии, он был переведен кн. Голицыным в Одесский Ришельевский лицей, имел награды, сделался главным в правлении лицея, но после отставки Голицына звезда его быстро померкла.

В Морском Кадетском Корпусе был законоучителем архимандрит Иов. Он вошел в ложу Лабзина «Умиравший Сфинкс», но пробыл после этого в Корпусе недолго. Последовало умственное помешательство, — он разрезал икону Божией матери, бывшую на холсте, и натворил безобразие в алтаре. После этого пытался выброситься из окна. Был лишен монашества и священства. Этот Иов не только состоял в ложе, но и был членом «корабля» в хлыстовской секте Татариновой, располагавшейся в самом Мраморном дворце, где бывал и кн. Голицын, и Сам православный Государь Александр I, «хранитель святых догматов и всяческого в Церкви святой благочиния».

В ложе состоял и законоучитель Академии Художеств о. Сперанский, и пастор Второго Кадетского Корпуса Эвенгоф. Надо сказать, что, вице-президентом этой Академии был А.Ф.Лабзин. Следует заметить, что имена

многих архиереев в масонстве остались неизвестными, так как, по свидетельству М.-Л. Магницкого, «некоторые из важных лиц здесь не именуются, потому что были в связи с Лабзиным не формально, ибо он освобождал их от приемов и посещений обрядовых собраний». («Русская Старина», 1899 г., т. 2, с. 300).

Обращает на себя внимание, что в нескольких учебных заведениях законоучителя были в «братстве». Учившийся в Морском Корпусе декабрист Завалишин, свидетельствуя о причастности к масонству Иова, утверждал даже, что по тайному влиянию масонов старались в то время преподавателями закона Божия в учебные заведения назначать людей, причастных к ордену вольных каменщиков. Завалишин сообщает, что была найдена исповедь Иова, «обличавшая страшные душевные муки человека, колеблющегося между верой и сомнением, и содержащая признание в участии в масонстве». (Семевский В.И. Минувшие годы. 1908 г., № 2, с. 131 и след.). Этот рассказ Завалишина подтверждается косвенно и рассказом архимандрита Фотия, который не только хорошо знал Иова, но и исповедовался у него. Приписывая сумасшествие Иова пребыванию в ложе Лабзина, он говорит, что сам Иов ему лично каялся в своем масонстве...

В 1808 году Московская Духовная Академия получила учебную программу, разработанную под руководством М.М.Сперанского. Основанием была поставлена философия, по преимуществу немецкая. Академическая библиотека получила мистическую литературу как раз розенкрейцерского круга чтения. На Канте, Гегеле, Фихте, а больше на мистиках-каббалистах вроде излюбленного масонами Я. Беме, Баадера, Штиллинга, И.Масона, И.Ардта, профессора философии и богословия Духовной Академии пытались строить свои системы богословия. Эта картина влияния масонства видна и из работы Флоровского «Пути Русского Богословия». Из Московских розенкрейцеров позднего периода, уже сороковых-шестидесятых годов, прославился о. Семен Соколов (1772-1860). Он отличался внешним благочестием и переводил мистическую масонскую литературу, вроде Фомы Кемпийского, «не возбранял читать и Эккартсгаузена» (прот. Флоровский, «Пути Русского Богословия») и любил читать «Сионский Вестник», рупор самых откровенных антихристианских идей, этот «духовник строгий и назидательный», по словам Н.В. Сушкова.

В 1818 г. «Сионский Вестник» был закрыт, потому что вызвал возмущение духовенства и рядовых православных людей. Лабзинский журнал проповедовал, что христианство было и до воплощения Христа. Поскольку прот. Флоровский достаточно легко шагает по именам, не пытаясь хоть как-то приоткрыть нам, читателям, суть учений этих людей. то за краткостью полезно привести хоть одну цитату из «Сионского Вестника». В двух статьях о философии (1806, январь и июль) Лабзин пишет к Эккартсгаузену: «Обратясь к чтению Цицерона и других древних авторов, я увидел, сколь древние были

ближе к понятиям и истинам христианства, нежели мы, имеющие писанное Евангелие и называющие себя христианами».

Этой теме и Новиков посвящал немало статей. «Истинное христианство» мистиков-масонов находилось вне Христа евангельского. Это ведь Новиков и другие члены сообщества братьев злато-розового креста произносили в ложах: «О, Иегова, Великий Мастер!» И писали... об «истинном христианстве». Благочестивый о. Семен Соколов любил читать эту литературу и своим прихожанам ее рекомендовал. Так во времени тянулась эта цепочка розенкрейцерской науки, о которой прот. Флоровский говорит так нежно и ласково. Около о. С. Соколова собирался кружок мистиков-масонов.

Свои воспоминания об о. Семене Ивановиче Соколове оставил Н.В.Сушков и в них много удивительного и в то же время характерного для того времени. Сначала два слова о самом авторе воспоминаний. По своим родовым связям Николай Васильевич Сушков (1796-1871) принадлежал к масонскому кругу вельможной интеллигенции того времени. По матери он был племянником известного статс-секретаря Екатерины II А.В.Храповицкого, который, как и другие все ее секретари, был масоном. Он воспитывался в Московском благородном университетском пансионе, где главную роль играли московские розенкрейцеры. Директором пансиона, неустанно опекавшим воспитанников, был добрейший А.А.Прокопович-Антонский, о котором Сушков отзывался самыми горячими словами признательности и восхищения, (см. Сушков Н.В. Московский Университетский благородный пансион. М. 1858).

Необычным были сами обстоятельства встречи и знакомства Сушкова и О.Семена Ивановича Соколова. В 1828 году Сушков принял участие в дуэли, находясь на службе в Молдавии. Дуэль кончилась гибелью его соперника и Сушкова судили. Суд приговорил его к нескольким месяцам тюрьмы и эпитамии, церковному покаянию. Отсидев два месяца в Тираспольской тюрьме, Сушков для прохождения церковного покаяния выбрал Москву и осенью 1828 года, по прибытии в первопрестольную, пришел к святителю Филарету. После нескольких продолжительных бесед, из которых владыке стало ясно, что перед ним человек, совершенно незнакомый с церковным учением, Сушков был направлен митр. Филаретом для прохождения церковного покаяния в церковь Воскресения в Барашах, что на Покровке, к отцу Семену Ивановичу Соколову. И у них быстро установились доверительные отношения. И эти отношения, не только по церковной линии, но и по масонской продолжались до самой смерти о. Соколова в 1860 году.

«Семен Иванович, пишет Сушков, находился смолodu в приятных отношениях с членами и питомцами Дружеского общества, которое имело столь важное влияние на новорожденный в России Университет.» (Сушков Н.В. Записки о жизни времени святителя Филарета, митрополита

Московского. М. 1868, с. 11).

Ко времени их встречи о. С.Соколов был достаточно хорошо известен москвичам, как и своему духовному начальству. Он уже обратил своими трудами и способностями внимание на себя сначала архиеп. Августина, затем Серафима, и, наконец, он приобрел лестное доверие прозорливого преемника его Филарета. Круг обязанностей о. С.Соколова постоянно рос: то он нес должность депутата при следственных делах, то духовника духовных лиц, то руководителя подвергшихся отлучению от церкви (эпитимии);

наконец, члена конференции Московской Духовной Академии, члена попечительства о бедных духовного звания и так далее.

Поклонник масонской мистической литературы. «Сионского Вестника», Фомы Кемпийского и других авторов этого круга, он был известен москвичам именно как мистик и масон. Сушков по этому поводу пишет так:

«В Москве он известен был как духовник строгий и назидательный, как осторожный путеводитель смущаемых сомнениями и ропотом в дни скорби и искушений, как глубокомысленный и проникнутый духовностью мистик.» (ук. соч., с. 15).

Между тем, так как далеко не у всех москвичей было восторженное мнение о масонстве вообще и о мартинизме и мистицизме о. С.Соколова в частности, то Н.В.Сушков дает характерное пояснение читателям — что такое франкмасонство. По его мнению, москвичи много в этом вопросе путают и многого не понимают. Невежественная толпа путает иллюминатство и масонство. Нет ничего дурного на самом деле ни в мартинизме, ни в масонстве вообще, потому что «масонство — секта вовсе не политическая, а прямо религиозная, члены которой усиливались постичь таинства природы и верили в общение с ними душ и ангелов. (...) Чистое франкмасонство чуждо всякой политической деятельности. Основное правило франкмасонов: соблюдать братское дружество и совершенное равенство между собою членов масонских лож при взаимно пособии друг другу во всех случаях и обстоятельствах жизни.» (ук.соч., с. 16)

Приведя в пример «Нравственный катехизис истинных франкмасонов» И.Лопухина, Сушков, защищая репутацию о. Семена Соколова и прочих масонов, делает такой вывод: «Из него (т.е. этого «катехизиса» — В.О.) видно, что наши так называемые мистики составляли общество истинно верующих христиан, которые распространяли просвещение, утверждали добрые нравы и жертвовали своим достоянием на пользу ближнего.

В правила и убеждения их вошло все доброе, разумное и честное из учений Якова Беме, Сен-Мартена и Георга Фокса. то есть чистых масонов. мартинистов и квакеров, с тем только различием, что наши мистики, пиетисты,

восторженники, мечтатели — назовите их как угодно — не уклонялись от учения евангельского, не отвергали священных обрядов и св. таинств, не искажали философскими умозаключениями точного смысла св. Писания, уважали как Новый, так и Ветхий Завет и оставались до могилы верными сынами православной церкви.

Вот таким-то был мистиком и мартинистом Семен Иванович. Он радушно пошел мне навстречу, дружелюбно протянул руку и скоро сблизился со мною. Мы виделись часто.» (ук. соч., с. 17)

Как видно из этой апологетики франкмасонства, приведенной выше, беседы о. С.Соколова, розенкрейцера, с находящимся у него на покаянии в течении 2-х лет, Сушковым дали богатые плоды. При этом надо заметить, что почти на всем протяжении XIX века такая апологетика масонства была характерна для русской публицистики и исторической науки. Чем больше шло время от момента запрещения масонства (1822 и 1826 гг.). тем восторженнее были отзывы об этом братстве и о деятелях новиковского кружка розенкрейцеров. В этом вопросе, кстати, славянофилы наши ни в чем не уступали западникам-либералам.

Отец Семен Иванович Соколов сосредоточил около себя большой круг московских интеллигентов-масонов и был для времен 30-50-х годов тем же, чем был некогда О.А.Поздеев. В круге его адресатов Сергей Степанович Ланской и его супруга, Александр Иванович Муравьев, брат Муравьева-Карского и графа М.Н. Муравьева, наместника Литовского, семейство С.Н. и Н.А.Арсеньевых, в том числе баронесса Медем. Этих лиц «он назидал письмами», как это делал в свое время и Поздеев и как принято в масонстве у руководителя с подопечными.

Как образчик, Сушков приводит в пример некоторые темы бесед о. Соколова. По мнению последнего, христиане так и не уразумели «глаголы Божий», как и «Христово откровение — новые пророчества в Новом Завете». Не трудно догадаться, что если их не уразумели до сих пор христиане, а следовательно, вера их неистинна, то уразумели другие, не-христиане. Но об этом, пишет Сушков, о. Соколов беседовал в узком кругу единомышленников. Любопытно, что в результате такого «богословствования» Сушков пришел к мысли, что для спасения рода людского нужен был предатель — Иуда. Впрочем, в этом вопросе Семен Иванович его поправил: значит воля Божия приготовила Иуду и расположила его к предательству? Но это уже хула... Были и другие темы. Например, о двух волях Бога в отношении к человеку, о воле «центральной и периферической» — термины, характерные только для масонства.

Весь этот сюжет с Сушковым, его покаянием, назначением ему святителем Филаретом в качестве его духовника отца С.Соколова, настоятеля храма

Воскресения в Барахах, что на Покровке и характеристика Сушковым самого о. С.Соколова и попутно франкмасонства — крайне характерен для темы «масонство среди духовенства» в 30-60-е годы XIX века. Возникают и вопросы по данному сюжету. Москвичам было известно, что о. Соколов — масон, мартинист, мистик, волшебник, иллюминат. И несмотря на эту молву, о. Соколов, не просто масон, а розенкрейцер, имеет все возможности совращать беспрепятственно свою паству, вести антихристианскую агитацию и даже пользуется благоволением своего духовного начальства и московской администрации. Понятно, что этот священник был не одинок в своем масонстве. Оккультно-теософские каббалистические идеи властно вторгнулись в саму Духовную Академию, готовившую ученых священников, которые по принятии монашеского звания, затем, при определенных условиях, занимали нередко первенствующие места в церковной иерархии.

Влияние розенкрейцеров в Московской Духовной Академии, судя по всему, более не исчезало и исчезнуть уже не могло. Святоотеческая литература здесь становилась лишь источником новых мистических толкований в духе масонской идеи о «внутренней Церкви», то есть масонстве же.

Неученые батюшки отодвигаются в сторону, в дальние приходы. В руководство идут ученые монахи, прошедшие курс философии и мистически все толкующие, умеющие говорить по правилам западных риториков — цветисто, с аллегориями, яркими образными сравнениями, не способными, однако, тронуть душу, но завораживающие художественной силой своего слова.

Ярким представителем поздней когорты московских розенкрейцеров в Академии был проф. о. Федор Голубинский, а позднее и его сын Д.Ф.Голубинский. По свидетельству его ученика, графа М.В. Толстого, Ф.А. Голубинский держался системы Канта, но предпочитал ему Якобия, критика Канта. Нравился ему и каббалист Баадер. Следуя еврейскому философу Филону Александрийскому и другим иудейским мыслителям, он считал, что своим умом греческие философы не могли достичь до тех глубин мысли, которые ими были открыты. Значит, все основное в древнегреческой философии заимствовано у евреев. Нравилась православному священнику и ученому богослову Ф.А. Голубинскому и система Гегеля, которая, по свидетельствам самих ее многочисленных поклонников, готовила из них законченных атеистов или пантеистов с выходом в конечном счете на масонство (см. Чичерин Б.Н. «Воспоминания», с.40.). Профессор развивал ее на своих лекциях перед будущими священниками, многие из которых станут затем архиереями. Кроме того, о. Ф.А. Голубинский изучал «Талмуд и Каббалу, рассказы о ясновидящих». (Граф Толстой М.В., «Хранилище моей памяти». М., 1995 г., с. 125). Мемуарист осторожно замечает, что увлечение

мистиками, теоретиками масонства, привело его к «сближению с масонами, почитавшими Беме одним из лучших своих учителей». Однако учение самого Голубинского ближе подходит к Баадеру, — замечает гр. Толстой. Замечание тонкое, но малопонятное, так как Баадер был лишь слабой копией Беме. Оба были каббалистами. Сам Толстой, заканчивая Академию, получил от профессора Голубинского в подарок сочинение Фомы Кемпийского «О подражании Иисусу Христу», горячо почитаемое масонами. Деятельность о. Ф. Голубинского не была тайной для его начальства, а осуществлением принятого им направления.

Но дело обстояло еще более серьезно. О. Ф.А. Голубинский входил во внутренний орден — в розенкрейцерство, как затем и его сын, тоже ставший преподавателем в той же Духовной Академии. (См. Рукописное собрание ГБЛ. — Указатель, т.1. вып. 2, сс.53, 188, 191).

Что это значит? Это поможет понять обрядник, по которому совершалось принятие в ту или иную степень масонства и другие обряды. Вот общая клятва, которую произносил любой «брат»:

«Я обещаюсь быть послушну начальникам моим во всем том, что мне для блага и преуспения Ордена, которому я обязан во всю жизнь сохранять верность, поведено будет; я обещаю быть осторожен и скрытен, умалчивать обо всем том, что мне вверено будет... в случае же малейшего нарушения сего обязательства моего: подвергаю себя, чтобы глава была мне отсечена...» — и так далее и — *«в чем поможет мне Господь Бог и Его Милосердие»* (ОР РГБ, ф.147, На2, л.3).

В другой клятве: *«Клянусь и обещаюсь свободною волею пред Высочайшим Строителем Вселенныя и пред всеми истинными орденскими братьями, видимыми и невидимыми, рассеянными по лицу земли...»*

Далее идет клятва в том, что без ведома начальства произносящий ее не будет вступать ни с кем ни в какие отношения. (Там же).

Это значит, что он, православный священник, призванный воспитывать и образовывать юные сердца будущих священников, произносил эти клятвы, целовал левое колено Мастера ложи, а на плечо ему клали «печать Соломона». И что он клялся в верности «святому Ордену».

А в конкретном ордене, где состоял о. Ф.А.Голубинский, присяга на верность звучала так:

«Я, NN, обещаюся свободно и по добром размышлении:

1. Во всю жизнь мою поклоняться вечному всемогущему Иегове в духе и истине;

2. По возможности моей стараться всемогущество Его и премудрость

чрез натуру познавать; (...)

4. Сколько в моей возможности состоит споспешествовать пользе моих братьев...

Все присутствующие братья говорят: Тебе, да будет, о, Егова! Ты начало, середина и конец, который живет от вечности. Аминь!» (ОР РГБ ф.157, №101, «Теоретический градус Соломоновых Наук», л. 3 об.).

Не будем говорить о демонических обрядах, магии, вызывании духов, о том, что учение розенкрейцеров погружает последователя его в страшные глубины каббалистической мистики. Между тем, авторитет о. Ф. Голубинского в Академии был непререкаем.

И до самой революции в православных кругах всегда было живо представление о необходимости исправить тот ущерб, который был нанесен церкви «ученым монашеством», замешанным на западной философии и иудейской мистике. Таким образом, обновленчество в Церкви имеет давние масонские корни.

Было бы неверно считать, что все выпускники ради карьеры вступали в ложи, но главный эффект достигался самой учебной программой. Кроме того, мы видели клятву о помощи «братьям». Можно не сомневаться — помогали. И были осторожными. И «умалчивали».

Что до графа Толстого, то и его отец Владимир Толстой, и сам мемуарист. были в рядах вольных каменщиков. Получив замечательное духовное образование под руководством самого о. Ф.А.Голубинского, граф Михаил Толстой стал составлять книжки духовно-религиозного содержания из Четьи Минеи, Пролога и Жития святых. Затем стал сотрудничать в религиозных журналах, вроде «Душеполезного чтения», «Богословского вестника», написал «Рассказы из истории Русской Церкви», «Сказание о чудотворной Иверской иконе Божией Матери» и др. И был благочестив, по-своему...

То есть, нельзя сказать, что в церковных вопросах и вопросах веры вообще Михаил Толстой, граф и почти рюрикович был безграмотным. Но при всем том он увлекался спиритизмом и вызывал духов умерших или тех, кто выдавал себя за таковых. В конце концов он убедился, что вызываемые им духи были из злого племени.

Он был масоном и масонским «христианином». Розенкрейцеровство XIX века вошло в самые близкие отношения с церковными кругами, и по своему тихому, скрытому мистицизму, обильно прикрытому цитатами из священного Писания и христианскими терминами и понятиями, оно дошло без потрясений до революции. По некоторым сообщениям, перед революцией митрополит Антоний Вадковский, первоприсутствующий член св. Синода, состоял в одной ложе с гр. Витте. (Показание С.П.Белецкого, тов. министра внутренних дел. —

Падение царского режима, т. III. 333-334. см. ниже)

Что касается богословия, которое никогда не было сильной стороной Русской Церкви (она до Петра I и не очень-то в нем нуждалась), то оно сильно привлекало к себе внимание таких ученых, как проф. о. Голубинский.

Взглянем напоследок на несколько биографий.

Василий Сергеевич Арсеньев (1829-1915). Из потомственных масонов. Отец его входил в окружение Новикова, а сам он дожил до мировой войны. Как и полагается в масонских семьях, и мать его была дочерью известного масона из того же круга московских розенкрейцеров В.Д.Комынина, близкого Новикову человека. Дядя матери тоже был масоном, и тоже известным в своих кругах — Л.В.Левшин, моряк. И прадед был масоном... Тем не менее, в биографической справке о нем сказано: «консервативно настроенный царский чиновник, близкий к К.П.Победоносцеву и церковным кругам, автор статей по истории и богословию, переводчик, библиофил, масон».

С такой родословной иначе и быть не могло. Масонство вроде давно уже стало историей, но на самом деле оно тихо цвело в среде высшей бюрократии, при дворе и среди писателей, ученых, врачей, затрагивая и некоторых священников. Старый кружок розенкрейцеров в Москве давал молодые всходы.

В.С. Арсеньев точно так же, как и граф М. Толстой, состоял в масонской ложе в самых близких отношениях с проф. о. Ф.А. Голубинским, и с его сыном. В 1850 году он вступил в ложу как ученик, постепенно поднимался по масонским градусам, и достиг высших степеней. (Рукописные собрания ОР ГБЛ. — Указатель. Т.1. вып. 2). Он также сотрудничает в церковных изданиях: «Душеполезное чтение». «Православное обозрение» и других. Среди его сочинений — статьи об иконописи, о воспитании, переводы из незабвенного Фомы Кемпийского, этого Карла Маркса розенкрейцеров. К 1896 году он достигает высшего чиновничьего градуса — действительного тайного советника. При этом, будучи активным членом ложи, ведет активную переписку с «братьями». Из этой переписки можно узнать, что в область христианской философии им были включены и сочинения Новикова, и его соратников — каббалистов, магов и алхимиков. Среди его корреспондентов по масонской линии — генерал А.П. Ермолов. Обычно, говоря о возможном масонстве последнего, ссылаются на его слова о том, что он не любит секретных обществ и потому никогда в орден не вступит. Такие свидетельства не стоят ни копейки (вспомним клятву). Но историки всех оттенков доказывают обратное, и напрасно. В фонде Арсеньева в Рукописном Отделе РГБ хранится переписка доблестного генерала с розенкрейцером Арсеньевым, по масонской линии.

Судя по всему, В.С. Арсеньев, прот. С. Соколов, Д.И. Попов, С.С. Ланской (бывший незадолго до смерти министром внутренних дел), отец и сын Голубинские, Апполон Григорьев, известный писатель, «почвенник», граф М.В. Толстой, Павел Андреевич Болотов (сын известного мемуариста), сын его Алексей Павлович Болотов (генерал-майор и профессор Военной академии). А.Н. Пыпин — историк масонства, В.А. Жуковский, и некоторые другие известные лица, принадлежали в 30-40-е годы, и позднее, к одному кругу масонов. Не все жили в Москве, но встречались часто и переписывались.

Фигура В.С. Арсеньева соединяет новиковское масонство времен Екатерины II с масонством уже предреволюционным.

...О широком распространении масонства среди писателей XIX века говорят различные отрывочные сведения, сами по себе характерные своей рутинностью. Например, такой эпизод, описанный мемуаристом:

«Летом 1822 г. И. А. Крылов с тогдашним закадычным приятелем своим М. С. Шулепниковым... нанимал дачу недалеко от городской черты. К ним почти каждый вечер собирались литераторы, большею частью масоны разных лож... Распорядителем этих собраний, где угощение совершалось в складчину всеми гостями-братьями, был И. А. Крылов, прозванный друзьями «Соловьем» (Бурнашов В. П. Воспоминания. «Дело», 1874, № 4, 169).

Среди посетителей из числа «братьев» названы В. А. Жуковский, граф Д. И. Хвостов и другие. Созданный в середине XIX века Литературный фонд и «Шахматный клуб» несомненно имели масонское происхождение. Среди учредителей фонда был И.С. Тургенев, член французской ложи «Биксио» (Берберова Н.). Относительно Льва Толстого укажем лишь на его отношение к франк-масонству: «Я весьма уважаю эту организацию, — писал он одному немецкому «брату», — и считаю, что франк-масонство сделало много хорошего для человечества (Dictionnaire de la franc-macconrie, 1887, Paris, p.1174).

Показателен сам по себе один факт. Когда в 1901 году в Париже российские либеральные профессора — масоны открыли здесь с разрешения властей Русскую высшую школу общественных наук, где лекции читали старейшие наши масоны, вроде Аничкова, Гамбарова, Ковалевского, де Роберта, то почетным председателем русского попечительного совета состоял яснополянский ересиарх Лев Толстой, будучи «зеркалом русской революции» и отражая своим творчеством все основополагающие идеи масонского гуманизма с его антихристианским пафосом.

Не приходится говорить и о том, что все творчество графа Льва Николаевича Толстого есть действительно самое полное осуществление принципа масонского катехизиса, провозгласившего примат «чисто человеческого, в котором согласны все люди» над религией, нацией, традицией

и историей. Страсть к мессианизму, желание стать на место пророка Моисея и вещать от имени самого Бога вообще говоря характерно для многих наших писателей той поры, отражая глубинные влияния на их психику масонства. Известно, что литература в нашей стране стала всем для интеллигентного общества. Ни философия, ни серьезные научные интересы не были присущи ему. И все, что у других народов разделяется между философией, наукой, богословием, у нас вылилось в литературу и уже при ней стали создавать суррогат философии, психологии, социологии, этики и эстетики — литературную критику, вместившую в себя все эти науки. В свою очередь, эта литература изначально была трибуной идей масонского, либерально-гуманистического просветительства. И Лев Толстой обнаружил все внутренние тенденции литературы, как претензии спасти человечество моралистической проповедью. Затем началось отрицание семьи, государства и самой нравственности. По существу, Толстой развивал в своей публицистике идеи мариниста Радищева. Любопытно, что после смерти графа Царь Николай II выделил немалую ежегодную пенсию его вдове Софье Андреевне в знак признания заслуг великого писателя, преданного анафеме святой Православной Церковью. И еще любопытно. В то время, как последователей гр. Л.Н. Толстого арестовывали и преследовали судебным порядком, самого графа не трогали. Он как будто обладал дипломатическим иммунитетом. Трудно во всей этой истории не увидеть подспудных влияний в верхах власти масонства¹³.

Укажем еще на некоторые эпизоды этой темы.

...Запрещенное в 1822-м и повторно запрещенное в 1826 году, масонство ушло от взоров улицы, широкой публики, перестало себя афишировать, рекламировать, но его влияние на высшую управленческую сферу государства лишь усилилось. Оно закрылось от низов, от народных масс, для обывателей, что было в собственных его интересах, но оставалось открытым для верхов. Оно не стало буквально закрытым и секретным. Просто не стало о себе кричать. Но известный писатель, почвенник близкий к славянофилам Апполон Григорьев, например, вступил в масонскую ложу, видимо, когда еще учился в Московском Университете в 30-е годы или в первые годы после его окончания, когда в начале 40-х работал в том же университете. Он сам сообщает о своем вступлении в университетскую ложу своему другу Фету. На масонские деньги он уезжает в Петербург. Увлечен его в масонство однокашник, Константин Соломонович Милановский. В это время, следовательно, среди преподавателей университета продолжала действовать масонская ложа. Да

¹³ Ср. письмо Л. Толстого к Веркхагена (7 марта 1905 г.): «Меня очень радует, что я, сам того не зная, был и есть масон по своим убеждениям. Я всегда, с самого детства, питал глубокое уважение к этой организации и думаю, что масонство сделало много добра человечеству». — Новиков В. И. Русское масонство., с. 350.

ведь были еще живы и масоны Александровского периода. И они, как видно из признания Ап. Григорьева и из того факта, что о масонстве студента Милановского было в студенческой среде известно, не особенно и прятались. Фет пишет, что в университете Ап. Григорьева опекал проф. Крылов, о масонстве которого хорошо известно. Крылов поместил Ап. Григорьева на должность университетского библиотекаря. Это было в начале 40-х годов. «К этому Григорьев не раз говорил мне о своем поступлении в масонскую ложу и возможность получить с этой ложи денежные субсидии». (Фет А.А. Воспоминания. М. 1890-1893 г. т.3, 226).

Следовательно, масонская ложа в московском университете продолжала действовать со времен новиковских и точно также, как и в те времена, втягивала в свои ряды молодые силы, юное поколение учащейся молодежи. Костяк же ложи составляли профессора и другие сотрудники университета. Любопытно, что вместе с вступлением в ложу А. Григорьев от «отчаянного атеизма» перешел сразу в «крайний аскетизм» и стал «молиться пред образом, налепляя и зажигая на всех пальцах по восковой свечке». То есть совершая магические действия. С одной стороны — молитва пред образом, с другой — магизм. Из этого сочетания появится и розенкрейцеровское обновленчество среди части священников. Извращение христианства и приспособление христианской практики и терминологии к своим целям. Корни этого явления, обновленчества, именно здесь... Ложа помогла А. Григорьеву решить его личные проблемы и вскоре «к крайнему моему изумлению, он объявил мне, что получил из масонской ложи временное вспомоществование и завтра же уезжает в три часа дня в дилижансе в Петербург...» (там же, т.3, с.226)

Так, преемственно, масонская ложа университета перешла из времен екатерининских во времена императора Николая I, направляя и контролируя весь педагогический процесс и формирование научных кадров. Не трудно догадаться, что при такой ситуации на кафедрах университета оставались для ученой и преподавательской деятельности только те лица, которые проявляли готовность войти в члены ложи университета. Совершенно очевидно и то, что о существовании этой ложи в императорском университете не могло не знать и высшее начальство, а, следовательно, знал об этом и сам Николай I.

На всем протяжении XIX века и до самой революции не известно ни об одном судебном преследовании кого-либо, как масона, за принадлежность к масонской ложе. Никаких примеров. Иначе и быть не может. Масонство обслуживает исключительно высшие сферы, и никогда не садится в крестьянские избы или городские нищие хибары. Искать его надо в кабинетах министерств, у финансовых тузов и среди богемы.

Переехав в Петербург, Ап. Григорьев и здесь находит себе масонскую ложу. Масонство его отразилось в его повестях, в цикле стихотворений «Гимны»,

которые оказались переводами немецких масонских песен, а также и в критических рецензиях. Знание предмета сказалось и в характеристике рыцарских немецких романов. (См. Григорьев Алполов. Воспоминания. Л., «Наука», 1980 г., с.70; здесь же — Егоров Б.Ф. Художественная проза Ап. Григорьева и Примечания).

О масонстве середины XIX века, как и времен Александра II, известно очень мало. О нем, современном, просто не пишут.

Вот приехал Ап. Григорьев в Петербург, вступил в какую-то ложу. Но в печати об этом сведений нет. Известный масон предреволюционной поры, Кандауров, в эмиграции в статьях по истории масонства, написанных им для «братев» в 1930 году, сообщает, что, по данным английской масонской литературы середины XIX века, «имеется указание на то, что с 1857 по 1866 год ложи были официально разрешены Правительством Александра II который, судя по многочисленным данным, сам принадлежал к английскому масонству. К этой же эпохе относится посвящение в ложу «Нептун» в Москве известного историка А.Н. Пыпина и П.П. Беклемишева». (ЦХИДК, бывш. Особый Архив, ф.730, оп. 1, д. 172, лл. 15 и 18).

Н. Берберова со ссылкой на кн. В.Л. Вяземского сообщает, что Александр II еще до восшествия на престол был английским масоном. Масонами также были граф Панин и министр Лорис-Меликов. (Берберова Н. Люди и ложи. Нью-Йорк, с. 171). Судя по характеру реформ Александра II, его увлечению либерализмом и той лавине преобразований, которую Он и подобранные им министры обрушили на страну, так дело, видимо, и обстояло. Известно, по крайней мере, что при дворе Александра II очень увлекались спиритизмом. Кроме того, именно в это время Тютчев, кажется, впервые употребил слово «руссофобы», сказанное им в отношении группы министров во главе с Валуевым и других высокопоставленных чиновников. Вообще же увлечение масонской мистикой в «образованном» обществе не затухало со времен Екатерины II. Примером тому служит Вл. Соловьев со своей «Софией», взятой им у каббалистов (Лукьянов С.М. О Вл. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. Пгр., 1918 г., кн.3, сс. 145, 179-180, 232-235, 257), и «преображением мира» в результате «коллективной работы человечества», его верой в «близкое торжество правды и разума на земле», увлечением социализмом, повторением рутинных принципов раввинистической литературы. Известно, что Вл. Соловьев изучал тех же авторов, что и московские розенкрейцеры времен Екатерины II: Беме, Баадер, Пордедж... Трудно представить себе после этого, что он не состоял в ложе. Вл. Соловьев окончил Московский Университет. Здесь ему дали командировку в Лондон. В университет он и вернулся...

Владимир Соловьев — фигура для своего времени знаковая и даже культовая. В чем-то его роль в пропаганде масонских идей в России можно сопоставить с ролью Новикова, Лабзина или Лопухина. По крайней мере именно с него начинается обновление самого розенкрейцерства, легализация его идей и формирование новой, современной поросли «творческой интеллигенции», философствующей и богословствующей на «христианско-социалистический» лад. С него начинается и ересь софианства. Идеи Сен-Мартена, Пордеджа, Баадера, Беме и прочих европейских каббалистов получили в сочинениях Вл. Соловьева свое новое выражение, будучи приспособленными к новой терминологии и новым требованиям эпохи.

Решающим моментом в жизни Вл. Соловьева, в формировании его мировоззрения надо, видимо, считать его заграничную командировку в 1875 году. Оказавшись в Лондоне, он встречается здесь с двумя видными профессорами Московского Университета М.М. Ковалевским и И.И. Янжулом. Они берут его под свою опеку. Соловьев изучает в Национальной библиотеке каббалу. И не только ее. Именно после знакомства с каббалой у Соловьева и появляются размышления о Софии. Любопытно, что в масонских трудах И.В. Лопухина, сподвижника Новикова, «масон» определяется, то как любовник Софии, то как ищущий Софии, то как «Рыцарь Ищущий Премудрости», т.е. Софии, а само масонство, как учение Премудрости Софии, вечной Девы. Говорится, что масон находится в девственном браке с Софией и что в масоне сама София возжигает светильник, «путь к ней освещающий» и так далее (см. Лопухин И.В. Масонский труды). В то же время София называется Небесной Девой, которая рождает чад Премудрости, то есть тех же масонов. Связь масонства с учением Вл. Соловьева достаточно очевидна. Розенкрейцерская наука, тихо тлея в университетской ложе, периодически вспыхивала в каком-нибудь талантливом юноше и постепенно разгораясь, захватила в конце XIX — начале XX века большой круг «творческой интеллигенции», поставившей себе целью фальсифицировать церковное учение — с одной стороны, а с другой, под видом христианства, из церковных врат проповедовать идеи слияния всех церквей, всех религий под крышей «храма Соломона» с его демоническим учением, и вселенскими претензиями, полными глухого фанатизма, узколобого догматизма и непреодолимой ненависти к подлинному миру Божьему.

Не мешает сказать, что первый покровитель Вл. Соловьева, М.М. Ковалевский был одним из ведущих деятелей тогдашнего российского масонства, рано вступивший в орден во Франции.

Он был одним из инициаторов создания партии кадет и одним из ее лидеров в позднейшее время.

Дополнительной характеристикой взглядов Вл. Соловьева могут служить еще два-три замечания на этот счет. По словам его почитателя и исследователя

его творчества кн. Е.Н. Трубецкого, Вл. Соловьев «всецело примкнул к мысли Гартмана, что спасение мира достигается не аскетическою праведностью и самоотречением отдельных лиц, а совокупными усилиями организованного общественного союза.» (Лукьянов С.М., т.2, кн. 2, с.86) Это очевидное отрицание церковного учения. Выше уже было сказано, что Соловьев верил в преобразование мира в результате коллективной работы человечества. И эта мысль, как и все другие целиком заимствована Вл. Соловьевым из раввинистического учения. И именно этот постулат иудаизма знаменитый философ А.Ф. Лосев назвал демоническим, богоборческим. (см. ниже «Культура», как орудие национального разрушения).

Соловьев рано увлекся идеей социализма, пытаясь подвести под него религиозную основу, — так пишет его биограф С.М. Лукьянов. На самом деле, под социализм не надо было пытаться подвести религиозную основу, потому что иудаизм как таковой и есть эта самая религиозная основа философии Всеединства, то есть социализма. Правда автор его биографии считает, что эту веру в социализм Вл. Соловьев мог заимствовать у немецкой философии, например, у Фихте и Гегеля, которые верили в наступление в скором времени «завершительной эры в моральном и политическом развитии человечества...» (там же, с.85)

Вл. Соловьев, как фигура типичная для интеллигента того времени, времени конца XIX века, сосредоточил в себе преемственность розенкрейцерского учения от времен новиковских до времен так называемого «серебряного века», выросшего на оккультизме, масонстве, социализме, кокаине и моральной деградации «творческой интеллигенции», по сравнению с которой все наши безграмотные лабазники, охотнорядцы, извозчики и прочие черносотенцы — просто святые люди.

От Вл. Соловьева цепочка тянется к религиозно-философскому обществу Петербурга и Москвы, которое и было создано в его память и в продолжение его дела. Отсюда же идет и софианская ересь эмиграции с о. Сергием Булгаковым во главе.

Нелишне будет сказать, что многие современники считали Соловьева евреем как за отчетливо семитский внешний тип, так и за неумеренное, навязчивое восхваление еврейского народа и постоянные переживания за его судьбу. (Лукьянов, т.3). Но, с другой стороны, в среде его последователей русских людей в буквальном, а не метафизическом смысле, найти было бы сложно. Здесь, в этой масонской среде, считали, в то же время, что праведный Иоанн Кронштадтский — мракобес, черносотенец и враг прогресса. Но, с другой стороны, здесь любили и восхваляли Люцифера и Иуду. Здесь постоянно рыдали, до самого 17 года по поводу судьбы только одного — еврейского народа и только воцарение в Кремле погромщиков русского народа

внесло успокоение в этом отношении в эту нервную и обостренно обидчивую среду, где было принято скрывать свою национальную принадлежность.

И если у нас нет в руках списка членов той ложи в которой состоял Вл. Соловьев, то творчество его доступно каждому и оно свидетельствует очевидным образом в пользу принадлежности этого проповедника розенкрейцеров идеям и юдофильства к «всемирному братству» через приобщение к оному в масонской ложе московского университета. Не даром в юности Вл. Соловьев, как пишет его биограф С.М. Лукьянов, однажды удивил своего гимназического товарища тем, что на кладбище поверг на землю крест и стал топтать его ногами.

Перечислим еще раз учителей Вл. Соловьева в мистике и философии: Як.Беме, Баадер, Георг Гихтель, Готфрвд Арнольд, Дж.Пордедж, Сен-Мартен, Парацельс, Сведенборг, Шеллинг, Гартман, Фихте. Обычный круг мистиков-масонов, многие имена из которых мы встречали уже у московских розенкрейцеров времен Новикова.

Одна из глав в истории русского масонства XIX века связана как с масонством в Университете первопрестольной, так и с философским учением Огюста Конта. «Религия человечества» основателя позитивизма О. Конта, как и сам его позитивизм, нашли самую горячую поддержку масонов Европы. Уже К.А. Тимирязев одним махом пера приравнял позитивизм к масонскому свободомыслию, противопоставив им «клерикальную нетерпимость» (Тимирязев К.А. Наука и Демократия. Сб. статей 1904-1919 гг. Л., 1926 г., с.81). Во время приема видного последователя Огюста Конта Литтре в масонскую ложу «Милосердная дружба» видный деятель Третьей республики Франции Ж.Ферри заявил о наличии «интимной и тайной связи между масонством и позитивизмом». (Соловьев О.ф. Русское масонство 1730-1917, с. 141).

Должно заметить, что, чуткое в отношении к веяниям и поветриям времени, масонство выдвигает периодически то одно учение, то другое, создавая моду на него и вкладывая в него средства. Все эти учения, понятно, имеют действительно глубокую связь с оккультно-каббалистической доктриной масонства, но в каждую эпоху они облачаются в разные одежды, соответствующие духу времени. Так в начале XX века будет и с антропософией, и с психоанализом. (См. ниже «Секреты особых хранилищ») Позитивизм имеет и научную сторону, и чисто религиозно-мистическую. В 1852 году О. Конт благодарил Николая I за то, что Царь разрешил распространять позитивизм в России. (Нарский И.С. Очерки по истории позитивизма. М., 1960 г., с.72). В церемонии же заседания Парижской ложи «Милосердная дружба» среди других присутствующих можно было увидеть и председателя всемирного Израильского Союза А. Кремье, и друга Маркса Луи Блана.

В 1899 году в Париже было создано братство «Позитивная философия», а глава его Литтре провозгласил курс на создание всеевропейской федеративной республики. Она мыслилась им как средство для обеспечения прочного мира. В этой среде нашел самый горячий отклик призыв Николая II к ограничению вооружений и необходимости создания международного суда, что нашло свое выражение весной 1899 года на Гаагской мирной конференции¹⁴, созданной по инициативе русского Императора. Затем европейские масонские ложи организовали сбор средств на строительство дворца в Гааге.

Позитивизм при последовательном следовании ему неизменно вел, как и вообще философия, к оккультизму, и, следовательно, вызывал необходимость создания масонских лож. В России в Царскосельском лицее преподаватель литературы Помье хорошо знал Литтре. Он увлек в позитивизм Г. Вырубова и его друга Е.В. Роберта. Вырубов, очень состоятельный помещик, осенью 1862 года приехал в Париж, уже имея рекомендательное письмо «брата» Помье. Он стал ученым-химиком и быстро продвигался по масонской линии. Вскоре он возглавил ложу «Милосердная дружба». Его друг социолог де Роберта тоже стал масоном. В этот круг вступают и К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, Н.А. Мельгунов. Надо заметить, что одна из линий, постоянно питавших ученое масонство, университетское, были заграничные масонские ложи. Ведь любой молодой ученый российского университета прежде, чем защищать ученую степень, получал командировку на полтора — два года, а то и больше, в западные университеты. Здесь он и вступал в масонскую ложу. Об университетском масонстве и влиянии на его распространение в России западноевропейских университетских лож писал в своей записке Государю Николаю Павловичу еще М.Л. Магницкий (см. ниже. гл. «Николай I и донос на всю Россию.»). Уже он отмечал тот факт, что при близости российских университетов к германским и бесконтрольному обмену любой литературой, как и при имеющемся порядке выбора любого ученого из немецкой университетской среды в профессора русских университетов, проникновение немецких иллюминатов в нашу ученую среду происходит легко и беспрепятственно. То, что многие из русских студентов и молодых ученых

¹⁴ Это воплощение идеи «вечного мира», разрабатываемой масонством со дня его появления на политической сцене. В свою очередь, эта идея непосредственно предполагает создание Всемирного Федеративного государства. Частная задача — создание Соединенных Штатов Европы. Первый опыт в истории — «Священный Союз», созданный по инициативе Александра I. Берберова со ссылкой на того же кн. В.Л. Вяземского сообщает, что «создание Гаагского трибунала — инициатива масонов и их дело». Об этом пишет и Кондауров (см. ниже). Государь Николай II в таком случае просто озвучил эту идею и взял на себя политическую инициативу. По переписке масонских лож начала XX века видно, что они активно поддерживали предложение Николая II (см. ниже «Масонство и Николай II»).

вступали в западноевропейские университетские масонские ложи свидетельствует следующий эпизод из жизни русского дворянина-интеллигента времен Александра I: Петр Каверин, воспетый А.С. Пушкиным, «не сразу пошел на военную службу, - пишет его биограф, — он учился в университетах, сначала в Москве, затем в Германии, в Геттингене. Там он был принят в масонскую ложу «Августа Золотого Циркуля». По возвращении в Россию Каверин вступил в «Союз благоденствия» — тайное общество будущих декабристов.» (Тхоржевский С. Портреты пером. М. 1986 г., с. 11).

Здесь, в этом примере все логично и последовательно: учеба в Геттингене, где он вступает, как и полагается молодому искателю истины и свободы, в масонскую ложу, а затем, «с душою прямо геттингенской, красавец, в полном цвете лет, поклонник Канта и поэт», все как Ленский у Пушкина, он вступает по приезде в Россию, в масонское политическое общество декабристов, а попутно и в литературное общество «Зеленая лампа». Все учености плоды в то время сосредотачивались в вольнолюбивых мечтах, то есть в политическом прожектерстве. Надо заметить попутно, что Геттингенский университет в XIX веке был очагом «научного университетского масонства» для всей Европы. Здесь, кстати, учились и Н.И. Тургенев и его брат Александр, и известный лицейский учитель А.П. Куницын (1783-1840), ставший позднее университетским профессором в Петербурге и кого Магницкий причислял небезосновательно к ордену иллюминатов. Как бы там ни было, но членами геттингенской университетской ложи «Августа Золотого Циркуля» все вышеназванные не могли не быть.

Научные командировки в западные университеты были заурядным явлением. В московском университете сложился крепкий в этом отношении коллектив, войти в который постороннему человеку, хоть и ученому, было невозможно. Среди этой группы примыкавших к французскому масонству были, кроме вышеназванных, И.И. Янжул, Д.М. Петрушевский, С.А. Муромцев, позднее председатель первой Госдумы, член ЦК кадетской партии в будущем, родственник Ивана Ильина. Среди главных персон выделяется толстый и благодушный М. М. Ковалевский, вечный противник Самодержавия, написавший кучу работ о прелестях демократии под лучами которой Россия тут же расцветет. Он, М. М. Ковалевский, научно это обосновал. Янжул и Ковалевский будут в 1875 году опекать Вл. Соловьева в Лондоне, пока тот будет изучать каббалу в Лондонской библиотеке и постигать иудейское учение о Софии. В этом кругу ученых-масонов в 1905 году будет создана еврейско-кадетская партия.

Активным масоном был, как известно, и создатель дуговой лампы П.Н. Яблочков, который в 1884-1885 годах возглавлял парижскую ложу «Труд». Максим Ковалевский в 1887 году возглавит там же ложу «Космос» для русских эмигрантов, путешественников и командировочных. Теперь наши ученые

мужи, приезжая в Париж, имели свой уютный уголок в «храме Соломона», рядом с мертвой головой. Здесь и формировался костяк будущих деятелей революции. Недаром ведь Московский Университет, как и многие другие университеты, стал с середины еще XIX века главным зачинщиком бунта. В 1905-м он стал с осени штаб-квартирой вооруженного мятежа. О революционности профессуры, главной возбудительнице мятежа среди студентов, постоянно писали газеты. В революцию играли на казенные средства.

И если кадет называли с одной стороны профессорской партией, а с другой — жидо-кадетами, то в соединении этих определений можно получить суть того процесса, что начался с деятельности московских розенкрейцеров, обосновавшихся при университете и захвативших в нем все должности, а, следовательно, и будущее страны, процесса, который начался во времена Екатерины II, а закончился в феврале 1917 года.

Социальные утопии, рождаемые в идейном тумане братьев злато-розового креста, в головах Новикова и его подельников по алхимии и по разоблачению социальной несправедливости при царизме, стали реальностью. И стали видны подлинные ценности масонского гуманизма, гуманной культуры, «свободы, равенства и братства», проповедываемые этими просветителями.

На землю русскую пришло царство Астреи... для малого народа, избранного. И на гербе нового иудейского государства появилась вечная заря, которую по глупости многие приняли за утренний свет. Но это уже другая история и другое масонство.

И встает вопрос, какие силы венчали государственный механизм управления страной, то есть, что представляло из себя правительство и были ли рядом с ним какие-то закулисные силы, способные оказывать влияние на правительственные решения.

Времена царствования Александра II были едва ли не самыми смутными за всю предшествующую эпоху петербургского периода русской истории. Началось время бесконечных реформ и внедрение в жизнь страны рыночных отношений и либеральных начал. Для образованного общества все прошлое вдруг стало «противным», «гнусным», периодом «варварства» и «отсталости», а впереди светило восходящее солнце цивилизации и европейского прогресса. Вслед за введением земств и реформой судов на началах западно-европейских стали ждать «увенчания здания», как тогда говорили. имея в виду отмену Самодержавия и введения в жизнь страны представительного правления — то есть парламента, и, конечно, конституции. Власти на местах не знали, какая очередная реформаторская блажь завтра придет из столицы в виде указов и приказов и были растеряны. Еврейская окраина России оживилась и ее молодые силы стали быстро организовываться. Воспитываемый в наших

училищах и университетах нигилизм, выросший на идеях Сен-Симона и Фурье, Гегелевской философии, отменявшей ценность истории и видевшей в ней лишь движение к земному раю, вдруг выплеснулся в буйствах студентов и в организации всевозможных студенческих кружков. И сразу, как по заказу, появились и террористы. В Петербурге начались пожары (май 1861 г.), затем грянуло восстание польской шляхты (январь 1863 г.), которое совершенно неверно называют просто польским восстанием — оно было чисто шляхетским — и грянул в апреле 1866 года первый выстрел в помазанника Божия Православного Царя Александра II, либерала из либералов. Если посмотреть на Его окружение, то мы увидим несколько знакомых лиц, уже престарелых и в годах, воспитанников московских розенкрейцеров.

Как всегда бывает при всяких реформаторских горячках, недовольными правительственной политикой оказались все — левые, прогрессисты, и правые, консерваторы. И многомиллионный простой народ — в первую очередь. Правительственная власть повисла в воздухе и революционным прожектерам и террористам стало казаться, что больше незачем считаться с властью и надо только ее слегка, чуток подтолкнуть и она сама свалится, сама рухнет. Что касается многомиллионной народной массы, то здесь недовольство было вызвано вопиющей слабостью правительства и демонстрацией им своего бессилия и растерянности. В это время крамола расплодилась по всей земле. Повсюду, в самых глухих уголках России можно было встретить агитаторов за бунт и революцию, объяснявших, что Бога нет и Царя не надо. Ответом на выстрелы и студенческий бунт были очередные реформы и поклоны в сторону «общественности». Наверху заговорили — «время такое», «народ требует», «прогресс не остановить». В наше «демократическое» время такую «общественность» власть прикончила бы в два-три дня, да еще бы и в дураках выставила. Большевики же быстро поставили бы всю «Народную волю» с ее несколькими десятками полуполяков, полувреев и полурусских к стенке и на страницах истории на эту банду не нашлось бы ни строчки. В Америке им бы даже не дали собраться в кучку из десятка человек, и они, низвергатели и мечтатели, провели бы остаток дней в тюрьме, если бы не попали на электрический стул. В царской России растерялись — «общественность требует», «права человека», «дух времени»... В эти же годы, после отмены крепостного права, отмены, кстати, которую сами же либералы почти не заметили, и еще менее радости проявили, как, впрочем и сами крестьяне — в Россию нахлынули из Польши еврейские банковские аферисты и стали открывать всевозможные акционерные общества и создавать всякие «пирамиды»¹⁵. Эти финансовые спекулянты почувствовали, что наступает их

¹⁵ см. Терпигорев С.Н. «Оскудение. Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика» СПб. 1880 г.

стихия. Не мало их наехало и в Петербург. Зашелестели акции и облигации и появились впервые в истории России шальные, не заработанные трудом общественно полезным очень большие деньги. Естественно, сразу же появилась по слабости человеческой и коррупция. Финансовое положение Империи при Александре II было значительно хуже, чем при Его отце. Упало производство даже хлеба и других сельскохозяйственных продуктов.

И вот грянул роковой, но давно и с тревогой ожидаемый взрыв 1-го марта 1881 года. Царь был убит в собственной столице, среди бела дня. Случилось то, что должно было случиться рано или поздно. Это было уже восьмое покушение на Государя.

В марте этого же 1881 года в столицу приезжает граф Николай Павлович Игнатьев, бывший долгие годы послом в Турции (1864-1877). В русско-турецкую войну 1877-1878 гг. граф был сторонником самых решительных действий и выступал за взятие Константинополя, что было вполне возможно сделать. Своей патриотической решительной позицией Николай Павлович приобрел одно время большую популярность среди русских национальных кругов общества. Затем, после Сан-Стефанского мира последовала его отставка и назначение на захудалую должность временного нижегородского губернатора. Убийство Александра II и вступление Александра III резко изменили его судьбу. По рекомендации Победоносцева, обер-прокурора св. Синода, Александр III приглашает его в Петербург. Еще не зная, что вскоре он станет министром внутренних дел и заменит на этом посту хитрого армянина М.Т. Лорис-Меликова, фигуры, порожденной всем либеральным курсом политики Александра II, граф Игнатьев в самом начале марта того же, 1881 г., в Петербурге, в ожидании своей судьбы, пишет письмо. И именно Лорис-Меликову, которого Л.Д. Кандауров относит к масонам (см. ниже ком. к источникам V главы, с. 420).

Граф Н.П. Игнатьев считает, что надо самым решительным образом бороться с крамолой. Нужно созвать земских людей со всей России, чтобы в этой борьбе приняли участие не только правительство, но и все благомыслящие, верные Царю русские люди. Правительству уже никто не верит, пишет Игнатьев, с полицией никто не хочет связываться. Так, как это делалось до сих пор, крамолу не победишь. Да, с крамолой надо бороться. Однако есть большое препятствие и это надо осознавать:

«В Петербурге давно существует, — пишет он, — еврейско-инородческая группа весьма сильная, она держит в руках адвокатуру, биржу, другие отрасли общественной деятельности и большую половину печати.

Не чуждая в своих разветвлениях ни крамолы, ни казнокрадства, группа эта выставляет вожаков, умеющих сохранять голубиную чистоту и громадное влияние на служебный мир.

Во всякой беде они готовы помочь советом: представительные учреждения на западный образец, льготы окраинам и стеснение внутри, вот их лозунг.»

В другой записке, варианте этой, гр. Н.П. Игнатьев оттеняет некоторые моменты. Бороться надо, это несомненно, с крамолой, которая неуклонно разрастается:

«Но для успешного действия необходимо, что Правительство освободилось от некоторых условий, которые сгубили лучшие начинания прошлого царствования: в Петербурге существует могущественная польско-жидовская группа, в руках которой непосредственно находятся банки, биржа, адвокатура, большая часть печати и другие общественные дела. Многими законными и незаконными путями и средствами она имеет громадное влияние и на чиновничество и вообще весь служебный мир.»

Далее гр. Игнатьев пишет Лорис-Меликову: «Они всего более боятся пробуждения русского национального чувства, потому, когда правительственные или частные исследования приводят к серьезным фактам, указывают на возможность освободить промышленность от рабства евреям и иным людям запада, прекратить распушенность администрации или учащейся молодежи, дружный хор жидовской печати указывает на отсталость предлагаемых мер, на несогласие их с просвещенными доктринами, на вредное влияние их на биржу и курс. До настоящего времени этой группе всегда удавалось достигать своих целей, фабриковать Петербургское общественное мнение, согласно еврейским потребностям и добиваться соответствующих распоряжений.»

«Всякий честный голос русской земли усердно заглушается польско-жидовскими криками, твердящими о том, что русские требования следует отвергать как отсталые и непросвященные.» (Игнатьев Н.П., граф. Записки графа Н.П. Игнатьева от 12 марта 1881 г. и Записка графа Н.П. Игнатьева, представленная министру внутренних дел графу М.Т. Лорис-Меликову в марте 1881 г. — «Источник» Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1995, № 2).

Конечно, в этих записках мы не видим слова «масонство» и не о нем идет речь. Но мы видим ту среду, в которой оно чувствовало себя уверенно и надежно. Влияние на служебный мир оказывалось, несомненно, не только через подкуп. В самом служебном мире существовала организованная группа, влиятельная, привлекающая к себе тех, кто хотел делать карьеру и получать высокие оклады. В этом мире, где карьера есть путеводная звезда, масонство с его взаимной поддержкой и помощью в получении чинов и наград было для многих привлекательным.

Державин в своих воспоминаниях пишет, что М.М. Сперанскому, тесно связанному с евреем Перетцом, банкиром, помогали в его интригах чиновники

всех министерств, так как многие из них попадали на службу благодаря его протекции, это были «свои человечки». Они, пишет Державин, могли выкрасть доклад министра Царю, сообщить о готовящихся документах и потому Сперанский, живший в доме банкира Перетца, знал все, что творится в департаментах различных министерств. Он же, М.М. Сперанский, протезировал еврейским интересам в Белоруссии, когда Державин пытался после ревизии там как-то оградить белорусских крестьян от хищничества еврейских шинкарей-ростовщиков, обиравших до нитки, до последнего куска хлеба этих несчастных тружеников. В те годы, времена Александра I, интрига проеврейской группы российской знати при дворе оказалась сильнее Державина и его предложения не были одобрены монархом. Прошло восемьдесят лет. И вот *граф* Игнатьев пишет о существовании в Петербурге «могущественной польско-жидовской группы, в руках которой» и так далее.

Влияние этой группы настолько сильное, что бороться с ней, этой группой, а, вернее, организацией, невозможно, находясь в Петербурге. Чтобы решить кардинально проблему, надо переменить столицу, перенести ее в Москву, где Царь будет под охраной верного ему народа. Такого верного Царю народа в Петербурге, видимо, считал граф, очень мало. Следовательно, положение было действительно очень серьезное. Царь был открыт всем ветрам, находясь в Петербурге.

Другой момент обращает на себя внимание в записке. Печать находится в руках этой еврейско-инородческой группы, пишет Игнатьев. И эта печать фабрикует общественное мнение по своим рецептам. Такое положение вещей крайне опасно, по его мнению. Любопытно, что решительность графа Игнатьева в той части его записки, где он касается этого вопроса, даже отдаленно не содержит в себе предложения монополизировать правительству всю печать или, на худой конец, путем цензуры и кредита, финансовой поддержки нужных людей и органов печати влиять на общественное мнение. При этом он напоминает, что вся провинциальная Россия в сущности не знает, что такое «свобода печати» и для нее раз напечатано, значит правительство, власть и Царь-батюшка с этим согласны. Были бы не согласны. — так кто бы посмел напечатать. Нынешнее либеральное отношение правительства к печатному слову в условиях свободы печати, подчеркивает граф Игнатьев, крайне опасно и разрушительно.

Таким образом, картина, нарисованная графом Н.П. Игнатьевым, надо признать, имеет передний план — правительство, и задний — еврейско-инородческую группу. Не менее интересно указание графа на то, что русская промышленность нуждалась и в то время в освобождении «от рабства Западу и евреям».

Прекрасным дополнением к записке Игнатьева и обрисованной им

ситуации, служат свидетельства Ф.И. Тютчева в его письмах дочери и знакомым за 60-е годы, когда либерализм правительства Александра II разворачивал свои знамена и трубным гласом возвещал об очередных своих победах над косностью и предрассудками.

Тютчев, вероятно, был один из первых, кто употребил слово «русophobia». Этим словом он определил то направление среди русского общества и в правительстве, которое совершенно определенно выявило себя в эти годы. 20 сентября 1867 года он пишет дочери:

«Можно было бы дать анализ современного явления, приобретающего все более патологический характер. Это русophobia (курсив Тютчева) некоторых русских людей — кстати, весьма почитаемых ... По мере того, как Россия, добываясь большей свободы, все более самоутверждается, нелюбовь к ней этих господ только усиливается» (Литературное наследство, т.97. кн. 1, с.306).

В письме И.С. Аксакову, издателю газеты «Москва», а после ее закрытия, газеты «Москвич», Тютчев пишет по поводу преследования патриотических органов печати правительством:

«Надобно было бы сказать вот что: в русском обществе два учения, два направления — русское и антирусское. При содействии существующего порядка, судьбе угодно было, в лице Валуева, поставить антирусское (курсив Тютчева) направление верховным и полновластным судьей всей мыслящей России, и как ни поразительно подобное безобразие, в самых сферах к нему относятся равнодушно ...» (там же, с.320)

В следующих письмах он пишет о «презренной клике», об «антирусском отродье» в правительстве. Его возмущает преследование именно русской печати, выступающей с позиций Самодержавия, с позиций защиты именно русских интересов, которые регулярно ущемляются. Имена членов этой «клики» известны. Ведь Тютчев был вхож в высшие сферы. Он был начальником иностранной цензуры, то есть литературы, поступающей в Россию из-за границы. Его дочь долго была фрейлиной Императрицы. И он называет их: это министр внутренних дел П.А. Валуев, при покровительстве которого Чернышевский мог не только написать, но и издать свой роман, прошедший, кстати, 3 цензуры и получивший повсюду отрицательные отзывы, как произведение безусловно вредное. Тем не менее бездарный роман был допущен к печати.

Это и министр народного просвещения А.В. Головин, организовавший вместе с Валуевым идейное и цензурное преследование «Московских Ведомостей» Каткова и выпустивший откровенно антирусскую брошюру Шедо-Ферроти, возмущившую даже профессоров Московского университета, совет которого отказался принять в свою библиотеку это сочинение,

присланное лично министром. Это и шеф жандармов П.А. Шувалов, который заявил как-то, что «так называемая русская народность — всего лишь выдумка журналистов». В этой кампании и бывший в 1861-1864 гг. начальник III отделения и затем генерал-губернатор Северо-западного края А.Л. Потапов; сюда же надо добавить и вел. кн. Константина Николаевича, одного из главных двигателей всех реформ. Все они представляли собой плотно сбитую группу, действовавшую сообща, дружно, а действия их подчинялись хорошей режиссуре¹⁶.

То время, о котором мы говорим, характеризовалось отсутствием всякой национальной политики, и даже неприязнью верхов вообще к православию. В 40-е годы в Прибалтийском крае многие латыши и эсты перешли в православие, но стали подвергаться преследованиям со стороны своих владельцев — остзейских баронов. Несмотря на многочисленные мольбы этих людей к правительству и Царю в помощи им было отказано. Факт, хоть и объяснимый, но позорный и для Монархии вредный. В печати сообщения об этом положении дел в Прибалтике преследовались цензурой. Нельзя к тому же не заметить, что руководящий слой чиновничества в России был весь пронизан немецко-польско-еврейским элементом. В таких условиях защищать русские национальные интересы и интересы православной Церкви было не много желающих. Ведь и в самой России при Александре II было закрыто много церквей и большая часть церковноприходских школ. Именно поэтому новый Царь Александр III начал в кадровой политике именно с национального вопроса, сократив долю инородцев в высших эшелонах власти более чем в два раза: с 34% до 14%.

Тютчев видит, как идет борьба антирусских сил против интересов русской народности и России, как государства русского, созданного русскими для себя. И эта борьба сосредоточена в сущности вокруг носителя Верховной власти, «вот где завязка всего дела ... что в этой русской верховной власти одержит решительный перевес — то ли, что составляет ее сущность, ее душу, или наносное, пришлое, привитое; словом сказать, кто одолеет в представителе этой верховной власти: русский ли Царь или петербургские чиновники? ... Русское Самодержавие как принцип принадлежит, бесспорно, нам, только в нашей почве оно может корениться, вне русской почвы оно просто немыслимо... Но за принципом есть еще и личность¹⁷. Вот чего ни на минуту мы не должны терять из виду.» (там же, с.387-388).

И когда в споре Валуева с И.С. Аксаковым, по поводу газеты «Москвич» Александр II стал на сторону Валуева, и газета была запрещена, как вредная, Тютчев написал дочери, которая была замужем за Аксаковым:

¹⁶ О том же пишет хорошо осведомленный кн. В.П. Мещерский в своих воспоминаниях.

¹⁷ курсив везде принадлежит Тютчеву

«Чувствуешь, что колеблется самая основа всего здания ... Клика, находящаяся сейчас у власти, проявляет деятельность положительно антидинастическую. Если она продержится, то приведет господствующую власть к тому, что она не только потеряет популярность, но приобретет антирусский характер.» (там же, с.330)

При монархии вопрос о направлении всей политики упирается в одну точку — в личность Монарха, носителя власти Верховной. И эта проблема, о которой говорит Тютчев, стала особенно остро во времена последнего русского Самодержца. В случае с Александром II верх взяли те чиновники, что входили в ту еврейско-инородческую группу, о которой писал граф Игнатьев. Печальный конец царствования Александра II не послужил уроком царственному внуку убитого террористами благородного и мягкого характером Царя.

И последнее. Тютчев неоднократно встречался и с Валуевым, и с его преемником на этом посту министра внутренних дел Тимашевым. Оба признавались ему, что крайне неохотно накладывали взыскания на русскую национальную, патриотическую печать. Что они неохотно боролись и с Катковым и с Аксаковым и другими. Тютчев считал, что это не одни слова. Когда Тимашев, сменивший Валуева, говорил Тютчеву, что его принудили дать предостережение аксаковской «Москве», то этому надо, по мнению Тютчева, верить, как и Валуеву, который говорил то же самое, — «ибо в этой среде, где живут эти люди, и при тех подводных течениях, от коих они зависят, сопротивление почти невозможно ...» (там же, с .333).

Эти слова намекают на многое. Если против убеждений министра кто-то заставляет его принимать решение, с которым министр не согласен и которому, по крайней мере не сочувствует, то остается спросить, что же это за силы? Ведь выше министра, строго говоря, был только Государь. Но Государь не принуждал министров ни к чему. И Царь — это не «подводное течение», от которого министр зависит. Но если мы примем во внимание, что вся высшая бюрократия формировалась на основе уже сложившейся в давние времена масонских связей, то вряд ли наше предположение будет необоснованным в этом смысле: масонство, как организация, воплощающая идеи либерализма, прогресса и пр. и пр. и было той Закулисной силой, о которой намеком сказал Тютчев, о которой говорит граф Игнатьев. Оно одно может нам объяснить множество самых странных явлений эпохи царствования Александра II. В том числе, например, членство в одной организации, народнической и революционной, таких лиц, как генерал-губернатор Петербурга А.А. Суворов и Чернышевский. Или смысл существования Шахматного клуба, который включал в себя видных представителей журналистики и писательского дела.

Все они входили в клуб, где в шахматы не играли, а собирались

исключительно по ночам. Как считают некоторые исследователи, именно в недрах этого так называемого Шахматного клуба и существовала руководящая организация «Земли и воли». И. удивительно, до сих пор ничего ясного ни об этом клубе, ни о существовании организации «Земля и воля» — неизвестно.

Если теперь мы совместим картину, данную в записке Игнатьевым с картиной, которая вырисовывается из писем Тютчева, то перед нами появится более или менее завершенное в смысловом отношении полотно русской политической и культурной жизни в ее отношении к масонству XIX века.

Глава четвертая НИКОЛАЙ I и «ДОНОС НА ВСЮ РОССИЮ»

(Николай I и масонство)

Тема отношения Николая I к масонству представляется достаточно важной и потому целесообразно выделить ее в отдельную главу.

Выше мы видели, что и в тридцатые годы и в сороковые масонство тихо цвело в высших учебных заведениях, и, соответственно, среди интеллигенции того времени, т.е. разночинцев и дворянства. И. следовательно, среди чиновничества, как и в среде ученого духовенства, начало которому положили реформы М. Сперанского в области духовного образования. Можно с изрядной долей уверенности сказать, что Император Николай I достаточно много знал о масонстве, как и о его существовании в Его царствование. Именно в этот период «Алгебра революции» — гегельянство, то есть философия Гегеля, как, впрочем, и в целом вся немецкая философия, по верному свидетельству Б.Н. Чичерина (см. его воспоминания), окончательно овладела всеми философскими умами в русских университетах. Таким образом, само правительство внедряло в русское общество идеи пантеизма и социализма, идеи «прогресса» и движения человечества к золотому веку Астреи.

Но при всем том, остается вопрос, что именно было известно о масонстве самому Императору и как именно он лично к нему относился. На первый вопрос можно ответить вполне уверенно — знал много и, вероятно, больше, чем кто-либо из нас, даже включая специалистов. Трагические события, сопровождавшие вступление Государя Николая Павловича на престол — восстание декабристов, и последовавшее затем расследование всех обстоятельств заговора не могли не открыть новому Царю всю глубину того

явления, что называется масонством. Для следствия не осталось тайной, что самая активная часть заговорщиков состояла в масонских ложах и что сам Устав Союза Благоденствия создан по масонским образцам. (см. Семеvский В.И.) Но кроме того, в 1831 году Государь получил сначала донесение одно, а затем другое от двух разных лиц, в которых говорилось о распространении масонства в России. Обстоятельства получения этих всеподданейших писем от князя Андрея Борисовича Голицына и от бывшего попечителя Казанского учебного округа, члена Главного училищного Совета М.Л. Магницкого и реакция на эти донесения Самого Императора Николая I заслуживают самого пристального внимания. Между тем, этот сюжет как-то оказался в стороне от внимания историков как дореволюционных, так и современных. Что касается дореволюционных, то только опубликовавший эти всеподданейшие письма Николаю I либеральный историк Шильдер один дал к своей публикации кое-какие комментарии, в самом либеральном духе. Но в целом этот сюжет не получил развития в осмыслении царствования Николая I, как и в общей исторической оценке общественного движения XIX века. Если не считать, конечно, таким осмыслением привешивание ярлыков к автору донесения М.Л. Магницкому, вроде «реакционер», «мракобес», «ретроград», «обскурант» и т.п.

Прежде всего надо заметить, что весь правительственный аппарат предыдущего царствования, почти все сановники при дворе Александра I перешли и в царствование Николая I, оставаясь по большей части на тех же местах. И с этим фактом новый Император должен был считаться. Притом же, в среде лиц, причастных к рулю государственного правления, в среде дворянства вообще, и особенно в среде аристократии, знатных дворянских родов, поставлявших и своих представителей в гвардию и высшее чиновничество, были сильны родственные связи. Это все те обстоятельства, которые в любом случае связывали Царя и диктовали свои условия. И если в этой среде масонство в предыдущее царствование было едва ли не повсеместным, то за семидесятилетний период его истории в России уже сложились масонские семейные линии в двух-трех поколениях. И с этим фактом Императору тоже приходилось считаться. В то же время ему приходилось учитывать, что — с одной стороны:

Он Царь православный и именно в таком качестве Его видит подавляющее большинство его подданных. Именно от Церкви получает Он свои полномочия, как Царь, Монарх, Самодержец. Но, с другой стороны, — власть имущая прослойка из знатных дворян, аристократии, нарождающейся, инородческой по преимуществу, разночинной интеллигенции, инородческой же буржуазии, по своей идеологии, своим вкусам и убеждениям принадлежали масонству, язычеству, иудео-язычеству, и именно это меньшинство и являлось той силой, что реально правила Россией. И не считаться с этим фактом тоже было нельзя.

Более трети высшего и среднего чиновничества при Николае I было, кстати, из немцев, среди которых, можно не сомневаться, немало было и евреев, принявших лютеранство¹⁸.

Первые дни и даже месяцы царствования нового Императора были окрашены в трагические тона. Впервые в русской истории дворяне, да еще из привилегированных гвардейских частей с оружием в руках выступили против помазанника Божия, законного Царя русского.

Император Николай I 20 декабря 1825 года по юлиановскому календарю, и, следовательно, в день нового года, 1 января 1926-го по новому стилю, григорианскому календарю, собрал в Зимнем дворце дипломатический корпус и объявил о своем восшествии на престол, после чего перешел к «злополучным событиям прошлого понедельника», как сообщал английский посол лорд Стрэнгфорд. (Из донесения английского посла лорда Стрэнгфорда — Россия и Англия в начале царствования Императора Николая I. — «Русская Старина» 1907 г., № 9, сс. 529-536).

Посол доносил:

«Он говорил с искренней печалью, что бавда злоумышленников и заговорщиков эксплуатировала лучшие чувства его народа, ввела в заблуждение его привязанности к Императорскому Дому и эти самые чувства (привязанности) сделала своим орудием, дабы ниспровергнуть монархию и сделать эту обширную Империю сценой общего разгрома ... При этом Император прибавил, что заговор давнего происхождения, он возник около 1815 г. и покойный Император был вполне осведомлен о его существовании, и хотя мудрыми и подозрительными мерами Он сдерживал заговорщиков много лет и противодействовал всем их планам — лишь в последние моменты (своей жизни) он проникся горестным сознанием, что их замыслы все еще продолжались и что в какой-либо день они могут поставить страну и правительство в очень опасное положение.»

Государь говорил с искренней печалью не только потому, что события последних дней потребовали от Него такого напряжения сил. И даже не только потому, что Россия по вине безответственных гвардейских офицеров, рвущихся в бонапарты, оказалась на краю гражданской войны. Уже расследования первых дней, первые допросы бунтовщиков показали с очевидностью, что в заговор были вовлечены высшие сановники Империи. Уже на следующий день после мятежа на Сенатской площади, 15 декабря, на допросе прозвучало имя члена Гос. Совета М.М. Сперанского. Затем стало

¹⁸ Клейнмихель, Канкрин, Нессельроде, чл. Гос. Совета Перетц — это лишь имена некоторых из высших правительственных сфер во времена Государя Николая Павловича евреев.

ясно, что Сперанский был не только вовлечен в заговор, но может считаться и подстрекателем к вооруженному мятежу этих маленьких умом гвардейских офицеров, воспитанных на Бенжамине Констане, Вольтере и Руссо. Вслед за Сперанским прозвучали имена и других высокопоставленных заговорщиков: генерала А.П. Ермолова, генерала М.Ф. Орлова, Н.С. Мордвинова, начальника штаба 2-ой армии П.Д. Киселева. Все они — и эти, и те, и другие были членами масонских лож и сама организация заговора строилась по масонским же образцам. (см. Семевский В.И., ук. соч.).

В конце концов, Император принял решение оборвать следствие относительно всех высокопоставленных особ, прямо участвовавших в заговоре. Их не только не привлекали к следствию, но Государь включил Сперанского и Мордвинова в состав Высшего уголовного суда. В последующем все они, за исключением разве что Ермолова, получили награды: Сперанский и Мордвинов были пожалованы графским титулом. Сперанский же получил еще и Андреевскую звезду (1833 г.). Киселев также не остался в стороне от правительственного пирога и занимал в последующие годы министерские посты.

Был освобожден из-под следствия и получил даже «очистительный аттестат» и А.С. Грибоедов, не единственный в этом ряду участников заговора, имя которого также часто мелькало на допросах мятежников и участие которого в заговоре не вызывало сомнений. Более того, он был не только освобожден, но даже произведен сразу вслед за освобождением из-под ареста следующим чином (надворного советника) и получил «не в зачет» годовое жалованье. Следствие, подчиняясь чьей-то команде, исключало из анкет допросов арестованных вопросы, опасные для лиц, которых нужно было во что бы то ни стало освободить от суда и от обвинения вообще. Но поскольку за каждым шагом следствия лично следил Николай I, то, понятно, все это могло происходить только при наличии согласия с Его стороны или прямого приказа.

Обстоятельства следствия показывают, что изначально Царем было принято решение сознательно ограничить круг обвиняемых и ни в коем случае не доходить до корней заговора и не пытаться искоренить его в самых его основах. По каким-то причинам Царь считал это опасным для себя и Сам ограничил круг обвиняемых¹⁹. Можно не сомневаться, увидев его подлинные размеры, Государь почувствовал себя в большей опасности, чем тогда, когда выехал верхом на Сенатскую площадь утром 14 декабря, чтобы лично командовать подавлением мятежа. Несомненно также, что ни Рылеев, ни Пестель, ни кн. С.П. Трубецкой, ни прочие видимые главы восстания не были

подлинными руководителями заговора. Главная часть его простиралась не столько в сторону армейских полков и гвардейских казарм, сколько в сторону создания общественного мнения и дискредитации правительственных решений, подрыва авторитета православного духовенства и Самодержавия. И, увидев размеры заговора, Император, человек с железной волей, но вместе с тем и реалист, почувствовал себя одиноким и совершенно беззащитным перед той силой, что называется масонством, пронизавшим весь высший слой Империи. Чтобы освободить трон от масонского плена нужно было произвести подлинную революцию, на что у Царя не было ни, вероятно, реальных сил, ни желания. Ведь Сам Николай I был сформирован в тех же просветительских принципах, что и Его окружение.

С первых же шагов следствие вынуждено было отождествить все организации декабристов с масонством. И именно поэтому 21 апреля 1826 года Государь вынужден был повторить своим Указом Сенату запрет на деятельность тайных обществ на территории России. При нашем прямолинейном мышлении и плохом понимании исторических событий может возникнуть вопрос. — если правительственные сферы Империи были, в сущности, захвачены масонством, то почему масонство было дважды запрещено. (В первый раз Указом Александра I от 1 августа 1822).

Можно не сомневаться, что на самом деле в таком запрете было заинтересовано само руководство масонским орденом. Введя свою идеологию в систему образования народного, захватив органы печати, создав аппарат правительственный по своим меркам, когда не субъект, вошедший во власть, использует ее, как ему хочется, а сама власть использует чиновника в своих интересах, не было уже никакой необходимости сохранять рекламно-массовый характер масонства, делая его ответственным за правительственные решения, когда масонство грозило стать правительственной партией.

Здесь повторилось то же самое, что и в нашей стране в наше время, в 1991 г., когда партийная номенклатура распустила партию, уйдя от ответственности, но не уйдя от власти и успев «перековать» психологию народа по своим шаблонам, после чего «партия» стала просто не нужна для выполнения новых задач. Руководство масонскими ложами и орденом не могло не отдавать себе отчета и в том, что страна в целом не готова еще стать на республиканские рельсы и начать жить по нормам английской конституции. В таких условиях успех кучки заговорщиков на Сенатской площади мог не столько помочь успеху всего дела, сколько отбросить Россию еще ближе к началам Московской Руси в случае массовой реакции снизу, от православного народа, в массе живущего по нормам времен Царя Алексея Михайловича, а то и равноапостольного Владимира.

Внимательно изучая все обстоятельства следственного дела декабристов,

¹⁹ см. Нечкина М.В. Следственное дело А.С. Грибоедова: М.1982 г.; Семенова А.В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М.1982 г.

как-то невольно начинаешь предполагать наличие какого-то соглашения между Императором и руководством ордена, при котором Император оставался живым и на троне, а заговорщики из высоких сфер масонства продолжали оставаться на государственных должностях. Люди, которые оставались рядом с Царем, который хорошо знал все это — что может быть более странного и неестественного! Но ведь примерно такая же ситуация была и у Александра I с убийцами Его отца.

Относительно распространения масонства в Империи и его роли в смуте правительство и Государь получали больше количество сообщений от самых различных лиц. Интересно не только содержание этих сообщений, но реакция на эти сообщения самого Николая I. Предварительно не мешает заметить, что большинство деятелей предшествующего царствования активно выступавших против масонства было Николаем I так или иначе удалено от государственных дел. (Аракчеев, арх. Фотий, Магницкий). Среди всех сообщений о масонстве едва ли не самыми любопытными и содержательными можно считать упомянутые выше всеподданнейшие письма кн. Андрея Борисовича Голицына и Михаила Леонтьевича Магницкого, относящиеся к январю — февралю 1831 года.

Князь Андрей Борисович Голицын и его записка о масонстве в России

Письмо Государю князя А.Б. Голицына на самом деле представляло из себя обширный фолиант, «громаду», по выражению самого Николая I, частично опубликованное Шильдером, как и всеподданнейшие письма Магницкого, опубликованные им полностью под характерным названием «Два доноса». Любопытно, что в то самое время, когда сообщение о масонстве от князя А.Б. Голицына (январь 1831 г.) попало в руки адресата — Николая I, в это же самое время по своему частному делу здесь, во дворце оказался и бывший директор особой канцелярии министра полиции Яков де-Санглен, уже много лет спокойно живший в своем Клинском имении под Москвой. Его карьера закончилась еще в разгар царствования Александра I, но он, занимая длительное время такой пост, который делал его хранилищем тайн многих людей и государственных секретов, оказался в этот момент очень нужен Николаю I. Прочитав донесение кн. Голицына о распространении масонства в России, Государь вызвал на аудиенцию де-Санглена и сказал ему:

«Я испытаю вашу откровенность, у меня есть донос на всю Россию князя Андрея Борисовича Голицына. Нет пощады никому, по мнению его, я окружен изменниками, даже князь Александр Николаевич Голицын, которого я люблю. Ему доверяю я жену, детей во время моих отъездов, enfin nous nous

convenons²⁰, — прибавил Государь, — и Я должен в нем сомневаться. Вы были тогда сами действующим лицом, и об вас упомянуто. Вы можете мне объяснить все обстоятельства этого времени. Я вам отдам эти бумаги, объясните их и не затрудняйтесь моими заметками, сделанными карандашом». (Шильдер К. Два доноса в 1831 г. — «Русская Старина». 1898 г. № 12, с.521)

Санглен в своих записках пишет, что этот «донос был едва ли не на всех, окружавших покойного Государя и оставшихся при Николае I. Все были объявлены иллюминатами: кн. Александр Николаевич Голицын, Кочубей, Сперанский, и прочие. Сам Император Александр, даже митрополит Филарет без малейших доказательств.» (там же, с.522)

Любопытны заключительные слова Санглена, открывающие его позицию в этом вопросе: «Я все опровергал с надлежащими доводами и объявил доносителя фанатиком.»

Историки еще дореволюционной поры вполне выяснили вопрос о принадлежности перечисленных лиц²¹, не исключая и Александра I, к масонству, и, не исключено, что некоторые из них были причастны и к ордену баварских иллюминатов — Сперанский, например. Что касается принадлежности к масонству митрополита Филарета, то об этом уже говорилось выше (см. Сушков Н.В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского. М.1868 г.)

Таким образом, в «фанатиках» оказываются те, кто утверждал вместе с кн. А.Б. Голицыным историческую правду. И потому никаких надлежащих доводов для опровержения у Санглена быть не могло. И это он, как бывший глава тайной полиции и сам масон, прекрасно знал. Странность заключается в том, что Николай I отдал донесение князя Голицына в руки человеку, никогда не славившемуся своей честностью и преданностью престолу, не говоря уже о том, что Санглен по отцу был лютеранином и сам числился в этом вероисповедании. Не говорим о том, что Санглен был масоном и еще в 1810 году вступил в ложу Петра к Истине. Об этом Государь не мог не знать. И Он никак не мог не знать того, что Александр Николаевич Голицын, бывший министр духовных дел и просвещения, был известным мистиком и масоном. Не мог не знать Он и о масонстве и участии в нескольких неблагоприятных поступках в отношении престола и М.М. Сперанского (см. Семенова А.В., ук. соч.), которого одно время хотел даже арестовать по делу об участии его в

²⁰ Наконец, нам сделали признание (фр.)

²¹ Семевский В.И. перечисляет, например, членов Гос. Совета при Александре I, принадлежавших к масонству: кн. Петр Лопухин, кн. Куракин, адмирал Н.С. Мордвинов, гр. В.П. Кочубей, гр. Гурьев, Ланской, кн. Голицын, гр. Потоцкий, Сперанский, бар. Кампенгаузен. (Семевский В.И. Декабристы-масоны. «Минувшие годы» 1908 г. № 2, с.48).

заговоре декабристов и в прямом участии в мятеже на Сенатской площади. Не мог не знать и о том, что не менее 61 генерала сами дали подписки о том, что состояли в масонских ложах, включая и создателя III отделения и корпуса жандармов графа А.Х. Бенкендорфа, также бывшего замешанным в заговоре декабристов, как и его правой руки Л.В. Дубельта (о нем в конце этой главы).

Остается только строить предположения, что именно побудило Государя выбрать в качестве эксперта именно Санглена в этом вопросе и дать ему на отзыв донесение, направленное Ему в собственные руки и предназначенное только для глаз Государя. Возможно, таким образом Николай I демонстрировал свою лояльность ордену. Возможно. Ведь тогда, когда Государь отдал записку князя А.Б. Голицына Санглену, Он уже решил участь автора ее кн. Голицына. Все донесение князя А.Б. Голицына называлось так:

«О иллюминатстве в 1831 году.» И состояло оно из двух частей: в 1-ой части излагалась цель иллюминатства, а во второй князь переходил к обзору существования иллюминатства в России в современный период. Здесь же излагался «философский взгляд на Россию» и «политический». В конце этого труда имелось обширное «приложение» в виде выписок из подлинных актов баварских иллюминатов, в том числе устав этого баварского ордена, распростершего свои крылья над всей Европой в самое короткое время и своей скандальной славой заслонившего все другие масонские ордена. Будучи человеком основательным, князь Андрей Борисович здесь приложил для сличения с идеологией ордена выписки из лекций профессоров Петербургского университета Арсеньева и Германа, лекции известного в свое время лицейского, а затем тоже университетского профессора Куницына по естественному праву, изложение основ философии Шеллинга, столь любимого в то время нашей университетской молодежью и всеми мистиками вообще, и даже проповедь митрополита Московского Филарета. Таким образом, князь не замкнулся на чисто риторической стороне дела, как это имеет быть место иногда в наше время, не стал отделиваться звонкой «обличительной» фразой, но применил плодотворный метод идентификации и типологии идей.

Главным виновником идейного хаоса в обществе кн. А.Б. Голицын называет М.М. Сперанского, нашего отечественного Фауста. Он пишет, что «в 1808 году во время Эрфуртского конгресса, он, Сперанский, был принят в высокую степень иллюминатства, сделан провинциальным начальником и дан ему был в подмогу от главы ордена Вейгаупта иллюминат Фесслер из разстриженных католических монахов, изгнанных из Пруссии за свое превратное учение и сей Фесслер и поднесь продолжает тайные совещания.» (там же, с.526).

Этот факт могли бы подтвердить, пишет далее князь А. Голицын, Магницкий, Санглен, возглавлявший в то время тайную полицию, и дядя

автора донесения, князь Григорий Грузинский. Любопытна реакция Царя на это сообщение: «Князь Грузинский бесчестный человек и, если у кн. Голицына на все подобные свидетели, то не высокое о себе дает мнение», — пишет Государь карандашом на полях и еще замечает: «Князь Голицын забыл видно, что Магницкий под судом.»

Конечно, можно не сомневаться, перечисленные лица не были героями добродетели. Но ведь этих героев и вообще мало в этой жизни.

Но, если у Императора Николая I было такое высокое требование к своим приближенным и к моральным качествам свидетелей, то тем более странным должно представляться наличие рядом с Царем такого бесчестного человека. Иуды и интригана, не раз нарушавшего верноподданническую присягу, каким был М.М. Сперанский и которого Он сам так не любил, которому не доверял, но почему-то в 1833 году определил преподавателем к наследнику престола, будущему Императору Александру II. (см. Семенова А.В., ук. соч. ее.57, 98). Почему-то у наших царей воспитателями мы видим архимасонов, либералов, прогрессистов: то Н. Панина (у Павла I), то якобинца Лагарпа (у Александра I), то Адлерберга (у Николая I), то В.А. Жуковского и М. Сперанского (у Александра II). Кажется, в принципе, странным, что Николай I так старается, почти демонстративно, оправдать тех, кого Он сам не любил и о которых знал, что они — Иуды и предатели, и масоны. Не говорим о том соображении, что, например, философ Френсис Бэкон был плут и взяточник, но от этого ничего не теряют ни его «Новый Органон», ни «Великое восстановление наук». Если бы, вообще говоря, достоверность свидетельских показаний целиком зависела от моральных качеств свидетеля, то всякое следствие вообще потеряло бы смысл.

По свидетельству князя, с ссылкой на свидетельство Магницкого, Сперанскому поручено было «искоренять в России предрассудки, в числе коих поставлены: греко-российская Церковь, обязанности к законному престолу и к отечеству.» При этом князь Андрей Борисович напоминает, что цель ордена Иллюминатов, как она обозначена в их собственных статусах: свергать монархии, искоренять духовенство, подрывая его авторитет, и сводя на нет дворянство. Конечно, нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть этого свидетельства, касающегося конкретного факта отношений М.М. Сперанского с этим радикальным орденом. Судя по косвенным признакам, по характеру его отношений с Фесслером (см. ниже) он был членом этого ордена. Но само по себе это и не принципиально. Важно лишь, что указанные тенденции в деятельности Сперанского действительно имели место быть. Державин в своих воспоминаниях не обвиняет Сперанского в иллюминатстве, но пишет просто и без затей об этом великом государственном деятеле — бюрократе: указав, что Сперанский, будучи директором канцелярии Внутреннего министерства,

возглавляемого В.П. Кочубеем, водил последнего за нос, он замечает далее: «Сперанский совсем был предан жидам, чрез известного откупщика Перетца. которого он открытым образом считал приятелем и жил в его доме.» Конечно, это еще не значит, что Сперанский был в близких отношениях с Вейсгауптом, но тем не менее значит для оценки морального облика этого государственного деятеля не мало. И многое объясняет в его поступках. Кстати, сын этого Перетца был участником заговора декабристов.

И, если Император Николай I был возмущен этим «доносом на всю Россию князя А.Б. Голицына», а Санглен назвал мнение князя о том, что Царь окружен предателями и изменниками, фанатизмом, то сенатор, министр юстиции у Александра I, доверенное лицо Его отца, Павла I, все тот же Г.Р. Державин назвал тех же лиц. что и князь Голицын. «якобинской шайкой», целиком пропитанных «конституционным французским и польским духом». (Державин Г. Р. Записки. — Г.Р. Державин, Избранная проза. М.1984, с.220, 234). Вероятно, в душе, Государь Николай Павлович думал об этих лицах также, как Голицын и как (увидим ниже) Магницкий, и как Державин. Ведь он знал об участии в заговоре против него и генералов М.Ф. Орлова, П.Д. Киселева, А.П. Ермолова, адмирала Н.С. Мордвинова, равно и М.М. Сперанского. Другой сюжет исторически вполне проверяем. Князь указывает на одно лицо. которое должно было подрывать православную веру в самом сердце ее — в Петербургской Духовной Академии. Речь идет об упомянутом выше Фесслере, масоне высоких градусов, действительно изгнанном из католичества. Судя по всему он был евреем. Мало кто сомневается из историков масонства и в том, что Фесслер действительно был членом ордена иллюминатов, хотя сам по себе этот вопрос не принципиален. Известно, что этот ученый муж был крупнейшим реформатором масонства, введшим в последнее свою систему, названную его именем. И этот человек действительно, был приглашен профессором еврейского языка и философии в Петербургскую Духовную Академию (в 1810 г.) и именно М.М. Сперанским. Только благодаря ревности к чистоте православия рязанского епископа Феофилакта, внимательно просмотревшего конспекты лекций по философии Фесслера удалось последнего изгнать из Академии. (Он преподавал здесь с февраля по июнь 1810 г.) Хотя и то сказать, студенты были в восторге от скептического отношения этого еврействующего профессора к евангельским событиям, этого архимасона в рационалистической и пошлой упаковке, поклонника Канта, Спинозы и прочих западных философов, отвергающих божественность Христа и все догматы христианской веры. В свое время, примерно в то самое, о котором идет речь, сардинский посланник в Петербурге Жозеф де Мэстр не мог понять, как могут приглашать какого-нибудь лютеранина, а то и атеиста преподавать в учебные заведения православного государства. Он спрашивал адресата, можно ли себе представить, чтобы в католическое учебное заведение во Франции или

Италии был приглашен какой-нибудь кальвинист или лютеранин. (Мэстр, Жозеф де. Петербургские письма. 1809-1817. СПб. 1995 г.). В России в описываемое время это оказалось вполне возможным и тот же де Мэстр видел в этом факте безразличие русских верхов к вере. В данном случае с ним нельзя не согласиться. Следует напомнить, что ректором Духовной Академии позже стал будущий митрополит Филарет.

Относительно самого Александра I князь А.Б.Голицын пишет: «Я замечал сколько раз в Его Величестве наклонность к всеобщей религии, которая Его поставляла в некоторое недоверие к греко-российской Церкви. Изданием периодического «Сионского Вестника» и учением Фесслера Государь думал посеять настоящий христианский дух, вывести нечувствительно из спасительных форм нашей Церкви *внутреннее христианство* (курсив мой — В.О.) и быть орудием всех церквей». (там же. с.533).

Это все те выписки из докладной записки князя, которые вызвали резкие возражения Санглена.

Из того, что мы видим в этой записке, ничто не может считаться выдумкой, не заслуживающей внимания. Единственно, что можно поставить в минус этой записке князя Голицына, как и следующей за ней Магницкого, это быть может слишком расширительное толкование слова «иллюминат» и «иллюминизм». Это менее заметно у князя Голицына и более у Магницкого, который в сущности слово «масонство» заменяет словом «иллюминат», (см. ниже). Но и в этом расширительном употреблении этого термина, обычно относимого лишь к членам баварского международного ордена Иллюминатов, созданного в 70-е годы XVIII века Адамом Вейсгауптом, профессором Ингольштадтского университета, прожившего долгую жизнь и умершего уже в 1830 году, есть своя логика: масон есть носитель «просвещения», подлинного учения, духовный рыцарь, защищающий истину, жених вечно девственной Софии — Мудрости и пр. и пр. И в этом смысле он есть иллюминат, просветитель.

Итак. к чему же свелись возражения Якова де Санглена, то же, кстати, прожившего долгую жизнь и умершего в Москве в 1864 году, то ли на 94 году жизни, то ли на 88-м и похороненного здесь на лютеранском кладбище.

9 февраля 1831 года Санглен представил свои замечания с опровержениями на записку князя А.Б. Голицына. К чему же они сводятся? Во-первых, нигде в записке князя, пишет Санглен, не приводится доказательств. что иллюминаты существуют в России в 1831 году, хотя в заглавии это и было обещано. Во-вторых, ни из чего не видна истинность утверждения автора, что кто-то действительно хочет исказить греко-российскую веру, заводит в России ереси и стремится всячески «убивать в сердцах русских всякую любовь к отечеству, лишая народы своей национальности, нравов, здоровья, обычаев и проч. и проч. — ... но где же это делается в России, и в 1831 году. и с помощью

иллюминатов и когда это делалось?» (там же, с.531).

Последнее восклицание, действительно, самое умильное — через шесть лет после первого в России вооруженного бунта и попытки свергнуть Самодержавие, при живых и здравствующих масонах — вельможах предыдущего царствования, в год польского восстания, участие в котором польское масонство и не скрывало и которое декабристы приветствовали в своем далеке, обнаружив подлинный смысл своего «патриотизма»... В этом восклицании Санглена есть что-то даже фиглярское. Не будем говорить об униженном положении православной церкви, лишенной даже своего настоящего названия и получившей титул свой единственно, как политико-географические: греко-российская. Слово «православный» было изъято потому, что оно по смыслу своему означает «правильную», хранительницу Правды, правдивого, праведного Слова, выразительницу полноты Истины, которая есть сам Глава ее — Иисус Христос. И вот просвещенные правители православного государства решили «разжаловать» Церковь Христову, так как им было очень обидно слышать слово «православный» в отношении к нашей Церкви. Они и сами называли себя «истинными христианами», «внутренними христианами» в противность «внешней», «обрядовой», «наружной». то есть Православной.

Относительно того места, где князь А.Б. Голицын пишет об Александре I, как поклоннике соединения всех церквей и всех вер, Санглен замечает, что ведь к этому соединению всех вер в одну истинную стремится и сама греко-российская церковь. Но, утверждает он, в «наружной церкви» нет соединения религии с моралью, вот беда. В «наружной», т.е. в Православной церкви есть только обряды. Оно, это соединение, есть только во «внутренней церкви». Александр I. пишет Санглен, и желал, поэтому, именно «внутреннего христианства» своему народу, не отвергая и внешние обряды «наружной церкви», в которой есть религия, но нет морали. «Где же здесь богомерзкое учение ...?» — восклицает Санглен, признаваясь, что сам ни к какой вере не принадлежит, но есть любитель читать Евангелие.

Далее, он успокаивает Государя, безбожно и пошло лстя Его самолюбию. Вот, к примеру, князь А.Б. Голицын пишет, что иллюминаты дрожат перед русским Царем. Но «коли дрожат, так уже безвредны и иллюминатства в 1831 г. нет». И уж раз князь Голицын пишет, что достаточно лишь русскому Царю крикнуть клич: «ко мне, дети мои, наши!», как враги рассеются, то чего же опасаться и тогда «где же опасность, где зловерное иллюминатство в 1831 году?» И вот Санглен, бывший некогда правитель особенной канцелярии министра полиции, делает вывод:

«Все эти противоречия, лицепрятия заставляют меня думать, что князь Голицын только фанатик, состоящий под влиянием Магницкого, которого

наслал на Фотия, и который стремится только всплыть на поверхность производств, наград и проч. Не Государь, не отечество в виду (у него), а собственная личная польза.» (там же, с.534).

В одной этой фразе больше противоречий, чем дырок в хорошем сыре. Ведь если фанатик, одержимый, только и видящий вокруг себя врагов отечества, каких-то там смешных иллюминатов, масонов, тогда это одно состояние души — одержимость идеей-фикс. Но уже совершенно другое дело — расчетливость, карьеризм, стремление получить выгоду. У Санглена все это слито в одну кучу по принципу: лгите, лгите, что-нибудь да останется. К тому же любой москвич и петербуржец знал, что карьеру, награды, выгоды дает масонство, и что разоблачать его опасно из-за мстительности господ вольных каменщиков. Неизвестно ни одного случая в истории вообще, и России, в частности, чтобы кто-нибудь сделал карьеру на разоблачении масонства. Между тем, вместо серьезных возражений — дешевые софизмы: если бояться, значит, не опасны, а значит никаких иллюминатов и нет! Но кто же тогда боится?

Как хорошо было бы, если бы всегда было так и тогда не было бы никаких революций и кровавых потрясений. Надо заметить, что не всегда Санглен был такого мнения о масонстве. Будучи еще руководителем тайной полиции, он писал Александру I в 1813 году в записке, под заглавием «С.-Петербургские слухи, известия, новости» следующее:

«Усиливающиеся ежедневно франкмасонские ложи должныствовали бы обратить на себя внимание правительства, тем более, что люди, обязанные по местам своим иметь надзор за оными (намек, вероятно, на Вязьмитинова, управляющего министерством полиции) недовольно посвящены в мистериях ордена различных ветвей его, равно и изменений, чтобы всегда уметь искусно не только укрощать порывы подобной иерархии, но даже почерпать ту пользу (можно сказать многообразную и важную) для государства, каковую поистине из сих обществ извлечь бы можно было.» (Семевский В.И. Декабристы — масоны. — «Минувшие годы» 1908, № 2, сс. 22-23).

Не отрицая возможную опасность со стороны франкмасонства для государства, Санглен вместе с тем уверял Александра I в невозможности истребить масонство. По этому поводу он писал:

«Должно бы, кажется, избежать ошибку тех правительств, которые, пренебрегая такими обществами, полагая, что они собираются единственно, для увеселений, раскаялись в легковерии своем, но поздно.» Это «тем более нужно, что истребить сих обществ нет сил. Им можно запретить собираться в большом количестве, но тем зло лишь увеличено будет.» (там же).

Таким образом, сам же Санглен был уверен в 1813 г., что раз появившись, масонство не может быть уже истреблено и правительство может лишь вводить его деятельность в какое-то приемлемое для себя русло. Не более. Странно

после такого высказанного вполне трезвого взгляда на вещи вдруг услышать от такого сведущего человека, что в 1831 году никакого «иллюминатства», собственно, масонства, в России и нет.

Конечно, заявление Санглена о возможности правительству контролировать деятельность масонских лож представляется несколько лукавым. Ведь основная деятельность приходится на сферу образования, религиозную, идеологическую и уже лишь на заключительном этапе на собственно политическую. Не говорим и о том, что масонство в первую очередь втягивает в себя правительственные круги, становясь матрицей. его формирующей.

Заканчивается критический разбор записки князя Голицына Яковом де Сангленом самым неожиданным образом. Обвинив князя одновременно и в фанатизме и в карьеризме, он задается вопросом, а не принадлежат ли Магницкий, князь Грузинский и сам автор записки, князь А.Б.Голицын к «фанатической секте Якова Беме, родившегося в 1579 г.», так как ведь «из сей секты породилось впоследствии иллюминатство». (там же, с.531) И строкой ниже Санглен перечисляет названия сочинений Беме, по памяти! Можно отметить удивительное знание и даты рождения оракула масонства — Якова Беме, и его сочинений. Вряд ли оно случайно. И вряд ли случайно и само обвинение от человека, являвшегося специалистом в области тайных обществ, как бывшего главой тайной полиции и к тому же еще состоявшего в масонской ложе Петра к Истине, что была основана в Петербурге в 1810 году. То есть со всех сторон знатока предмета. Заметим, что Якова Беме, этого немецкого башмачника, вероятно еврейского происхождения, знатока еврейской каббалистики — это сапожник — то простой! — почитали и почитают все любители герметической, оккультной литературы. Что касается собственно иллюминатов, то эта отрасль масонства есть политическая надстройка над базовым масонством, сливающаяся в своих задачах с розенкрейцерством в вопросах влияния на печать, литературу, образование, духовенство, науку. Всего этого не мог не знать Санглен, читавший подлинные акты ордена иллюминатов и сочинения самого Вейсгаупта («Я Вейсгаупта не иначе читал, как отрывками» — с.530).

Затем он перечисляет розенкрейцеров времен предшествовавшего царствования, а именно Лабзина, Поздеева, Ленивцева и пишет, вполне справедливо, что это были последователи Беме, но при этом утверждает, что это была «просто фанатическая секта визионеров». И при этом признает, что такая секта должна быть под наблюдением, так как граница, отделяющая такую секту от иллюминатов очень тонка и «демаркационную линию соблюдать трудно.» Это последнее признание сводит на нет все предшествующие возражения Санглена князю Голицыну в смысле возможности существования иллюминатов в настоящее время, то есть в 1831 году.

В то время, как де Санглен трудился над своими возражениями «фанатику» князю Голицыну, а это происходило в первых числах февраля 1831 года, судьба самого князя была уже решена и его уже не было в Петербурге. 21 января 1831 года кн. Голицына отправляют согласно Высочайшей воле в ссылку в Кексгольм, как опасного преступника. Через неделю князь А.Б.Голицын жалуется дежурному генералу Главного штаба генерал-адъютанту Потапову на стеснения, причиняемые ему охранявшим его план-майором, что тот сопровождает его повсюду, не давая нигде остаться ему одному, даже в комнате. Правда, по некоторым свидетельствам, князя отправили в ссылку не в день объявления ему о таковой, а после прочтения его записки Сангленом. Но это сомнительно и не принципиально. Важно, что Государь принял решение задолго до вердикта Санглена. И это означает, что Николай I действительно продемонстрировал свою лояльность ордену в данном случае. Проверять искренность самого Санглена у Императора не было никакой необходимости. В тем более, что возражения самого Санглена носили исключительно формальный несерьезный риторический характер. Это был обмен мнениями между людьми, которые «все понимают», но для чего-то разыгрывают спектакль. Вернее, для кого-то. Дальнейшая судьба князя напоминает судьбу государственного преступника. Неизвестно, где жил первые пять лет ссылки А.Б. Голицын, но после вторичного обращения к Николаю I по поводу масонства, в 1835 году, III отделение, возглавляемое бывшим масоном и даже первым в России революционером А.Х. Бенкендорфом, сделало отставному генерал-майору кн. А.Б. Голицыну внушение воздержаться в дальнейшем от подобных писаний по разоблачению масонства и обязало его жить безвыездно в собственном имении, где за ним было учреждено наблюдение местной полиции. В 1836 году ему было запрещено жить везде, кроме столиц. В 1844 г. «опасный государственный преступник», князь Андрей Борисович Голицын, осмелившийся обратить внимание своего Государя и законного православного Царя на опасность, исходящую от масонства и обратившего Его внимание на собственное окружение, вновь обратился к Николаю I с просьбой снять с него это запрещение жить в столицах. Царь наложил 1-го ноября резолюцию: «В Москву, но отнюдь не сюда, ибо я не раз был им обманут.»

Такова была судьба человека, решившегося сказать правду своему Государю о масонстве. Он испытал на своей судьбе все, что теоретически было известно всем: масонство мстит своим врагам в основном клеветой, обвинениями в фанатизме, карьеризме и прочих моральных преступлениях, преследует административными мерами, разоряя и всячески дискредитируя противника. Все это узнал в полной мере князь Голицын на себе. Но странно, что орудием масонской мести выступил Самодержец Всероссийский Николай I.

А что же Яков де Санглен? Его ждала совсем другая судьба. Государь

Николай I оказался очень доволен критическими замечаниями отставного начальника тайной полиции и масона. Он сказал, что все у де Санглена обстоятельно объяснено, «все доказывается и опровергается самими происшествиями и духом того времени», (там же. с.537) Государь милостиво пожаловал бриллиантовый перстень де Санглену в две тысячи рублей и велел выдать ему еще три тысячи рублей ассигнациями на путевые издержки. В целом это было больше годового пенсионера, получаемого де Сангленом из казны. Выразитель масонских интересов, показательно, получает знаки монаршего благоволения, а разоблачитель масонства отправлен монархом в ссылку...

На этом кончается история, связанная с князем А.Б. Голицыным, умершим в глубокой старости (1790-ок.1871)

М.Л. Магницкий и его записка о масонстве Николаю I

Поскольку в своем письме Государю князь Голицын постоянно ссылался на Магницкого, проживавшего в ссылке в Ревеле, то вследствие этого Николай I потребовал от Магницкого разъяснения по поводу иллюминатов, что тот и не замедлил сделать, представив Государю обширную записку под заглавием: «Обличение всемирного заговора против алтарей и тронов, публичными событиями и юридическими актами. — О водворении иллюминатства в России.»

Эта записка представляет из себя обширное и основательное исследование вопроса о способах влияния масонства на общество и касается вопросов идеологии и культуры, (см. Два доноса в 1831 году. — Всеподданнейшие письма М. Магницкого имп. Николаю об иллюминатах. — «Русская Старина». 1899, №№ 1-3).

Начата была работа Магницким 3 февраля 1831 г. и закончена 21 февраля того же года. Прежде, чем приступить к рассмотрению этой записки, надо сказать хотя бы два слова о самом авторе — Михаиле Леонтьевиче Магницком. (23.04.1778 — 21.10.1855, по ст. ст., Одесса).

Это был в свое время блестящий молодой человек, красивой наружности, получивший очень хорошее образование, что при его умении увлекать разговором собеседников и литературных дарованиях много способствовало ему успехам по службе. Первое образование Магницкий получил в Московском благородном пансионе, что полностью гарантирует его раннюю причастность к идеям розового либерализма, европеизма и причастность к масонству. Впрочем, и отец его, Леонтий Иванович, занимавший в 1781 году должность прокурора, был членом ложи Озирис в Москве (ОР РГБ. ф.14, № 378, л.1 об.) Три года Магницкий служил в Преображенском полку, как

полагалось дворянину в те времена, а затем ушел на дипломатическую службу. В 1798 году он был прикомандирован к А.В. Суворову для ведения его переписки. С 1801 года он служит в ПОСОЛЬСТВЕ в Париже и здесь обращает на себя внимание генерала Бонапарта, будущего императора, и его супруги Жозефины. В 1803 он назначается начальником экспедиции в МИД. В 1804-1805 гг. он выполняет ряд ответственных поручений Александра I в Пскове, Вильне и др. местах. (см. Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь. М. 1994 г. «Магницкий»)

В это время он весь пропитан духом республиканским, либеральным и конституционным и этими своими качествами, кроме других, он оказался близок новому Царю. С 1810 года он статс-секретарь в Гос. совете, будучи уже действительным статским советником и в качестве директора Комиссии составления военных уставов и уложения он имеет личные доклады Императору. В эти годы он сближается с восходящим светилом российской бюрократии М.М. Сперанским. Казалось, карьера Магницкого и дальше будет восходить вверх по параболической кривой. В 1810 году Магницкий вступает в члны масонской ложи «Полярная звезда». созданной Фесслером специально для членов Комиссии составления законов, возглавляемой Сперанским.

В этой ложе с ним были и такие знаменитые впоследствии люди. как будущий министр просвещения С.С. Уваров, А.И. Тургенев — будущий директор департамента духовных дел под началом кн. А.Н. Голицына, ординарный профессор (с 1822 г.) Петербургского университета, основатель журнала «Инвалид» Пезаровиус Павел Павлович и др. Но в марте 1812 года друг Магницкого Сперанский был обвинен в измене Родине и сослан в Н. Новгород. Одновременно, в тот же самый день был арестован и Магницкий, которого сослали в Вологду. Впрочем, опала кончилась через четыре года и Магницкий снова начинает восхождение по чиновничьей лестнице. В 1817 году он назначается губернатором в Симбирск. Здесь впервые у него начинаются столкновения с масонами. Он не разрешает открыть кн. М.П. Баратаеву в Симбирске ложу, настаивая на ее полной легализации, то есть он требует, чтобы ему дали полные списки членов ложи и ее статусы. Кроме того, Магницкий объясняет. что не потерпит жестокого отношения помещиков к крестьянам. Это громогласное объявление наделало немало переполоху среди помещиков в этом тихом уголке провинциальной России. Он начинает бороться с взяточниками и фальшивомонетчиками. Надо ли говорить, что не прошло и 2 лет, как его убрали из Симбирска, а масонская ложа «Золотого Ключа к Добродетели» была, конечно, князем М.П. Баратаевым, гонителем, кстати, Мотовилова, открыта.

В дальнейшем Магницкий стал членом Главного управления училищ и попечителем Казанского учебного округа. И примерно с 1820 года Магницкий стал приобретать известность, как ревнитель благочестия — с точки зрения

людей благонамеренных, и как «реакционер», «мракобес», гонитель просвещения — с позиции либерализма и масонства.

Человек проницательный, основательно образованный в гуманитарной сфере, много повидавший, знающий практику и учение масонства не по теоретическим только выкладкам, он обратил внимание, что само преподавание философии и «естественного права» учит атеизму. И что эти дисциплины являются в сущности проявлением масонства, как определенной идеологии, в образовании. Мы не будем здесь входить во все многосложности перипетий борьбы «старого», традиционно-православного, с «новым», т.е. либерально-просветительским, как эти конфликты принято было называть в исторической литературе. Попытка Магницкого освободить наши университеты от преподавания «естественного права», а затем и от философии, провести чистку преподавательских кадров, освободив их от случайных людей, замешанных у себя на родине в какие-нибудь финансовые или политические аферы привели только к тому, что против Магницкого восстала вся «прогрессивная общественность». Конечно, его враги не преминули обвинить его и в фанатизме, и в доносительстве, и в расхищении казенных денег. Новый Царь одного за другим стал отдалять от себя и вовсе увольнять со службы всех тех, кто проявил себя во время предыдущего царствования, как противник масонства, а, следовательно, стал известен, как «фанатик» и «обскурант».

Новый Император приказал лично подвергнуть Казанский университет, где значился попечителем Магницкий, ревизии. Конечно, были найдены финансовые нарушения и недвусмысленные выводы в пользу того, что Магницкий попросту или казнокрад, или способствовал казнокрадству. Напрасно Михаил Леонтьевич пытался опровергнуть заключение этой комиссии. В мае 1826 года он был уволен от должности, на его имущество, к вящей радости масонов, был наложен арест. С этого времени, обесславленный, Магницкий, приобретя репутацию казнокрада, стал совершенно неопасным для ордена и его целей. В этом же году его под конвоем отправили в ссылку в Ревель. Только в 1834 году ему было разрешено переехать в Одессу, где он и умер. Между тем, все, чего хотел Магницкий, так это поставить дело образования в русских учебных заведениях на твердую почву православной веры и святоотеческого учения, полностью заменив им философские науки, Гегеля и Шеллинга. В связи с этим нельзя не вспомнить, что уже не раз упоминаемый нами сардинский посланник де Местр писал в одном из своих частных писем в 1812 г.: «Истинный враг России — это ее правительство и даже Сам Император, который дал соблазнить себя новейшими идеями и прежде всего германской философией, которая для России есть не что иное, как настоящий яд.» (Местр Жозеф, де, граф, ук. соч., с.217).

Магницкий разделил судьбу тех, кто пытался бороться с навязыванием

России совершенно чуждых и неподходящих ей идей, теорий и учений, которые тихо и упорно внедрялись в общественное сознание через образование, газеты и книги. И вели Россию к революции. И которые доказали свою подлинную ценность в 1917 году и последующие годы, включая и наши, когда русский народ оказался плененным еврейской олигархией, под протекторатом которой расцветает масонство. Впрочем, что же здесь удивительного: став колонией иудазированного Запада в культурно-идейном отношении, было бы странным не стать ею и в политическом отношении. Расшаркивание перед гегелями, шеллингами, преклонение перед каббалой и «всемирной культурой» не могло не привести Россию именно к этому результату.

В первой части своей записки Магницкий излагает обстоятельно историю баварских иллюминатов от первых шагов возникновения этого радикального ордена. При этом он привлекает недоступные сегодня немецкие источники того времени, включая газеты. Самым плодотворным и ценным является сам подход к проблеме с точки зрения идеологии и путей ее внедрения в общественное сознание. Выше мы уже приводили место из «правил» ордена иллюминатов. Они красноречивы и говорят за себя. Однако, надо повторить, что ничего принципиально отличного от других систем масонства в ордене иллюминатов не было. Просто так случилось, что документы ордена, речи руководителей его, письма, статуты и прочее попали в руки следствия. Более того, они были опубликованы в двух томах баварским правительством и разосланы во все европейские Дворы, но почему-то ни один из них не перевел их на язык своей страны и не опубликовал. Все монархи получили по экземпляру и постарались забыть об опасном подарке. В России тогда правила Екатерина II.

Относительно Германии Магницкий отмечал, что здесь орден иллюминатов в короткий период завладел едва ли не всей Германией и почти всей печатью, а «из европейских университетов составили они себе настоящие твердыни». («Русская Старина», 1899, № 1, с.35). Иллюминаты создали здесь многочисленные литературные общества и научные, создали свои мощные книгоиздательства. Николаи, «славный жид Мендельсон», королевский библиотекарь Бистер и советник берлинской консистории Гедике предприняли издание «Всемирной германской библиотеки» в Берлине, а в Веймаре Боде стал издавать «Всемирную литературную газету». В Веймаре же жил и трудился другой знаменитый иллюминат Гете, который действительно был членом ордена иллюминатов.²²

²² ЦХИДК, б. Особый Архив., ф.1412, оп. 1, дело 5432 — Обязательства, автобиография, генеалогия, таблицы масонов; обязательства поэта Гете и историка Гердера (автографы) от 17.02.1783 г. — В этом же фонде хранятся многие подлинные документы баварского

Магницкий обращает внимание Императора Николая Павловича на то, что масоны, иллюминаты, создали свой особенный язык, по которому и можно узнать их по печатным изданиям. Среди них особенно большое значение играют такие идеологемы, как «дух времени», «царство разума», «свобода совести», «права человека», «свобода». Все, что не удовлетворяет иллюминатов есть «фанатизм» и «обскурантизм». Впрочем, совершенно естественно, что идеология, основанная на идеях «прогресса», совершенствования рода людского и «исправления» мира, (тикун — евр.) на основах человекобожеского демонического мистицизма выдвинула и свой лексикон, заговорила своими терминами, выражающими в свернутом виде свои принципы.

Другим, весьма тонким и точным наблюдением Магницкого надо считать регистрацию факта существования в научной среде своего наукообразного иллюминизма, и именно наличия под эгидой «науки» самой обыкновенной идеологической догматики, выражающей оккультно-теософские идеи эволюционизма, вечности существования материи и самого мира и пр. Об этом он пишет ниже, в разделе, озаглавленном им «Об иллюминатстве академическом». Здесь же, в первой части Магницкий отметил проницательно, что проводящиеся регулярно в разных местах Европы всеевропейские съезды натуралистов на самом деле представляют из себя масонские европейские съезды. Недаром, пишет он, эти съезды ничего не публикуют после своего завершения и никого постороннего на эти съезды не пускают, (там же, с.35-36). Ниже, в очерке «Секреты тайных хранилищ» читатель найдет архивные документы, относящиеся уже к нашему веку, вполне подтверждающего, тем не менее, наблюдение Михаила Леонтьевича Магницкого.

После обзора немецкого иллюминатства, Магницкий переходит к России. Но, как человек основательный и хорошо знающий предмет, о котором говорит, он советует Государю Николаю Павловичу самому ознакомиться с некоторыми документами, «чтобы Вашему Величеству удобнее было обозреть сей важный предмет во всей его обширности, со всеми его ветвями и в надлежащей связи ...» (там же, с.81). Он советует ознакомиться с подлинными актами ордена иллюминатов, которые были изданы баварским правительством в двух томах и разосланы в 1786 или 87 году во все европейские дворы. «Они должны находиться в коллегии иностранных дел» — замечает он. Во-вторых, нужно было бы ознакомиться с бумагами Новикова или «так называемых мартнистов», а равно и с делом об изгнании из Московского университета профессора Мельмана, — тоже при Императрице Екатерине II. И здесь Магницкий приоткрывает одной черточкой положение Императора, находящегося в окружении «братьев». Он пишет:

ордена иллюминатов, в т.ч. уставы как за XVIII век, так и за XX-й.

«Все бумаги Новикова, по приказанию Императрицы ... захваченные в подмосковной²³, где жил тогда Новиков, находились в царствование Павла I и даже довольно долго при покойном Государе, в запечатанном ящике, под зеркальным столом в той комнате, где в Зимнем дворце собирался Государственный совет, до перевода его в так называемый Шепелевский. Многие из знающих людей сие знают: но дабы не возбудить внимания на занятие Вашего Величества сим предметом, кажется, можно достоверно осведомиться о сем ящике от камер-фурьера Бабкина, которому, сколько припомню, поручено было устройство комнат для перевода совета в новое место в 1810 г.» (там же, с.81-82)

Выше приведенные строки лучше всего показывают ту затаившуюся опасность для личности Императора, что подкарауливала Его в собственном дворце. Главное, не привлекать внимания окружающих Государя «на занятия Вашего Величества сим предметом»!

Государь должен был бояться проявить внимание к масонству! Об этом интересе Царя лучше, чтобы никто не знал. Найти надо ящик, где хранятся секретные бумаги с «делом Новикова», но как это сделать Царю незаметно? Надо спросить камер — фурьера Бабкина.

Вот положение Самого Царя в своем дворцовом окружении! Но такова была реальность. Не даром после убийства Александра II граф Н.П. Игнатьев, как мы видели выше, советовал Александру III переехать в Москву под охрану верного Ему народа.

Эти слова Магницкого, сказанные им как само собой нечто понятное и обыденное для его адресата, Самодержца Всероссийского Николая I, лучше всего подтверждают предположение о наличии некоего соглашения между Государем Николаем Павловичем и орденом, имевшим твердые позиции при дворе и в правительстве. Был некогда, в том же XIX веке, конкордат между папой римским и светской властью. Потом этот конкордат был заключен между Муссолини и папой римским уже в нашем веке. Здесь же мы можем предположительно говорить точно также о конкордате между Царем и Орденом на определенных условиях. Вероятно, такой же конкордат имеет место и во времена Александра II и Николая II.

Свою записку в разделе, посвященном уже России М.Л. Магницкий начинает с разделения иллюминатства (масонства) на: 1. Политическое, 2. Духовное, 3. Академическое и 4. Народное.

В первом разделе Магницкий описывает кратко то, что нашло себе место в исторических сочинениях по масонству более позднего времени у А.Н.Пыпина, Т.О. Соколовской, С.В. Ешевского, Г.В. Вернадского, Я.Л. Барскова и др.

²³ Село Авдотьино Бронницкого уезда.

Кратко он излагает историю расцвета масонства при Екатерине II, а затем и при Александре I. Возражать Магницкому было бы сложно, потому что большая часть его сочинения основана на личных наблюдениях, а последующие исторические исследования лишь подтвердили достоверность всего сказанного им за исключением, быть может, двух-трех небольших неточностей, по преимуществу в датах. Сюжеты, которые читатель найдет в первых очерках в этой книге в развернутом виде и составили, в сущности, содержание этой части записки проницательного и основательного Магницкого. Конечно, здесь есть и весьма ценные личные воспоминания и описание событий, случившихся с самим автором записки. Шварца, проф. Московского университета Давыдова, академика Паррота, основателя Харьковского университета Каразина Магницкий относит к иллюминатам, что трудно подтвердить, но чего никак нельзя исключить. «Сионский Вестник» Лабзина, о котором не раз шла речь выше в этой книге, Магницкий называет журналом «совершенно иллюминатским». А ведь именно на него была особенно большая подписка духовных лиц. Хотя, надо сказать, что и запрещен он был из-за возмущения духовенства и православных мирян: раскол в этом мире существовал уже тогда. Об упоминаемом выше у кн. А.Б. Голицына А.И. Фесслере, протеже Сперанского, Магницкий отзывался так:

Фесслер был человеком «с отличным умом, дарованиями и глубоким знанием наук философских, языков: латинского, греческого и еврейского, обративший все сии способы на систематическое опровержение св. Писания, для замены учения веры (православной) иллюминатским. И сей человек выписан (Сперанским) с большими издержками, для преподавания еврейского языка и обучения его в критическом разборе книг библейских и где же? — в Петербургской духовной академии! Как действия его принадлежат к иллюминатству духовному, то и будут представлены в своем месте.» («Русская Старина», 1899, № 2. с.297).

С этими утверждениями Магницкого невозможно не согласиться. Многие историки, даже из самых осторожных, между тем также уверены, что Фесслер принадлежал именно к ордену иллюминатов, хотя и создал впоследствии масонское «духовное» ответвление, известное под его именем. Магницкий не скрывает факта создания Фесслером ложи «Полярная звезда», как и факта своего членства в ней. Он рассказывает о своих личных беседах с Фесслером в кабинете М.М. Сперанского. В этих беседах, пишет Магницкий Императору Николаю, «дошло дело до систематического и уже прямого опровержения христианства». Он подробно описывает ход этих бесед. Фесслер начисто отрицал Божественность Христа и видел в Нем малоудачного волшебника. Далее рассказывается о времени губернаторства в Симбирске, о столкновениях с мастером ложи кн. М.П. Баратаевым по поводу запрещения им открывать масонам ложу здесь, в Симбирске. Не обошел Магницкий и сюжета с

Библейским обществом, в котором сам принимал самое активное участие.

В разделе «академическое иллюминатство» Магницкий критикует само устройство наших университетов. В стране самодержавной эти высшие учебные заведения имеют устройство чисто республиканское. К тому же, в одном вопросе они имеют власть, принадлежащую по праву только Царю: голосованием преподавателей они могут выбрать любое лицо в обычные профессора, что дает звание надворного советника по табелю о рангах, а, следовательно, и дворянство и право приобретать недвижимое имущество.

Иллюминатство, пишет он далее, проникает в сам язык и в оценки в исторической науке. Юлиан Отступник стал «мудрецом», древние республики, оказывается, благоденствовали, а их философы были воплощенной добродетелью, цареубийцы — титаны духа и доблестные мужи. Они убивали царей ради свободы и счастья граждан. «И молодой человек, — заключает Магницкий, — принимает сию сказку иллюминатства за историю на всю жизнь, ибо переучиваться уже ни охоты, ни времени не будет.»

Заметим, впоследствии эти «сказки» назовут марксистским подходом к истории, хотя «сказки» либеральных историков, уверенных, что человечество живет ради «прав человека», прелестей английской конституции и олигархической демократии, в условиях «прогресса» ничем не лучше. О проникновении идеологии, догматики в область научную уже было упомянуто, (см. выше «Русская правда и ересь утопизма»). Философия же, по мнению Магницкого, проповедует утонченный материализм, заменяя Творца Вселенной то вечным эфиром, то другим каким-нибудь «вечным» началом, вроде влажности. Философия боготворит природу, распространяя пантеизм, древнее языческое, оккультное учение, и отвергая тем самым догмат о св. Троице и Божественность Спасителя нашего Иисуса Хориста. В конце концов, сложился среди ученых, пишет Магницкий, «академический заговор». В учебных заведениях воспитывается поколение молодых людей, враждебных правительству и государственному строю (там же, с. 18). И это поколение так обложило правительство, что «ни один голос, ему противный, не мог к нему (т.е. правительству — В.О.) проникнуть. «Сами» уставы университетов открыли широкую дверь иноземному иллюминатству, к нам приехали такие люди, которых потом насилию выгнали, но уже с чинами ...» («Русская Старина» 1899, № 3, 602).

Не оставил Магницкий без внимания и тему проникновения в среду духовенства иллюминатства. Основную опасность он видит в проникновении философии в духовные академии. А равно и в том, что одновременно были исключены из преподавания чисто церковные дисциплины. В результате «духовенство нового духа составило уже особую касту ...»

По примеру западных церквей, у нас появились магистры и доктора, что

совершенно чуждо духу церкви.

«Вместе с тем, по мере, как усиливалось философствование нашего духовенства, ослаблялась положительность православного учения. Журнал невестской академии («Христианское чтение») вмещает многие статьи из книг методистов и сектаторов ...» (там же, с.618). Кого же готовит духовная академия, спрашивает Магницкий. Чтобы понять это наглядным образом, «надобно видеть магистров наших академий, как мне то случилось, в сердце России, среди простого селения симбирских, нижегородских или воронежских крестьян. Смело можно сказать, — заключает тему Магницкий, — что расколы усиливаются именно от того, что сие духовенство, совершенно иностранное народу, не удовлетворяет его духовной потребности, во всей простоте и доступности истинной веры отцов его.» (там же, с.618).

Если открыть газеты времен царствования уже Николая II, где-нибудь за 1911 год, к примеру, то мы увидим точно такую оценку ситуации, связанной с подготовкой ученых мужей в духовной академии. (Например, см. «Новое время» за сентябрь 1911 г., статьи М.О. Меньшикова).

Не обходит Магницкий в своей записке и значение периодической печати («Мы видели в последнюю французскую революцию силу газетчиков»), как и еврейскую тему. В 1831 году он говорит в своей записке Николаю I: «ныне капиталы всей Европы приведены уже в руки жидов ...» (там же, с.629).

Общее заключение Магницкого по рассмотрению им «академического иллюминатства», то есть масонства в высшем образовании и научном мире таково:

«При сем положении классического иллюминатства на что еще тайные общества, приемы, присяги, испытания? *Содержимая, на издивении самого правительства ложа сия, под именем просвещения* (курсив мой), образует в своем смысле от 20 до 30000 ежегодно такого нового поколения, которое через два или три года готово действовать пером и шпагою, а в течение каждого десятилетия усиливает несколькимистами тысяч тот грозный и невидимый легион иллюминатов, которого челны, действуя в его видах и совокупно и отдельно, и даже попадаясь правительству на самых злодеяниях, ничего открыть и показать не могут, ибо точно ни к какому тайному обществу не принадлежат и никаких особенных вождей не знают (такова поистине философическая история нашего мятежа 1825 г.) Каждый такой воспитанник чрез 10 или 15 лет по выходе его из университета, может предводительствовать полком или иметь влияния на дела высших государственных мест и сословий.» «Русская Старина», 1899, № 3, с.615-616).

Достаточно, примерно так говорит Магницкий, преподавать «естественное право» и «философию нравственную», приучающую молодого человека видеть в себе не падшее существо, которое искупил Спаситель, а

«совершеннейший организм», как революция будет все сильнее и сильнее стучаться в двери и в конце — концов она ворвется в Россию и разрушит ее.

Такой общий вывод можно сделать из этой части записки бывшего члена Главного училищного правления, попечителя Казанского учебного округа и бывшего симбирского губернатора, бывшего личного секретаря А.В. Суворова, действительного статского советника Михаила Леонтьевича Магницкого.

Здесь же мы видим и ответ на вопрос, почему к середине 20-х годов руководство ордена уже не было заинтересовано в массовом распространении масонских лож и пошло на их закрытие: дело масонского просвещения уже было поставлено к тому времени на поток и масонские ложи сохранялись только для ученого мира, литературного и для среднего и высшего чиновничества. И когда, к началу XX века, созрела политическая необходимость, появилось и политическое масонство, создавшее политические партии: кадет, эс-деков и эсеров.

Заканчивается записка мерами, какие следует по его мнению предпринять, чтобы предотвратить опасность. О судьбе Магницкого уже было сказано. Любопытно, что после революции 1848 года в Западной Европе Николай I запретил все-таки преподавание философии. Преподавание «естественного права» также периодически то запрещалось, то дозволялось. Понятно, не один Магницкий понимал, что это самое «естественное право» есть разновидность пантеизма, материализма и что оно совершенно отвергает все христианские начала жизни, а, следовательно, и само право Самодержца на управление Россией. Выше уже говорилось о том, что на самом деле «естественное право» есть лишь выражение учения раввинистической философии, покоящейся на каббале и Талмуде. Ибо сокровенным выражением «естества» и его законов и является Тора, еврейское учение.

Магницкий может считаться первым русским черносотенцем и судьба его сходна с черносотенцами начала XX века. Публикатор всех этих всеподданейших писем (кн. Голицына и Магницкого) Шильдер не сообщает нам, оставил ли Император Николай Павлович какие-либо заметки на записке Магницкого. Скорее всего — нет. Ничего существенного возразить автору ее Он не мог. Просто тут, в этой основательной записке, не было места для обоснованного возражения. А может не оставил Он своих заметок и потому, что эта записка Магницкого вовсе не предназначалась для показа постороннему человеку, и в душе Царь был совершенно согласен с ее содержанием. Не было необходимости демонстрировать свою лояльность ордену. Конечно, это только предположение. Не более.

Николай I был хорошим хозяином, человеком незаурядных способностей и еще более незаурядной работоспособности. В душе же он был «немцем», и большим демократом в старинном значении этого слова, и вполне отвечал

представлению о монархе, как отце нации и вожде народа. Но при всем том идеология правящего слоя Империи осталась все той же, языческой, а, следственно, и социалистической по сути, направленной на уничтожение всех национальных традиций и православно-народного уклада жизни. И потому ничего, кроме чисто административного охранения государственного порядка правительственная власть и Государь предложить не могли. И от того разложение общества, его раскол только усилились в это царствование и углубились. Университеты точно также готовили из юной поросли фанатичных последователей Фурье, Консидерана и Сен-Симона. За несколько месяцев учебы в университете, успев узнать, что материя вечна, что все организмы созданы из случайного взаимодействия магнетических сил, огня и влаги, и что в основе всего исторического процесса лежит развитие общества от дикости до состояния совершенства в далеком будущем, молодой человек напрочь утрачивал святую веру православную и становился законченным материалистом, догматиком «прогресса», узколобым фанатиком социализма, как райского состояния человечества после истребления «предрасудков». Также, как и заговор декабристов, заговор петрашевцев (1848-1849) так и не был до конца раскрыт. И, по крайней мере, из обнаруженных в ходе следствия фактов правительством не было сделано надлежащих выводов. Во главе же самого III-го отделения и корпуса жандармов стоял в это время Леонтий Дубельт, знаковая и типичная фигура российской бюрократии, — в молодости отчаянный либерал, краснобай, член масонских лож «Эммануэля» в Гамбурге, «Астреи» в Петербурге, «Соединенных славян» в Киеве, «Золотого Кольца» в Белостоке. (Соколовская Тира. Материалы по истории масонства в прежней Русской армии. Список масонов в русской армии составленный по их собственным подпискам в 1822 году. — «Русская Старина» 1907 г. № 6-9).

Дело, конечно, не в злой воле Леонтия Дубельта, который, в сущности, был человеком добрым и отзывчивым, а в идеологии правящего слоя Империи.

Эта общая характеристика если не всего правящего слоя, то наиболее влиятельной его части уже была дана в записках графа Николая Павловича Муравьева. В стране, несомненно, были вполне здоровые силы, способные поддержать трон и укрепить престол царский. Были эти силы и в среде высшего чиновничества. По крайней мере, и левизна имеет свою протяженность слева направо, как и правость имеет свои левые границы. Примером сказанного могут служить сами личности кн. А.Б. Голицына, М.Л. Магницкого, гр. Н.П. Игнатьева, М.Н. Муравьева-Вилenskого и многих других. Собственно, записка Магницкого показывает нам самого Магницкого, как человека, чьи воззрения и верования претерпели значительные изменения в смысле поправки и сдвига их в сторону идей истинного монархизма, то есть Самодержавия и опоры на православную веру. Такие изменения происходили не только с Магницким. После безобразий 1905 года даже вчерашние либералы

и демократы становились махровыми черносотенцами и антисемитами, т.е. контрреволюционерами. Так стало, например, с известным художником Куинджи, с Нестеровым, с В.М. Васнецовым и многими учеными. Зачастую людям необходимо воочию убедиться в ложности собственных убеждений. Именно так происходило с русскими (по крови и духу) людьми, поверившими в человеколюбие «гуманизма» и «демократии», пока террор и еврейские боевики не доказали обратного.

Через 60 лет после смерти Императора Николая Павловича на русской земле будет установлена диктатура местечковых бронштейнов и апфельбаумов, по-просту местечковых евреев на всех уровнях власти. Что касается самих записок князя А.Б. Голицына и М.Л. Магницкого, то они показывают, что и в те отдаленные времена жили люди, вполне понимавшие суть масонства, его проявления в общественной, культурной и политической сферах. То, что из этих записок не было сделано никаких практических выводов, может означать две вещи: во-первых, то, что сам Николай I по воспитанию и образованию был человеком исключительно светским, западником и «немцем». А, во-вторых, то, что он чувствовал себя плененным в своем Зимнем дворце своим собственным окружением. В 1905 году в Москве был в ходу рисунок, на котором был изображен Николай II в клетке, которую в руках держит С.Ю. Витте, о масонстве которого много писали правые газеты. На эту тему тогда писали даже газеты и сочинялись куплеты. И это мнение было общим. Но вероятно, такое пленение русских Царей наступило раньше.

Глава пятая. МАСОНСТВО и НИКОЛАЙ II.

Масонство в дореволюционной России пережило два периода расцвета своей деятельности. Первый этап — это эпоха царствования Екатерины II и Александра I. Второй этап — это время царствования Николая II. Масонство выходит в это время из полумрака чиновничьих канцелярий департаментов и учено-литературных обществ на политическую арену, почувствовав наступление для себя благоприятного времени. По городам России открываются десятки масонских лож, а эмиссары масонства разъезжают по стране, вступают в контакты с заграничными масонскими центрами, по преимуществу с Великим Востоком Франции, организуют политические, оппозиционные режиму силы. Масонство выступает под ширмой политических партий левого толка и умеренно левого, включая в свои ряды тех, кто называет себя кадетами, октябристами, прогрессистами, националистами, трудовиками, эсерами и социал-демократами. Осведомленная полиция «освещает» эту тему,

и доносит по инстанции о происходящем в стране возрождении масонских лож. Сверху — никакой реакции, ни от Царя, ни от правительства, хотя по закону масонство продолжает быть под запретом. Газеты регулярно сообщают и об открытии в России там или здесь масонских лож, часто пользуясь сообщениями западноевропейских газет и журналов, поскольку в Англии и Франции масонство было легализовано и имело многочисленные периодические органы печати.

С 1905 года в России начинают выходить масонские журналы, вроде «Ребуса», «Изиды», «Теософского Вестника» и других, и печатаются то там, то здесь приглашения вступать в ложи и следуют контактные адреса, куда желающие могут обращаться. Полиция на уровне начальников охранных отделений периодически сообщает наверх, что никаких явных следов масонских лож не обнаружено. Другие же сообщения по полицейскому же ведомству свидетельствуют об обратном: «На деле оказалось, что среди русских масонов действовало полицейское око.» (Гр. Аронсон. Масоны в русской политике).

В 1909 году член Государственной Думы Г.А.

Шечков из правой фракции выпускает в свет книгу «Масонство в Государственной Думе», которой предшествовал целый ряд его же статей в периодике. Выходят и многие другие работы по этой же теме правых авторов с указанием имен и соответствующими ссылками на масонские же источники. Эта литература, как «черносотенная», проходит совершенно, как бы, незамеченной правительством и Государем. В то же время мы знаем из многих источников, что Николай II интересовался этой темой и получал по ней информацию.

Что касается Государственной Думы, то здесь создается специальная думская ложа, которая постепенно втягивает в себя представителей самых различных фракций и тем самым приобретает значение дирижерского центра. Таким образом, в системе управления страной появляется масонство, как влиятельная политическая сила, для которой создание и укрепление волей Императора представительного правления в виде Думы и становится просто необходимым для осуществления своих планов по превращению России в республику с доминированием в ее жизни либерально-иудейских идеалов и с предоставлением активной части еврейства доминирующего положения. С появлением Думы масонство получает в свои руки общероссийскую легальную трибуну, кафедру.

Объективно говоря, все эти годы так называемой «думской монархии» правительство и Государь имели дело исключительно с масонством, прикрытым ширмой «передовой общественности», и выражавшим себя на политической арене в виде политических партий всевозможных левых

направлений и даже партий центра. Об этом Государь не мог не знать, ибо об этом писала вся правая пресса и сообщала полиция. Точно также, объективно говоря, и не задаваясь пока вопросом о личном отношении Государя и высших чинов Империи к ордену вольных каменщиков, в марте 1917 года Николай II передал власть масонскому ордену, представленному думской масонской ложей. Передал, несмотря на то, что никакого решения по вопросу о государственном устройстве России Дума вообще не обсуждала и никакого решения на этот счет не принимала, что было хорошо известно и Государю. Строго говоря, призвав благословение Божье в приказе по армии от 8 марта 1917 года на дела Временного Правительства и указав на необходимость своим бывшим теперь уже подданным, во всем подчиниться этому правительству, Государь тем самым придал легитимный характер масонскому ордену и отдал ему всю власть над Россией.

Мы еще только отмечаем совершенно объективные факты истории, задаваясь в сущности риторическим вопросом, — знал ли что о масонстве Государь и знал ли Он о думской масонской ложе, которая определяла все решения в III и IV Государственной Думе. Знал ли Он, например, что вся эта «общественность» в виде Союза Земств и Городов, возглавляемая кадетами, есть в сущности просто светское название ордена вольных каменщиков, вышедшим благодаря Его либеральной политике и внедрению в жизнь страны Государственной Думы, на широкую арену политической борьбы. Ведь вне Государственной Думы и системы политических партий масонство могло бы оставаться культурно-просветительской оккультно-теософской организацией для «творческой интеллигенции» и чиновников министерств и департаментов. Зная о той огромной роли, которую сыграло масонство в революционном движении и в февральском перевороте было бы странно не задаться вопросом, что именно знал в этом отношении Государь и имел ли Он сам какое-либо отношение к этой организации. Понятно, как глава Государства Он не мог не знать о том, о чем писали все газеты того времени, о чем Ему доносили высшие полицейские чины, о чем Ему писал русский посол во Франции, или министр иностранных дел, о чем Ему говорили его собственные родственники.

Более того, мы знаем, что Государь очень интересовался масонством и многие ведомства, не только Департамент полиции, собирали сведения о масонстве в Европе. Но даже не предпринимая ответа на вопрос, имеющий принципиальное значение, странно само по себе уже то, что сам вопрос историками вовсе не ставится, — ни историками либеральными, вчерашними советскими, ни теми, кто относит себя к монархистам. В этой среде, подчиняясь нынешней политической и не очень понятной пока конъюнктуре, активно создается образ непогрешимого «святого царя», все знавшего, все видевшего, но не могущего ничего сделать, чтобы предотвратить катастрофу, потому что народ весь поголовно «озверел». Утверждается, что монархистов

рядом с Государем не было, и Он, брошенный всеми, окруженными изменниками ... и так далее. Это создаваемый историками — публицистами из неясно мотивированных для нас побуждений, образ «святого царя», все знающего, все видящего и за всех страдающего, был создан как раз розенкрейцерской литературой. В книге Сен-Мартена «О заблуждениях и истине» целая глава посвящена как раз образу «святого царя». Та же модель этого образа, созвучная горьковскому Данко, используется в книге оккультиста Э. Шюре «Великие посвященные». Ее осуществление в нашей стране мы видели в культе Сталина при жизни этого маленького и хитрого то ли грузина, то ли кавказского еврея. В масонской легенде, являющейся чем-то вроде объяснительного мифа, эта тема связана с образом Хирама, великого Мастера, строителя храма Соломона, храма светлого будущего, и павшего жертвой злобы, измены и корысти.

В целом, получается странная картина, рисуемая историками и публицистами. С одной стороны расцвет масонства, вышедшего на политическую арену и сыгравшего решающую роль в событиях последнего десятилетия царской России, с другой — мы видим историю политических партий без всякого упоминания о масонстве, как факторе несущественном и с полным игнорированием сообщений как раз тех самых лиц — кадет, эсеров и левых октябристов, которые сами же свидетельствовали о значительной роли масонства. С третьей стороны, мы видим описание деятельности правительства России с забвением, однако того элементарного факта, что это не вообще было правительство, Столыпина или Коковцова, или, ранее того, Витте, а правительство Его императорского Величества, в котором каждый министр назначался только Царем и по Его же усмотрению снимался с должности.

Что касается самого Государя Николая II, то Его образ точно так же двоится. Некоторые историки — публицисты, мешая историю с богословием рисуют Его, как человека, отрешенного от мирских забот, исключительно преданного делам православной веры и к политической жизни страны не имеющего никакого отношения. Все его действия в качестве главы государства правильны, потому что он посланник Божий, а, следовательно, уже не Он от Себя действовал, а Сам Бог. Эта совершенно мистико-сектантская, духоборская, точка зрения активно выдается, что крайне печально, за православную точку зрения на Царя, как помазанника Божия ... и потому безгрешного! Эта точка зрения присуща, однако, была как раз мистикам — каббалистам еще александровых времен, о чем писалось уже выше. Нелепо было бы долго и подробно полемизировать с этой точкой зрения, но упомянуть о ней имеет смысл в том плане, что розенкрейцерство в наше время живет и цветет, как и во времена далекого прошлого нашей страны и также, как во времена Лабзина, проф.Ф.А.Голубинского, Вл. Соловьева активно

прикрывается ссылками на истинное православие, а работы светские и публицистические обильно уснащаются ... текстом молитв!

В этом образе «святого царя», все знающего и все видящего, и который авторами вписывается в лучших традициях розенкрейцерства, в псевдоправославное понимание святости, есть, однако слишком много серьезных пробелов, чтобы можно было этим мифом удовлетвориться. Во-первых, объективно, Царь своими решениями в либеральном духе помогал быстрой трагической развязке, а не просто пассивно за ней наблюдал. Помогал, действуя, объективно говоря, именно масонскому ордену и всем левым силам в их стремлениях покончить с Самодержавием. Во-вторых, что не менее существенно, решительно не соблюдал церковных канонов, запрещающих вторжение светской власти во внутреннее управление Церковью, и ни при одном царствовании, исключая разве времена Петра I и бироновщину, не было такого бесцеремонного вмешательства царской власти в дела Церкви и унижения иерархов. Ниже мы остановимся на этом вопросе. Далее, не секрет, что замечательные иерархи и святые подвижники Церкви оказались именно в это царствование в той или иной мере гонимыми от царской четы, Николая II и Его супруги. Кроме того, мы не знаем кому верить в этом вопросе, — праведному ли Иоанну Кронштадтскому, осудившего политику Царя в 1905 году, Льву Тихомирову, слова которого, соответствующие теме, приведены будут ниже, другим ли русским людям, верным престолу и отечеству и своей мученической кровью удостоверившими свою верность Церкви и долгу верноподданных, или же современным конъюнктурным монархистам (призыва 1991 года), всю жизнь просидевших в коммунистической номенклатуре или в сексотах.

Далее, даже если отвергнуть все эти доводы, то остается еще один, но уж совершенно неразрешимый даже в рамках адептов мифа о «непогрешимом царе». Дело в том, что Сам Николай II достаточно часто менял свои мнения и признавал ошибочность своих решений. Он был уверен, что народ у нас хороший, что все будет хорошо, что война с Германией кончится нашей победой и так далее. Кроме того, уж совершенно не знаешь, что делать с благословениями масонскому Временному правительству со стороны Государя. После Его отречения. И как быть с церковными канонами попираемыми. Или с политикой потакания «плюрализму» в печати, благодаря которому пропаганда атеизма шла в стране самым широким потоком. Таким образом, чтобы поверить в этот миф непогрешимого Царя, нужно отказаться от Церковного учения, отпасть от самой Церкви, впасть в ересь духоборства, а заодно отказаться от дара Божия — собственной способности логически мыслить. Но это дорогая цена для дешевой сказки. Все эти и другие аспекты мы затронем ниже. Но совершенно очевидно, что ничего случайного в жизни не бывает и что отступничество носителей Верховной власти от своего долга

— явление не исключительное в истории даже одной России: в сущности, весь петербургский период — тому самое наглядное свидетельство.

Рядом с этим образом Николая II на страницах исторических работ живет другой Государь, который руководит реально политическими процессами, внутренней и внешней политикой, подписывает указы и манифесты, вводящие в жизнь страны либеральные «свободы» и протестантские нормы «веротерпимости» и свободы религиозной пропаганды любой конфессии, и даже атеизма. Этот Николай II, реальный, фаталист и потому розовый оптимист, выражает веру в свой народ, нигде не говорит о его озверении, но наоборот, постоянно утверждает, что еще немного, еще чуть-чуть, победа будет достигнута, процветание не за горами, и «солнце правды» взойдет над Россией. Этот Николай II оказывается живым человеком, не чуждым житейских радостей культурного интеллигента, любящего театр, оперу и балет, читающего романы и газеты. Этот реальный Николай II часто Сам жалеет о том или ином своем решении, Сам называет его ошибочным и умеет переживать, сомневаться и заблуждаться. Это — живая правда.

Но в нашей исторической литературе, далекой от реальности, возникло много образов Государя Николая Александровича и много вообще «историй», так, словно мы имели несколько России и несколько государей под именем одним и тем же — Николай II.

Мы же, люди с одной головой, имеющие одну Россию с одной историей не можем позволить себе роскоши впасть в шизофрению, в состояние расщепления ума и воли и отказываться от здравого смысла и очевидной логики, как бесценного дара Божия, и ради идеологических клише, следовать всем этим псевдоисторическим картинам нашего вчерашнего прошлого, вечно с нами пребывающего в нашем сердце и в нашей памяти.

Из соображений, выше высказанных, мы не можем не задаться самым обычным и вытекающим из всей логики политической и религиозной жизни России предреволюционного прошлого вопросом, имел ли глава государства Российского, Государь Николай II какое-либо отношение к масонству. Знал ли Он о его существовании, имел ли сообщения о нем, разделял ли его идеологию, или ничего не знал, ни о чем не ведал, никакого отношения и ни с какой стороны к масонству не имел. Жил вне всего потока информации о масонстве и политически был близорук и невежественен. Если мы увидим, что Государь о масонстве знал, знал о думской ложе, и знал о том, что лидеры кадет являются в сущности представителями руководящего органа не только масонства, но и политической жизни страны, то мы вправе задать вопрос, как же Он реагировал на существование запрещенной и враждебной христианству и церкви православной организации. Он — «верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, блюститель правоверия». Вообще, в этом случае, нам

придется пересмотреть многие из своих представлений о том времени и изменить создаваемый историками и публицистами образ последнего Царя. Но только проделав всю эту работу, мы, возможно, поймем и то, почему так много наша пресса и телевидение, а равно и так называемые монархисты свежеприготовленные из коммунистической выпечки и с явным розенкрейцерским духом ведут такую шумную кампанию вокруг имени Николая II и связанных с этим именем всевозможных акций. Причем все это на самом высоком уровне, правительственном. Почему вдруг даже кабинеты разных гусинских и березовских, вдруг украсились портретами последнего русского Царя. Очевидно, эти кабинеты никогда не украсились бы портретом черносотенного деятеля.

Итак, существуют ли какие-либо факты, которые помогли бы нам решить вопрос о возможном масонстве самого Николая II. При этом, оговоримся сразу, что речь идет в равной мере не только о том, был ли Николай II на всем протяжении своего царствования посетителем масонской ложи, но и о том, что, будучи масоном, он мог находиться в «уснувшем» состоянии, то есть не посещать или посещать редко масонские ложи. Вопрос о деятельном участии или пассивном в жизни масонской ложи — вопрос в значительной мере технический. Важно лишь знать, что и в том и в другом случае человек остается масоном и в следствии того, что посвящение в каменщики происходит на всю жизнь, особенно в высоких градусах и имеет глубоко мистическое значение, и то, что все мировоззрение, все верования приобретают в таком случае характерные особенности, которые, конечно, сказываются и в политической деятельности, и в отношении к Церкви.

Итак, какими данными мы располагаем для решения вопроса?

Эти данные, в целом, можно разбить на несколько категорий. Во-первых, это непосредственные указания на пребывание Николая II в годы до 1905-го в масонской ложе «Крест и Звезда», созданной во второй половине девяностых годов в Зимнем дворце и в Царском Селе. Этот факт пребывания в масонской ложе молодого Николая II связан с именами двух французов, а скорее всего, французских евреев — Филиппа Вашода и Папюса. Относительно этих обеих персонажей масонства у историков не возникает никаких сомнений как в их реальности вообще, так и в реальности их близких отношений к царской чете в первое десятилетие царствования Николая II. Многочисленные мемуары лиц, близких к Царю, Его родственников и видных политических деятелей постоянно упоминают и о Филиппе и о Папюсе, главы Ордена мартинистов.

Другим признаком, помогающим решить интересующий нас вопрос, является наличие среди доверенных лиц Государя, его близких родственников активных деятелей масонства и при том высоких градусов.

Их близость к Царю, доверие которым они пользовались с Его стороны не

может не наводить на определенные размышления. Как и не ставить, в свою очередь, вопроса о том, почему именно им Он оказывал такое зачастую неоправданное их деловыми качествами доверие в делах государственных. Собственно говоря, уже только один этот признак вне рассмотрения других дает все основания предполагать, по крайней мере, наличие симпатии к масонству со стороны Николая II. В сочетании же с вышеприведенными свидетельствами о ложе «Крест и Звезда» и об участии царской четы в сеансах спиритизма, проводимых вышеназванными Филиппом и Папюсом, этот факт близости к своим родственникам — масонам приобретает для нас почти доказательное звучание. Далее, мы можем обратить внимание на членство в масонстве тех лиц, которым Государь поручал высокие посты в правительстве. Здесь наши сведения носят отрывочный характер, но при вдумчивом рассмотрении служебной практики среди высшей бюрократии иметь дело только со «своими» и приняв во внимание тот узкий круг лиц, из которых формировалось правительство Царем, мы и здесь можем многое почерпнуть. Косвенным, но важнейшим признаком, является само направление всей внутренней и внешней политики правительства, формируемого и направляемого Царем. Некоторые черты этой политики имеют принципиальное значение в решении нашей проблемы. Создание Думы, режима политической борьбы партий, самоограничение Своей власти, все возраставшее с годами, отталкивание от Себя правых политических деятелей, в том числе из числа высшей бюрократии, игнорирование полное правой и многочисленной фракции в Думе и в Государственном Совете, политика плюрализма в печати, создание климата наибольшего благоприятствования для деятельности масонских лож, ущемление Церкви и православия в целом (напр. указ от 17 апреля 1905 года об «укреплении основ веротерпимости»), неуклонное укрепление своими решениями авторитета Думской оппозиции — все это также не может быть вне нашего осмысления и не дать основание принять за неизбежное вывод о совершенно определенной причастности Царя к масонству. В противном случае нам придется отказаться не только от этого вывода, но и от самой способности здраво и логически мыслить, но это уже и само по себе есть кощунство, ибо это есть отказ от дара Божия.

Прежде, чем перейти к более подробному рассмотрению вопроса по отдельным пунктам, нельзя не заметить, что вопрос о членстве в масонском ордене Николая II, а, следовательно, и Его супруги не имеет решительно никакого отношения к вопросу о канонизации Николая II и Его семьи. Эти вопросы исключительно в компетенции Церкви. Кроме того, надо сказать и то, что православное воззрение на святость коренным образом отличается от такового у иудеев и язычников. Святость, это вовсе не безгрешность, а предполагает победу над грехом, как и безграничную милость Божию. Жития святых сообщают нам о причислении к сонму святых мучеников тех, кто

христианином-то был всего каких-нибудь несколько если не минут, то, по крайней мере, одного — двух часов. В первые века христианства зачастую от обращения в христианство до казни за исповедание Христа проходили считанные мгновения. С другой стороны, мы знаем, что святой благоверный князь Александр Невский беспощадно рубил головы и отрезал уши у православных новгородцев, когда те не хотели подчиниться власти татаро-монгол.

Православный взгляд на вещи — это в первую очередь взгляд трезвый и бережный в отношении исторической правды, и он исходит из того, что история дана нам Господом для нашего научения, а не для суда над нелюбимыми и восхваления своих кумиров.

Итак, вопрос о масонстве Николая II может быть решен по нескольким сюжетным линиям.

I. Многочисленные мемуарные свидетельства, донесения Департамента полиции, письма Императрицы Александры Федоровны, свидетельствующие о близости к царской чете в конце 1890-х и начале 1900-х годов французов или евреев, как считают некоторые исследователи, Филиппа Вашода из Лиона и известного главы международного ордена мартинистов Папюса Энкосса.

Первый, Филипп, по этим свидетельствам, основал в конце 90-х годов сначала в Зимнем дворце, затем в Царском Селе масонскую ложу «Крест и Звезда», предназначенную специально для придворных ближайшего окружения Царя, ложу, членом которой был и сам молодой Государь Николай II. Царица Александра Федоровна в более поздние годы в своих письмах супругу упоминает «нашего друга месье Филиппа» (например, письмо от 14 декабря 1916 г.). Этот Филипп, по некоторым свидетельствам, получил по указанию Царя диплом доктора медицины и звание действительного, статского советника, (см. Витте С.Ю. Воспоминания, т. 2, с. 269, 274...)

Об увлечении оккультным мистицизмом молодой царской четы упоминают практически все приближенные Царя, оставившие свои воспоминания, например А.А. Мосолов, начальник канцелярии Министерства Двора²⁴.

Также известно о близости к царской чете и доктора Папюса, главы ордена мартинистов, автора многих произведений по магии, оккультизму и масонству. Его произведения беспрепятственно выходили в Санкт-Петербурге в предреволюционный период. Считается, что Филипп действовал по поручению Папюса.

II. О пребывании в масонстве Государя Николая II говорят и сами масонские источники, не предназначенные к широкой публикации. В том числе об этом говорят статьи масона Кандаурова (ЦХИДК, фонд 730, оп. 1).

²⁴ См. «Комментарии к источникам V главы» ниже.

III. Ближайшее родственное окружение Николая II и несомненная принадлежность к масонству его доверенных в этой среде лиц. В первую очередь это вел. князь Николай Николаевич, авторитет которого сыграл такую роковую роль и в издании Манифеста 17 октября 1905 года, которым, в сущности, было ликвидировано Самодержавие, и в принятии решения об отречении от престола. О масонстве вел. князя Николая Николаевича и его увлечении оккультизмом хорошо известно по многим источникам. Среди других доверенных лиц в этой среде — вел. князь Александр Михайлович, многолетний друг Николая II с самого детства, который, как и все Михайловичи, был деятельным масоном высоких градусов и который совершенно не скрывал с самой юности своих антицерковных взглядов, ярко выраженных им в его воспоминаниях.

К этому надо добавить, что этот родственник и друг Царя был, согласно авторитетному в этих вопросах Витте, по матери евреем. Духовно близки к Царю были и другие Михайловичи, как, например, историк Николай Михайлович, член французских масонских лож самых высоких градусов. Известно, что с ними Николай II беседовал и о масонстве (Соловьев О.Ф., «Русское масонство», ее. 167, 175, 184, 209).

IV. Влияние масонской идеологии на внешнюю и внутреннюю политику Государя Николая II. Это влияние усматривается многими авторами по масонским же источникам:

а) в инициативе Николая II по созданию международного третейского суда в Гааге и в других мирных инициативах правительства Николая II по ограничению вооружений (1898-1899 гг.), положивших начало созданию Лиги наций, а затем ООН. Отсюда — признание со стороны этой масонской международной организации авторитета Николая II как одного из своих основателей. Факт хорошо известный. (См. Комментарии к источникам, VI.).

б) в приверженности Государя Николая Александровича к франко-русскому союзу, вовлекшему Россию в мировую войну, и в приверженности к этому союзу и во время войны, при всей ее бессмысленности и преступности, так как никаких взаимных претензий между Германией и Россией не было, и лояльность франко-русскому союзу была единственной причиной гибели миллионов русских людей на фронтах мировой войны. Эта лояльность союзу сказалась и в тексте отречения от престола. Известно, что именно либерально-масонская кадетская среда более всего и создавала тот общественный климат такой лояльности, который и стал причиной этой войны, а затем создал предпосылки для февральского переворота.

в) приверженность франко-русскому союзу с 90-х годов открыла широкую дорогу французскому масонству в Россию на высшем правительственном уровне, так как состав правительства Франции полностью совпадал с составом

Великого Востока Франции, высшего руководящего органа французского масонства. (См. Комментар. XII, д). Отсюда следует, что Николай II имел сведения о масонстве из первых рук, минуя Департамент полиции и дипломатические источники.

г) идеология царствования Николая II во внутренней политике отражает характерные моменты либерально-масонской идеологии: манифесты 26 февраля 1903, 12 декабря 1904, 17 апреля 1905 и другие провозглашают свободу слова, печати, идеалы «веротерпимости», расширение прав евреев и опору на «общественность». Манифест 17 октября — демократические свободы и ограничение Самодержавия, введение в стране принципов парламентаризма и партийной борьбы, свободу собраний, митингов и шествий. В дальнейшем странное желание Царя во что бы то ни стало утверждать рядом с престолом авторитет Гос. Думы, стремление Царя поделить свою власть с шайкой бандитов, уголовников. в том числе кавказских, демагогами и болтунами (1-я и 2-я Думы) и с масонскими Думами 3-го и 4-го созывов. О масонстве этих Дум, в том числе с перечислением поименно депутатов, широко писали центральные русские газеты, такие, как, например, «Новое время», которое Николай II регулярно читал, «Утро» и другие, не говоря о правых органах печати. К тому же в 1909 году вышла отдельным изданием книга Г.А. Шечкова «Масонство в Государственной Думе».

д) приверженность либеральному образу мысли сказалась в кадровой политике Государя Николая II: выбор министров из либеральной, юдофильской среды (например, В.Н. Коковцев); постепенное сближение Государя с левыми думскими кругами, особенно в последние два-три года; удаление министров более или менее правых взглядов, неугодных Думе; регулярные уступки давлению левых «общественных», то есть масонских, кругов, в кадровой же политике и других вопросах. Сюда же надо отнести и широкое финансирование из государственной казны лево-масонских т.н. «общественных организаций» во время войны, которые вели широкую антимонархическую пропаганду в стране и морально разлагали фронт — за государственный счет.

В эту же тему следует включить и полное отчуждение Самодержца Всероссийского от преданных Ему монархических кругов, что, в частности, сказалось и в отказе принять депутацию монархистов различных городов с поднесением Ему иконы Божьей Матери (1915 год), и в отказе в материальной помощи патриотической пропаганде в войсках и в тылу. Впрочем, еще и в 1912 г. Государь демонстративно отказался принять депутацию правой фракции 3-й Гос. Думы, заявив, что политические воззрения Его подданных Ему безразличны. (См. Родзянко. Воспоминания. Архив Русской Революции, т. 17).

е) согласие на отречение и сам текст отречения («в согласии с

Государственной Думой сочли Мы за благо...»), особенно же в том месте отречения, где Государь указывает своему наследнику вел. кн. Михаилу, править исключительно на основах демократических и конституционных и тем отрывается не только от престола, но и от самого принципа Самодержавия.

Акт этот не был вынужденным, ибо он был повторен в приказе по армии от 8 марта. Объясняясь с вел. кн. Александром Михайловичем, бывший Царь сказал ему, что Его отречение было Им продумано и Он уверен в его необходимости для блага армии и России. (Вел. князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний; с. 228). О вынужденности отречения Царь не говорил никогда, но говорил задолго до революции о желании отречься от престола. (См. Комментарии VIII. XIII, б.).

V. Отношение политики правительства Его императорского Величества Николая II к деятельности масонских лож: исключительно благоприятное, сравнимое лишь с временами Александра I. Правительство имело многочисленные свидетельства такой деятельности и имело даже своих осведомителей в этой среде, но не было ни одного случая судебного или полицейского преследования за принадлежность к масонскому сообществу. Факт сам по себе показательный. Расцвет пропаганды масонских идей в легальной печати падает как раз на время царствования Николая II. С разрешения правительства и при несомненной осведомленности Николая II издаются многочисленные масонские журналы и теософские. Печатаются объявления, призывающие желающих вступать в масонские ложи. Читаются апологетические лекции и выходит многочисленная литература по истории масонства в исключительно благоприятных для последнего тонах. Правительство Столыпина и Коковцева разрешает на территории России деятельность более двадцати международных масонских организаций, ведущих пропаганду идей либеральных, и в том числе пацифистских («Лига образования», «Лига мира», «Международное Теософское общество» и другие). Все они получают разрешение не только от премьер-министров, но эти решения утверждаются Государем. Об их деятельности хорошо известно из печати, которая рекламирует эти сообщества. Сведения о масонстве собираются в различных центральных правительственных ведомствах, таких, как МИД, министерство финансов, и, конечно, МВД. Сам Государь Николай II получает, кроме сообщений из этих ведомств, и непосредственно письма от масонских лож, в том числе розенкрейцеров (ЦГИАЛ СССР, ф.157, д.390, лл. 35-42. На бланке: «Орден Розенкрейцеров. Ложа Мезори»: «Например, нам вполне понятен интерес Вашего Величества к оккультной науке, как основе религиозно-философского мирозерцания, потому что мы и сами бесконечно служим этому учению». Здесь же упоминается мартинист «Филипп» в неодобрительном тоне. — л.39). Последнее могло бы быть возможным только в том случае, если получатель, Николай II был сам членом ложи. (Подробнее в

Комментариях XI)

По совокупности сказанного, а также учитывая всю атмосферу двора, его увлечение оккультизмом со времен Александра I, поощрение правительственных сфер пропаганде в стране материалистических и атеистических идей, как в печати так и во всей системе народного образования, надо признать, как факт более, чем вероятный, что Николай II, как и Александра Федоровна, не только состояли в масонской ложе, быть может в «уснувшем» состоянии, вне обязательных обрядов, но и не могли там не состоять. Промасонские симпатии их очевидны.

VI. Еще одно обстоятельство, мало учитываемое, но важное: все русские императрицы, жены царей, были немецкими принцессами, а масонство в Германии уже с XVIII века захватило все монархические дворы этой страны, и в масонстве состояли все знатные особы Германии. Соответственно, и все образование и воспитание в немецкой аристократической среде и при Дворах велось исключительно в русле масонского просветительства. Это факт достаточно известный. (См. «Масонство в его прошлом и настоящем», статья «Масонство в Германии»).

Между тем, именно конституционных стремлений молодой императрицы Александры Федоровны опасались больше всего многие из монархистов, так как она воспитывалась при английском дворе, будучи немкой²⁵. Но масонство английских монархов и других владетельных особ Англии шло еще с XVI века, а, может быть, и раньше, и является фактом не скрываемым. Отсюда такая нелюбовь императрицы Александры Федоровны к духовенству, Русской Церкви, поддержка политики Царя по утверждению парламентского строя в Российской Империи и демонстративное бессилие в вопросах влияния на печать и на общественное мнение. Отсюда отмечаемый всеми современниками внецерковный мистицизм Царицы, презрение к иерархам Церкви и другие черты, характеризующие именно розенкрейцеровские воззрения Императрицы на религиозно-церковные вопросы, ее пиэтизм. Отсюда же Филипп. Папюс, увлечение Распутиным при полном презрении к учению Церкви, как и увлечение оккультной литературой. Отсюда же отталкивание широких, многомиллионных монархически настроенных русских людей от себя, замкнутый образ жизни и отрешение от своего монархического долга беречь и спасать Россию. Воззрения императрицы на духовенство известны: «Духовенство не только не понимает церковно-государственных задач, но не

²⁵ См. Ламздорф В.Н. «Дневник. М., 1991 г., с. 97: «Некоторые наши политические группировки боятся проявлений терпимости по отношению ко всем национальностям империи, они опасаются также либерального влияния молодой государыни, весьма сведущей и весьма склонной к парламентарному режиму, поскольку она полуангличанка».

понимает даже веры народной, не знает народных нужд и потребностей... Особенно архиереи». Епископы малообразованы и честолюбивы, «служители Церкви... не умеют привязать к себе ни интеллигенцию, ни простой народ». Патриарх не нужен, а епископы хотят через патриарха получить власть и т. д. (Жевахов, I, 71-73).

Недалекая умом, с непомерным самомнением, царица оставалась протестанткой, интеллигенткой с вечной боязнью «клерикализма» и полным пренебрежением церковных канонов. И в этом царская супружеская чета была солидарной. Отсюда боязнь созыва поместного собора.

Последние годы, особенно с 1914-го Александра Федоровна начинает вести подлинную войну с архиереями. Она втягивает своего миролюбивого супруга, ни мало не жалея его времени и сил, в бесконечные интриги против тех или иных епископов и даже митрополитов, начинает распоряжаться церковными делами, как полковой командир в своей части. Никакие церковные каноны Ей не указ. Читая Ее письма, наглядно видишь, что никакого представления о том, что Церковь есть самостоятельное, неподвластное светской власти учреждение, Она не имеет, ни о каких канонах не слышала и глубоко убеждена, что Царь и Царица все могут сами: назначать и смещать епископов, передвигать их на те или иные кафедры, делать им «внушения», как малым детям и даже приказывать канонизировать кого-либо, не спрашивая церковь и не интересуясь мнением св. Синода. В числе своих противников она видит и митрополита Владимира — священномученика, и замечательнейшего церковного писателя, человека правых убеждений, стойкого ревнителя православия архиепископа Никона Рождественского, и замечательного борца с врагами церкви, человека исключительно правых убеждений, близкого прав. Иоанну Кронштадтскому епископа Гермогена. и архиепископа ярославского Агафангела, и отца Востокова. И все потому, что эти люди, светочи православия, видели в Распутине того, кем он и был: обыкновенного бессовестного проходимца. И еще потому, что они смели напоминать, что Церковь, как Богом данное учреждение, живет своими правилами, своими установлениями и никакая светская власть не имеет права вторгаться в ее жизнь и нарушать каноны. Напоминания об этом выводят Императрицу из себя. Чего стоят эти Ее указания Государю: «Я нахожу, что этих двух епископов надо немедленно выгнать из Синода ... Найди других, более достойных (то есть покладистых — *В.О.*) епископов ... Пусть они .. узнают, кто их повелитель», — пишет Она супругу 8 сентября 1915 года.

В следующем письме от 9 сентября того же года Она вновь о том же: «Агафангел так плохо говорил (из Ярославля). Его следует послать на покой». Далее наставляет Государя: Никона, архиепископа надо убрать из Гос. Совета, а Сергия Финляндского (будущего патриарха Московского и Всея Руси) надо убрать из Синода; не забыть еще убрать обер-прокурора Самарина и, конечно,

митрополита Владимира не забыть бы тоже отослать куда-нибудь в Киев. Ведь митрополит Владимир, человек твердых убеждений, монархист тоже выступает против «нашего Друга»;

а, во-вторых, он посмел, пишет Царица, назвать одну из телеграмм Государя «глупой» — за вторжение в дела чисто Церковные, на что Государь, конечно, не имел никаких полномочий, как лицо светское и как обычный в делах Церкви мирянин. Ведь дары, низводимые при короновании Царя, относятся исключительно «к управлению Царством и защите Церкви и никаких даров учительства, пастырства и вытекающих из них прав внутреннего церковного законодательства и управления в себе не заключают ...», — пишет специалист в области канонического права проф. Зызыкин в своей объемистой и содержательной книге «Патриарх Никон». Некогда, в V веке, Феодор Студит сказал императору Льву V, что «не следует Царю ставить себя самого судьей и решителем в этих делах», то есть в делах Церкви. И даже думать о перемещении епископов с кафедры на кафедру, давать им совет, в тем более посягать на права церкви в области канонизации святых, Цари не имели никакого права. Эта практика Николая II и Его супруги были вопиющим нарушением церковных полномочий. Но Государыня Александра Федоровна, осталась на всю жизнь протестанткой, по умунастроению близкой масонскому просветительству с его глубинной ненавистью именно к священникам и, особенно, к иерархам Церкви, без которых Церковь немислима. В представлении Императрицы, Государство неизмеримо выше Церкви и именно государство есть Богом данное учреждение, а не Церковь. И в письме за 11 сентября 1915 года она пишет супругу: «Ты глава и покровитель Церкви». Покровитель — да, но любой катехизис начинается с того, что Глава Церкви — Христос. В католичестве — наместник Бога — папа. У протестантов глава государства и есть распорядитель дел церковных, поскольку церковь там есть часть государства. У масонов само государство превращается в светскую церковь и появляется на свет цезарепапизм — главенство государственной власти над Церковью. Именно такой точки зрения, придерживалась Государыня.

VII. Отношение верховной власти к Церкви. Либеральные реформы Царя не обошли и вероисповеданных вопросов. Впервые с высоты престола были провозглашены протестантские идеалы либерализма: «свобода совести», «веротерпимость» и провозглашено, что отныне православный человек может перестать им быть в любой момент и перейти в другую веру. Впервые эти слова прозвучали в Манифесте 26 февраля 1903 г. Затем последовал пересмотр Уголовного законодательства и оттуда были удалены все статьи, которыми ограждалось Православие и предусматривалось наказание за соvrашение православного в другую веру. Особенно тяжело был воспринят благонамеренными людьми Указ от 17 апреля 1905 г. об «укреплении основ

веротерпимости». Этим указом Верховная власть объявляла, что ей все равно, во что и как веруют ее подданные. Рвалась цепь, которая связывала воедино государственную власть, Церковь и народ. С резким осуждением этого акта выступил и праведный Иоанн Кронштадтский (14 мая 1905) и многие архиереи. Характерно, что все акты готовились по воле Царя в Совете Министров под председательством Витте с игнорированием св. Синода. «Правила 17 октября 1906 г.» открыли дорогу сектантству и его пропаганде.²⁶

По непонятным причинам Государь отдал вопросы церковные на рассмотрение Думы, которая не замедлила начать обливать родную Церковь насмешками, издевательствами и кощунствами. И так — все 12 лет. Многочисленные просьбы оградить Церковь от Думских «рассмотрений» были оставлены Царем без внимания... Несмотря на многочисленные протесты православных, Государь разрешил строительство в столице буддийского капища (1909 г.).

Чтобы понять причину такого отношения Николая II к вопросам веры, надо иметь в виду, что вся атмосфера Двора способствовала либеральным воззрениям на религию. В ближайшем окружении Царя были и протестанты, и католики, и англикане и просто атеисты. Либеральные воззрения царской четы сказались и в том, что наследника престола воспитывали по рецептам «просвещения» и католики, и протестанты и англикане. Очевидно, вопросам вероисповедания в царской семье не придавалось решающего значения.

Что касается личного благочестия, то оно бывает и внешним, и внецерковным, как и мистицизм. Мы видели это и на примере московских розенкрейцеров, активных прихожан, церковных писателей и преподавателей Духовной академии. Не забудем также, что царская чета посещала католическое богослужение в нарушение канонов. (См. с.415.)

VIII. Можно соглашаться с тем, что Государь Николай II был масоном или нет, но есть факты, мимо которых нельзя пройти просто так. И факты серьезные. Имевшие большое юридическое и историческое последствие для судьбы России и русского народа.

Во-первых, как было сказано выше. Царь не только отрекался лично от престола отеческого и от обещания, данного Им в Успенском Кремлевском соборе при святом короновании, сохранить в неповрежденности бесценный дар Божий — Самодержавие. Но Он в акте отречения отрекался еще и от самого Самодержавия как такового, а это было уже почти кощунство. И почему-то на этот момент как-то мало обращается внимания. Государь к великой радости Шульгина и Гучкова отрекаясь и передавая трон Великому князю Михаилу

Александровичу писал: «Заповедуем Брату Нашему править делами Государственными *в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены*, принеся в том ненарушимою присягу.»

Таким образом, Николай II заповедовал Михаилу Александровичу быть конституционным монархом, не Самодержцем. И тем самым, отрекаясь от престола отеческого, Государь заповедует России отныне идти путем демократическим, меняя тем самым всю природу власти и отрекаясь от дара Божия — от Царства.

Второй объективный факт заключается в том, что Государь Сам передает Свою власть какому-то Временному правительству, фактически органу масонской власти, кучке интриганов, болтунов, демагогов, тем, кто все эти годы позорил царскую власть, и подкапывался под нее. Передает самолично и тем легализирует эту революционную власть и дает ей юридический статус преемственной власти, от Него, Государя и Самодержца Всероссийского получившей все свои полномочия. Конечно, все это было вне полномочий Царя.

Все в этом акте отречения, неверно, фантастично и, скорее всего, бессознательно ложно. Государь пишет, что «начавшиеся народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны.» Но во всей Империи читавшие этот акт люди, кроме жителей Петрограда и, частично Москвы, не имели никакого понятия ни о каких волнениях и были просто ошарашены, увидев этот акт. Многие отказывались верить в его подлинность. Даже на Балтийском флоте офицеры восприняли эти слова о народном волнении с удивлением. Эту атмосферу в армии передает и генерал Епанчин и многие другие. Впрочем, для Государя Петроград и был всей Россией. Все, что было вне этого града Петра, воспринималось как необходимое приложение к нему.

По мнению Николая II, судьба России требует доведения войны до победного конца, ведь «жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия Наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага.» Этот самообман, эта поразительная близорукость несомненно были следствием либеральных убеждений Государя и его романтизма. Он словно не знал, что в столице и других городах идет развал, в первую очередь, вызванный деморализующей пропагандой левых сил. Нет, Он верит и вводит в заблуждение других. Далее, Он уверен, что Самодержец, именно Царь, а не только Он, Николай Александрович, России, русскому народу, не нужен. С Царем войну не выиграешь. А с кем же выиграешь — с кучкой болтунов и демагогов? Поэтому, пишет Он, «почли мы долгом совести облегчить народу Нашему

²⁶ См. «Московский сборник» 1909 г., статья миссионера Айвазова. О подготовке указа «о веротерпимости» 17 апреля 1905 г. подробно пишет Витте С.Ю. в мемуарах.

тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой сочли мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя Верховную Власть.» Облегчить, однако, единение и сплочение всех сил народных удалось прямо до обратного: исчез последний столп, удерживавший общественное здание от разрушения на отдельные кирпичики.

Встает сразу несколько вопросов. Если Он считал за благо отречься, и тем облегчить «Народу Нашему» достижение победы, то почему же Государь так долго тянул время и не хотел облегчить наступление такого победоносного конца раньше. Чего ждал, на что надеялся? И почему надо было думать, что после победы над Германией страна не рухнет в революционной анархии.

Но, самое главное, что остается вечной загадкой в этом тексте, так это слова: «в согласии с Государственной Думой признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского». Загадочность заключается в том, что никакого решения Дума по вопросу о государственном устройстве России вообще не обсуждала никогда. Ни разу. Никакой резолюции Думы, поэтому, и не было, о чем Государь не мог не знать. Не могла потому Дума и выбрать какое-нибудь правительство. Никакого почина в создании правительства Дума не высказывала ни разу. И не сообщала Царю о таком решении. Между тем, к Государю явились двое никем не уполномоченных депутатов от этого самочинного временного правительства, никем не назначенного и Он, законный Государь, с готовностью встречается с ними, обсуждает дела столь огромной важности и отдает им текст отречения от отеческого престола, который Гучков, как передают очевидцы, небрежно сунул в карман брюк, как суют носовой платок или расческу. Обдумывая внимательно все обстоятельства дела, приходишь к предположению:

слова акта отречения «в согласии с Государственной Думой» относились к дирижировавшей Думой масонской думской ложе, которая и была для Государя реальной и авторитетной силой. Перед ней Он пасовал все время, ради нее созывал Он Сессии Думы. И именно поэтому Он согласился принять ее эмиссаров — Гучкова и Шульгина.

Любопытно, что даже в письмах царской четы практически не упоминаются, за редким исключением, лидеры правых фракций. Они для Царя и Его супруги были людьми мало авторитетными. Более того, они раздражали своей категоричностью и ясностью взгляда и своей требовательностью.

Царь регулярно получал сообщения о масонстве и Керенского, и Милюкова, и Гучкова. Больше всего писали о председателе Земгора князе Г.Е. Львове. И именно его Он 2 марта 1917 года назначает председателем Совета Министров. Такова объективная сторона вопроса: активнейший масон, заговорщик, о котором ему было известно многое, назначается главой правительства. А дядя

Царя, великий князь Николай Николаевич только что Его предавший и вызвавший у Николая II тяжелый вздох: вот, и Николаша тоже изменил мне — тут же назначается Верховным Главнокомандующим! Что это — Львов, Николай Николаевич, Гучков, Милюков и др. — все изменники, заговорщики и им передается громадная власть.

Если иногда утверждают, что акт отречения был вынужденным актом, то сказать о вынужденности приказа по армии от 8 марта никто не решится. Хотя и в акте об отречении также нет следов принуждения. Это скорее развернутый манифест человека, давно уже решившегося отказаться от короны и давно убежденного, что у Самодержавия нет будущего и Россия только выиграет, если откажется от этого старого хлама, когда-то сыгравшего, надо признать, большую историческую роль. Именно эти мысли и сквозят в акте отречения. Приказ же по армии еще более удивителен. Он пишет, что «власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия... повинуйтесь Временному правительству...»

Итак, Государь не только самолично отрекается и за Себя, и за сына, но еще и призывает помощь Божью на дела масонского Верховного Совета Народов России, руководящего органа российских масонов. Это — если объективно. По тексту — благословение Божье призывается бывшим Царем на дела Временного правительства, возникшему против Его воли, когда Дума, кстати, была Им же уже распущена — 25 февраля. Орган революционной власти, лишенный хотя бы самонаименованных признаков законности, состоящей из лиц, известных всей стране в качестве врагов государственного строя, вдруг еще и получает благословение Царя на дела государственные. Возникает вопрос, а чего еще могли бы пожелать заговорщики от Царя в деле своем, революционно-разрушительном. Кажется, Государь, последний монарх, сделал все, чтобы облегчить на первых порах существование врагов исторической России, демагогов, болтунов, догматиков и рутинеров прогресса, медиумов еврейских внушений.

Совершенно невозможно себе представить, чтобы православный русский Государь мог бы так позорно капитулировать перед шайкой политических интриганов, да еще и приказать подданным повиноваться этому так называемому правительству.

Примерно такие мысли бушевали многих русских людей, увидевших этот позорный акт отречения русского Царя от престола. Их высказал и сдержанный генерал Епанчин, и генерал граф Келлер, и С. Марков и тысячи других.

Объективная помощь масонству, следование во всем согласно его пожеланиям есть объективный факт истории.

Теперь затронем некоторые вопросы более подробно.

Привязанность Государя к вел. князю Николаю Николаевичу изумляла многих. Ей нет разумного объяснения, потому что симпатии этого дяди Царя к кадетским кругам ярко проявились в осенние дни 1905 года. Он искал, по выражению вел. князя Александра *Михайловича*, революционного генерала, пока не нашел его в лице Керенского в 1917-м. Его близость к заговорщикам во время Великой Войны была известна едва ли не всем политикам и газетчикам. Почему именно этот дядя Царя пользовался непререкаемым авторитетом все эти годы, вплоть до отречения, когда большинство других родственников Николая II давно уже были отстранены Им от всяких дел, остается неясным. Вся еврейско-кадетская печать, вся «общественность» левого лагеря всячески поддерживала авторитет вел. князя Николая Николаевича, несмотря на очевидную бездарность его как военачальника. В то же время хорошо известно, что именно этот князь с молодых ногтей отличался мистицизмом, как и его мать. (Витте, II, 275).

После женитьбы на черногорке Анастасии Николаевне (апрель 1907 г.) эта страсть к спиритизму только усилилась. Сами же черногорки, Анастасия и Милиция, дочери черногорского князя, долгие годы были близкими подругами Императрицы и подолгу проводили с ней время. Об этом пишет, в частности, и граф Витте, и начальник канцелярии министерства Двора А.А. Мосолов в своих воспоминаниях, да и другие мемуаристы тоже.

О Филиппе Вашоде и ложе «Крест и Звезда» в Царском Селе пишет хорошо осведомленный в этих вопросах А.Ф. Керенский, имевший известия об этом из первых рук, сам будучи масоном. Он пишет, в частности: «Престиж Филиппа Вашода был огромен, он имел немало последователей во Франции. Царица самозабвенно следовала всем его наставлениям». К помощи Вашода Царица прибегла, поскольку очень хотела иметь наследника. Духовник Царицы осудил Филиппа, назвав его «порождением бесовских сил» (Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993 г., с.109). Те же сведения сообщает и Л.Д. Кандауров. (см. ниже Комментарии. VI, VII.)

Слова епископа Феофана, видимо, не произвели на Царицу особого впечатления, так как Она и в письмах позднего времени, в том числе в 1915 году и в декабре (14-го) 1916 года вспоминает о «месье Филиппе» и ссылается на его советы, как авторитетные: «ведь о том же говорили тебе месье Филипп и Григорий».

Берберова к сюжету, связанному с «нашим другом мсье Филиппом» добавляет: «Говорили, что в молодости Николай II был мартинистом, по примеру своих английских, германских и датских родственников. Николай II вышел, однако, очень скоро из тайного общества. Но его дяди... остались

мартинистами высоких степеней и время от времени, в специальном храме в Царском Селе, собирались для ритуала» (Берберова Н. Люди и ложи. Нью-Йорк, 1986, с.23).

О влиянии масонов на те или иные правительственные акты известно из разных источников. Особенно о таком влиянии говорят в связи с инициативой Николая II и Его приближенных, по учреждению Гаагского международного трибунала. Как сообщает Берберова, об этом говорил масон князь В.Л. Вяземский в одном из своих докладов в масонской ложе: «Создание Гаагского трибунала — инициатива масонов и их дело». (Берберова, ук. соч., с. 171). Она же сообщает и о принадлежности к мартинистам, вернее, к близким к последним филалетам, великих князей Михайловичей — Александра и Георгия. В других источниках находим указания на то, что акты 17 октября 1905 г. и «об укреплении основ веротерпимости» также были результатом влияния масонства на Николая II. Замечания подобного рода мы находим, в частности, у Белецкого в его показании следственной комиссии Временного правительства.

В брошюре «Кружок русских масонов в Англии» (Лондон, 1928 г.) упоминается ложа «Крест и Звезда» в Царском Селе. Говорится, что она была образована приближенными Николая II и что Он и Сам в нее входил (Соловьев О.Ф. Русское масонство 1730-1917, с.167). По данным охранного отделения, придворный ясновидец Филипп, эмиссар Папюса, учредил в 1900 г. в Петербурге у С.И. Мусина-Пушкина ложу мартинистов для видных российских политических деятелей и для знатных иностранцев. (ЦГАОР СССР. Ф. 102.00.1905 Д 12 ч.2, л.2).

По словам Керенского, глава ордена мартинистов Папюс, французский еврей, был представлен Царю в 1901 году. В следующие годы он не раз бывал в России и «навсегда остался другом императорского семейства». Будучи в Петербурге, пишет Керенский, он основал масонскую ложу, в которой Царь, по слухам, занял пост «Высшего гостя». «В эту ложу входили наиболее видные представители петербургского общества» (Керенский, ук. соч., с. 109). Папюс проводил при Дворе сеансы спиритизма, столь излюбленные еще при Дворе Александра II и среди ученой братии двух столиц на протяжении всего XIX века. Он вызывал дух Александра III для бесед со своим сыном Государем Николаем II Эта деталь очень жизненна, и подтверждается косвенно другими сообщениями о почитании памяти отца Николаем II в первые годы царствования.

Сочинения Папюса печатаются в государственной типографии, издается орган ордена мартинистов «Изида»... Заметим, что запрещения масонства никто не отменял. Его существование было незаконным. На тему «Филипп и Папюс при русском Дворе» писал Б. Башилов в последнем томе своей

«Истории русского масонства», со ссылками на работы масонов Б. Телепнева, Ю.Терапиано и П.Бурышкина. Разночтения, надо сказать, есть, но они несущественны.

Международное масонство в эти годы ведет прямые переговоры с правительством о разрешении открыть в России ряд своих организаций. Все эти переговоры широко освещаются печатью. Левые круги довольны, правые — раздражены.

О принадлежности к масонству Витте и Столыпина говорил видный деятель Министерства Внутренних Дел С.П. Белецкий на допросе после своего ареста в марте 1917 года (см. Падение Царского Режима. Л., 1925 г., с.3, сс.333-334). Не представляет сомнения и масонство следующего за Столыпиным премьер-министра В.Н. Коковцева, единственного, кстати, из министров царского правительства, получившего от Временного Правительства повышенную пенсию как раз в то самое время, когда другие царские министры находились по приказу этого правительства в казематах Петропавловской крепости. Не тронули его и большевики. О юдофильстве Коковцева писали все русские газеты, еще когда он был министром финансов. Как и о его враждебности монархическим и патриотическим организациям. Писала об этом и та газета, которую регулярно читал и Николай II — «Новое Время». И именно его и назначил Государь премьер-министром. Известный деятель российского масонства в эмиграции, член ложи «Астреи» в Париже Кандауров, в статье по истории русского масонства писал, что Департамент полиции вслед за открытием масонских лож в России быстро напал на след «организации мартинистов, группировавшихся вокруг издававшегося в Царском Селе спиритического журнала «Ребус». Мартинистов, среди которых было несколько Великих князей (Николай Николаевич, Петр Николаевич, Георгий Михайлович) и лиц, близких ко Двору, не тронули...» (ЦХИДК, ф.730, оп. 1, дело 172, лл. 33 и далее). Пишет он и о членстве Николая II в ложе «Крест и Звезда» в Царском селе, и о Филиппе. (см. ниже, с. 420)

Эти и другие сообщения можно было бы игнорировать, если бы не надо было объяснять ряд странностей в политике Верховной власти в России. «Социализм и нигилизм созрели не в тайне, а порождены были литературой и журналами, которые читались всей Россией...» Это высказывание либерального князя А.А. Суворова, внука известного полководца, генерал-губернатора Петербурга при Александре II и заставляет нас искать причину и этого явления, еще более расцветшего при Николае II, и многих других явлений политической жизни эпохи царствования последнего Самодержца, столь бесславно уступившего свой трон кучке думских проходимцев и еврейским «рабочим депутатам», к чему психологически он был готов давно, (см. ниже Комментарии VIII, XIII б)

Самому Государю Николаю II приходилось слышать о масонстве много. Об этом явлении писали широко русские газеты «Новое Время», «Гражданин», «Санкт-Петербургские Ведомости» и другие.

Чтобы не быть голословным, для убедительности имеет смысл привести примеры того, что именно писали русские газеты и что русский читатель мог узнать из них о масонстве в собственной стране. В статье Н. Бутми «О масонстве в России» в газете «Земщина» от 18 января 1912 года, говорилось:

В начале 1909 г. в английской газете «Тайме» сообщалось «о торжественном восстановлении в Петербурге великой ложи Астреи, в состав которой вошли многие высокопоставленные лица и члены Гос. Совета и Государственной Думы, из которых далеко не все принадлежат к ка-дэкам» (т.е. кадетам — *В. О.*).

«Вестник Союза Русского народа» от 1911 года в № 52 пишет о маленькой заметке в «Свете», в которой сообщается: «Известный драматург П.М. Невежин избран почетным членом масонского ордена Филалет. В своем ответе, врученным делегату ордена В.В. Авчинниковой-Архангельской для передачи братству, П.М. пишет, что гордится тем, что на склоне лет он удостоился избрания, которое выпадало на долю немногих.»

Газета «Утро» от 9 марта 1907 года. В статье М. Семенова «Мережковский в Париже» сообщается, что писатель Мережковский представил в громадной зале Великого Востока франкмасонской парижской ложи свой реферат «Спор о Самодержавии». Собралось около 2000 слушателей. В качестве оппонента Мережковского выступил в ложе социал-демократ Богомолец и анархист Ветров. Говорили о свободе, счастье и социализме. Защищал реферат Андрей Белый.

Еще ранее того, в 1906 году «Московские ведомости» (№ 275 за 1906) в статье «Несколько слов о масонах» сообщали читателям о связях кадет Думы с французским и английским масонством.

«Новое Время» за 24 декабря 1910 года рассказывало о масонском характере пафистской Универсальной лиги, чей устав был утвержден правительством 27 апреля 1910 года с разрешением открыть отделы по всей России.

Количество подобного рода публикаций в газетах было огромным. Масоны не особенно и прятались. Если теперь опять вспомнить о «веротерпимости», о всевозможных «свободах», захвате печати евреями, и психологическом терроре этих газет в отношении русского правительства и русского общества, о строительстве в столице православного царства языческого капища (1909) — буддийского храма по разрешению Царя и инициативе Столыпина и многое другое, то в конце концов начнешь серьезно задумываться о причинах всех этих печальных явлений.

И не надо забывать, по закону масонство было запрещено и в циркулярах Департамента полиции именовалось «преступным сообществом».

В декабре 1905 года, во время приема депутации Русского Собрания Б.В. Никольский в своей речи Царю сказал о засилье еврейства и масонства в России, и эти слова Николаю II очень не понравились. Речь Никольского была запрещена к печатанию. Правые газеты не раз задавали вопрос: если у нас Царь православный, то почему же в православной Державе разрешают печатать богохульные статьи и книги? И почему Царь и правительство так усиленно отрешаются от монархистов? Департамент полиции в своем отчете за 1909 год сообщал о недовольстве в населении такой политикой верхов. Казалось странным это постоянное желание правительства «угодить левым элементам».

В то же время с раздражением узнавали русские люди о разрешении правительства открывать на территории Российской Империи всевозможные масонские Лиги. Надо ли говорить, какие слухи и мнения порождались такими решениями правительства Его Императорского Величества? Ведь, строго говоря, в России правительство — это Царь и назначаемые Им министры. А министры Николая II менялись с калейдоскопической быстротой, особенно в последние два года, чем разрушалась вся система управления страной.

Государь Николай II имел сообщения о масонстве по самым разным каналам, начиная от любимых и ближайших родственников, великих князей Николая Николаевича и Михайловичей, и кончая донесениями Департамента Полиции. Сообщения с этой стороны были подробны, так как полиция имела осведомителя среди масонов. Сообщения о распространении масонства в России шли и от нашего посла в Париже Нелидова, который подробно сообщал об этом еще 20 марта 1908 года. Сообщение посла передал Царю министр иностранных дел Извольский. На его основании был составлен циркуляр начальникам охранных отделений, в котором масонство именовалось «преступным сообществом», каковым оно и было на основании законов Российской Империи.

Но... на глазах правительства масонские ложи вели свою антимонархическую пропаганду и пацифистскую вовсе не прятаясь.

14 декабря 1905 года министр иностранных дел Ламздорф сообщил Царю о том, что масонство на Западе воспользовалось Гаагской международной конференцией, желая «придать мирному движению характер пропаганды интернационализма». Известно, что предложение русского Царя по созыву мирной конференции и созданию международного трибунала была встречено европейским масонством восторженно. «Великая немецкая национальная ложа» переписывалась с «Великой ложей Голландии» по поводу обмена представителями и пожертвований этих лож на строительство «Дворца Мира»

в Гааге для штаб-квартиры третейского суда и проведения конференций (ЦХИДК, б. Особый Архив, ф.1412, оп. 1, ед.хр. 4824). «Новое Время» охарактеризовало эту мирную инициативу, как признак или трусости, или измены интересам России. 24 декабря 1910 года в статье «Благотворительное учреждение» писалось: «Но думается, что теперь, в наши дни, когда в ответ речам о мире и благоденствии звенят нескрываемой угрозой отточенные штыки и сабли, ежедневно вырастают, словно из земли, новые полки и батареи, а моря покрываются разрушительными плавучими крепостями, обманывать других и себя сказками о вечном мире — значит быть трусом или предателем».

Таков был ответ патриотически настроенного русского общества на эти «мирные инициативы». Дорого обошлись русскому народу эти «мирные инициативы» и ставка Царя на Думу, которая тормозила дело вооружения армии и флота. Государь же всячески утверждал в стране авторитет этого учреждения, о котором и Ему было известно, что оно есть, в сущности, отрасль Великого Востока Франции и международного еврейства. Мир катился к Мировой Войне. Германия, Австрия и другие западные страны стремительно вооружались и заполняли свои арсеналы снарядами, а в России в это время занимались партийными склоками, насаждали с высоты Престола Русских Царей парламентские обычаи, передавая тем самым судьбу России в руки еврейско-кадетского заговора, о чем писали те газеты, который читал Николай II («Новое время», «Гражданин» и др.). Об этом говорилось и в записках правых Царю. (см. Комментарии IX.)

В предвоенное время международные масонские Лиги развернули в России проповедь пацифизма, а правительство смотрело на эту пропаганду вполне одобрительно. При этом ни Государь, ни Его правительство не озаботились созданием патриотической печати.

...Современники прекрасно видели связь правительственных и высочайших Указов и Манифестов с влиянием масонства. Убийственное действие на сознание православных людей Высочайшего Указа «о веротерпимости», например (от 17 апреля 1905 г.) отмечено во множестве мемуаров и в переписке политических деятелей той эпохи. Этот акт имел в виду не буквально терпимость к присутствию в России других вер — такая терпимость была извечно характерна для Русского государства, — но был следствием давления тех сил, которые выражали желание вести атеистическую и антихристианскую пропаганду именно среди самих православных.

А чем объяснить тот непреложный факт, что Царь и правительство отворачивались от преданных монархии людей, и более того — всячески оскорбляли их своим презрением и холодностью. Монархисты, правые, черносотенцы все больше раздражали и царскую чету и правительство требованием исполнять долг защиты отечества.

В заключение хочется привести несколько выдержек из писем правого русского публициста и земского деятеля Тульской губернии, постоянного автора «Московских Ведомостей» К.Н. Пасхалова за 1915-1916 год:

«Положение России не только тревожно, но и грозно, может быть, гораздо грознее, чем было в 1905 году... правительство обессилило себя бесконечными уступками разрушительному стремлению», а в то же время оно пренебрегает группами людей, «сохранивших еще любовь и преданность своему происхождению» (Источник. 1995, № 6, с.35).

Из другого письма: «Власть, от которой единственно и исключительно зависит спасение, делает все для своей же гибели... Можно ли удивляться, что дело наше (монархистов — В.О.) глохнет, а революционное процветает?.. От нас отворачиваются даже тогда, когда мы предлагаем помощь...» (там же с.39).

«Икона Владимирской Богоматери готова, но рассчитывать на прием (у Царя — В.О.) трудно...».

Позднее и о том же: «Икона готова. Но донесем ли мы ее до назначения, поднесения Царю — сомневаюсь» (с. 19). Еще через несколько дней: «На ходатайство о приеме депутации с поднесением Иконы последовал отказ по «несвоевременности», а Икону предложено поднести посредством Министра Двора. Вы не знаете, что он — крещеный или некрещеный? или лютеранин? Но для меня, что жид, что лютеранин — все равно. Даже хуже. Жид — фанатик своего Адоная, а лютеранин-недоверок. Это конституционалист, у него Бог ограничен заключениями разума. И вот такой-то нехристь будет подносить Икону, нашу святыню, которую он считает за плохую картину. Родзевич спрашивает, что делать? Отвечаю: не знаю... Но весь смысл и значение предполагавшегося вручения Св. Иконы Вождю православного воинства пропал... Горько от того, что ясен ход рассуждений, приведших к отказу. Не приняты революционеры слева с возмутительными резолюциями, а чтобы им не было обидно, то отказано и революционерам справа с Иконою. Не правда ли, какое справедливое уравнение» (Письмо от 31 октября 1915 года, с.21).

В тот же день о том же: «нас ставят на одну доску с революционерами слева... Знаете ли, руки опускаются, теряется всякая энергия и охота защищать то, что вас отталкивает и ценит меньше, чем старую подошву». Пасхалов в письме Н.А. Маклакову 29 октября 1915 года дает политическую характеристику обществу: «Увы, дворянство осталось совсем в стороне от монархического движения... Купец весь либерал, потому что у жида в кармане. Только еще среди духовенства находятся епископы сочувствующие (монархическому делу — В. О.) (Минувшее, т. 14, с. 169).

Либеральная политика Николая II вызывала чувство безнадежности у монархистов. Откликом на это настроение служат слова из письма К.Н.

Пасхалова А.И. Дубровину, председателю Союза Русского Народа:

«...полное забвение того, как это отразится на арене, где решается судьба — быть или не быть России. Что это? Повальное сумасшествие?.. Я вполне понимаю, что у вас опускаются руки и является желание бросить все и предоставить врагам добиваться своих целей. Но вспомните. что мы защищаем не человека (т.е. Николая II — В.О.), который не понимает, где опасность и где избавление, а идею, великую государственную идею, гибель которой погубит мир. Я в этом глубоко убежден...). Мужайтесь и боритесь до конца, пока у вас есть сила, а она есть, и грех ее не использовать» (Минувшее, т.14, с. 184).

И другой монархист, Н.Н. Тиханович-Савицкий, в марте 1916 года пишет Царю, то есть за год до отречения от престола:

«Положение слишком опасно. Допускаемое (курсив мой — 5.0.) поругание правительства, указание на негодность исторической Верховной Власти, в конце концов, сделает свое дело. Государь, *на Тебя, как на Помазанника, принявшего от Господа Бога венец Царский... возложен великий долг беречь Россию и русский народ, и не можешь Ты, даже временно, снять с себя бремя Самодержавия, отдать судьбы их в руки безответственного думского большинства*, к тому же состоящего из беспочвенной, безверной и недалекой интеллигенции (...). Государь, необходимо уничтожить Городской и Земский союзы и военно-промышленные комитеты — эти гнезда революционной пропаганды и объединения. Гучкова, Львова, Челнокова, Коновалова надо убрать как коноводов подготовляемого переворота». (Минувшее, т.14, с.185).

И здесь же он советует распустить немедленно Думу, как очаг противогосударственного заговора. Тиханович-Савицкий, один из многих деятельных участников монархического движения, отдавших и все свои силы и все свои личные средства на дело защиты суверенитета России и коренных основ русской государственной и общественной жизни.

Удивительно, но именно от этих людей отворачивается самым решительным образом Николай II в своей политике, окружив себя почти исключительно либерально настроенными министрами и приближенными.

А положение все ухудшалось. Тиханович-Савицкий 30 декабря 1916 г. пишет Николаю II: «Государь,... Главный комитет Союза земств и городов, руководимый Львовым, Челноковым, Астровым и др., пользуясь попустительством властей, откровенно готовит государственный переворот... Все правое опорочено уже давно». Заметим, все трое перечисленных — масоны, а Г.Е. Львов скоро будет назначен Царем председателем Совета Министров.

Тиханович-Савицкий сообщает, что на съездах земств создается Временное

правительство. И надо сказать, что создание Временного правительства еще при наличии живого Царя Самодержавного на престоле открыто обсуждалось в легальной печати. Государь делал вид, что ничего не замечает. Тиханович-Савицкий сообщает Царю: «Если говорят о Временном правительстве — значит, имеют опору... они рассчитывают на другое: или на дворцовый переворот при помощи ближайших частей войск, или на военный, который подготавливает авантюрист Гучков уже давно, войдя в сношения с видными военачальниками... Полумеры только раздражают (...). Помните, Государь, что положение опасно необычайно, не только в смысле проигрыша войны, но опасно и для Вас, и для Династии. Но в то же время помните, и крепко помните, что все в Вашей власти: допустите — все может быть, не допустите — ничего не будет (...). Не надо забывать, что общественности, о которой так много кричат, у нас нет, а есть Львовы, Гучковы, Челноковы...»

Ранее того, 2 декабря 1916 года, Тиханович-Савицкий закликает Царя:

«Государь! Если сейчас же не будут приняты самые решительные меры, мы войну проиграем (...). Государь, возроди правительство, сосредоточь всю полноту и ответственность власти в руках одного лица, сильного, энергичного... Торопись, Государь, или война будет проиграна. («Союз Русского Народа»). По материалам ЧСК Временного правительства 1917 г. М.-Л., 1929, сс.353-356).

Эти письма затем озвучил сам их автор во время аудиенции у Императрицы, в декабре 1916 года. В эти последние военные годы подобных сообщений монархистов Царю из разных городов было много. На этих письмах, посланиях, иногда очень обширных, с указанием лиц и конкретными предложениями срочных необходимых мер, стояли пометы Царя:

«да», «правильно», «я тоже так думаю», «надо обратить внимание», «недопустимо» и так далее. (См. Михайловский Г.Н. Записки. М., 1993, кн.1. с.81). Надо сказать, что многие записки правых по общеполитическим вопросам копировались в канцелярии Совета Министров и раздавались министрам с грифом «секретно». Затем эти записки, направленные Царю, попадали в руки как раз тех самых кадетствующих масонов на министерских постах, о которых говорили их авторы, предупреждая Царя об опасности масонского заговора, и оседали в архивах тех или иных министерств.

Тиханович-Савицкий среди заговорщиков называет князя Г.Е. Львова, известного либерала и масона. О его масонстве правые писали как о чем-то само собой разумеющемся. И именно этого Г.Е. Львова Николай II одновременно с отречением утверждает председателем Совета Министров! Даже лояльный генерал Епанчин пишет в воспоминаниях, что текст отречения показался и в армии просто невероятным: ведь из манифеста было видно, что Император «в согласии с Государственной Думой (т.е. с масонской Думой,

учитывая Его осведомленность — В.О.) признал за благо отречься от Престола Государства российского и сложить с себя Верховную Власть». Но, спрашивает себя боевой генерал, «как могло быть, чтобы Царь законный и Самодержавный мог согласиться с Государственной Думой о необходимости для Него отречься от Престола?» (Епанчин, ук. соч., с 454). И как мог он испрашивать еще благословение Бога на дела этой думской шайки масонов, о подлинном лице которой Ему доносили и полиция, и Его дипломаты, говорили Ему многие монархисты и писали русские газеты? Откуда же бралось это «благословение» и эта уверенность, что без Царя России лучше, и она сможет выиграть войну?..

Зная о заговоре, зная имена заговорщиков, Он приказывает полиции уже в начале 1917 года ни в коем случае не трогать их, в том числе Гучкова и Керенского. Зная к 1916 г. о том, что гнездо заговора — Дума и Военно-промышленные комитеты, Он продолжает финансировать их, как и другие «общественные организации», ставшие на путь организации революционного движения. Впору говорить не о заговоре, а о сознательной сдаче власти, когда сценарий событий согласован заранее.

Тратя сотни миллионов на левые организации, правительство и Царь не сделали решительно ничего для организации патриотической печати, для морального укрепления тыла и фронта, для организации пропаганды идей Самодержавия.

Еще два слова о том, что некоторые наши «никولاиты», защищая миф о «святом царе», соответствующий как раз масонской легенде об Адонираме (Прометей, Геракл, Данко и пр.), утверждают, что весь народ изолгался, и что у Царя не было поддерживающих монархию лиц. Это утверждение, во-первых, совершенно не исторично. И в Гос. совете, и в Гос. Думе были правые фракции, и их члены могли справиться с правительственными обязанностями не хуже ставленников Витте, которых приблизил Николай II, и уж не хуже левой части Думы, которой Царь передал власть. Во-вторых, такое представление опровергается самим Николаем II, многократно выражавшем уверенность в скором процветании России, в верности Ему народа и в победоносном окончании войны. Царица же не уставала говорить о преданности русского народа Престолу. К тому же надо понять, что даже либеральные политические деятели становились нередко в ряды заговорщиков только потому, что к этому их подталкивала политика Царя, т.е. отсутствие всякой политики в условиях нарастающего хаоса. Угроза уличного бунта, угроза анархии вынуждала даже либерального Кривошеина в 1915 г. заявить в Совете Министров, что надо наконец-то на что-то решиться:

либо на суровые меры в борьбе с революцией и развалом страны или не обманывать больше народ, заявить о своей неспособности управлять страной и

бороться с нарастающей анархией и тогда уж сразу уступить «прогрессивному блоку». Но надо что-то решать: или-или. Царь же ровным счетом ничего не делал, если не считать частой смены министров, которые, по выражению К. Пасхалова, «падали, как спелые груши»...

Так, в одно целое слилось масонство с его идеей «о веротерпимости» и ненавистью к Церкви Христовой, идеи о «вечном мире» и международном третейском суде, положившем начало ООН, отталкивание от себя, Самодержца, многомиллионной массы монархически чувствующих и думающих русских людей, мистицизм с Филиппами, папюсами и распутными, капитуляция перед масонско-еврейской общественностью, развал в последние два-три года всей системы управления Россией, потворство революционной пропаганде и, как прямое следствие, — подвал Ипатьевского дома и расстрел. Вряд ли при трезвом подходе ко всем обстоятельствам этого дела кто-нибудь усомнится в наличии апостасии, отступничества со стороны последнего русского Самодержца, оставившего трон, как оставляют ложу в театре — холодно и безразлично. По своему убеждению Николай II не был самодержцем и это было видно современникам.

Любопытна характеристика Николая II, данная Ему таким авторитетным монархистом, писателем и теоретиком — апологетом Самодержавного строя, каким был Лев Тихомиров. Он пишет в своем дневнике 19 июля 1910 года:

«Промелькнуло царствование Александра III. Началось новое царствование. Нельзя придумать ничего более противоположного! Он просто с первого дня начал, не имея даже подозрения об этом, полный развал всего, всех основ дела отца своего, и, конечно, даже не понимал этого, так значит, не понимал, в чем сущность царствования отца.

С новым царствованием на престол взошел «русский интеллигент», не революционного, конечно, типа, а «либерального», слабосильного, рыхлого прекраснородного типа, абсолютно не понимающего законов жизни. Наступила не действительная жизнь, а детская нравоучительная повесть на тему доброты, гуманности, миролюбия и воображаемого «просвещения» с полным незнанием, что такое просвещение. И вот началась за чепухой чепуха, началось все распадаться то внутри, то извне ...» (Дневник Льва Тихомирова. — «Красный Архив», 1936 г., т. 1/74/ Запись за 19 июля 1910 г.).

В самый разгар смуты 1905 года Тихомиров записывает:

«Приезжал Нилус и рассказывал, что «Государь молится и плачет»... Бедный! ... Жалко Его, а Россию еще жальче. Не умеет сделать что нужно, а ведет себя и весь народ в полон жидовско-русско-польско-финско-немецкой интеллигенции» (запись от 5 января 1905 года).

И именно в это время сам праведный Иоанн Кронштадтский не выдержал

наблюдаемого им паралича власти и в одной из проповедей прямо сказал: «Вот пагуба безвластия ... Да где же власть сильная, авторитетная, самосознающая, ответственная, Богом учрежденная и от Него получающая свою силу и свой страх? Вспомни, Ты, власть, данное тебе от Бога право, и твердою рукою держи данные тебе Богом скипетр и державу, и будь страшна всем врагам Божиим и Твоим. Тогда, увидев скипетр и державу в крепких руках, все злые будут праведно бояться Тебя, а добрые радоваться.» («Столп православной церкви» Пгр. 1915 г., с.690).

В пику всем указам и манифестам о «свободах» праведный Иоанн произносит проповеди о необходимости «остерегаться других свобод:

слова, печати, собраний. Они сеют вражду и ненависть и разделяют общество.» (там же, с.677) Он говорит о настоящей свободе, о которой Церковь говорит в своем учении и к которой ведет верных своих чад, а не о том «свободе совести», которая есть в действительности свобода от совести.

Совокупность всех перечисленных фактов позволяет думать, что роковая судьба постигла Россию именно за отступничество от Церкви ее верхов, и в первую очередь самой царствующей фамилии, опасность чего предрекал и преподобный Иосиф Волоцкий. И в этом смысле, вероятно, был прав М.О. Меньшиков, когда в июне 1917 года написал статью с характерным названием — «Кто кому изменил?» — имея в виду акт отречения от престола Николая II. Но даже и для пылкого юноши С. Маркова, пытавшегося освободить царскую чету, было ясно, что Николай II не был создан для царствования и, уступив престол, почувствовал облегчение. К отречению он готовился давно. Он рассчитывал провести остаток своих дней вдали от политических баталий — где-нибудь в Крыму, в Ливадии... Господь судил иначе.

Комментируемые источники

1. Белецкий С.П. Допрос С.П.Белецкого 12 мая 1917 г. — Падение Царского Режима. Л. 1929 г., т.111/
2. Берберова Н. Люди и ложи. Нью-Йорк, 1986 г.
3. Воейков В.Н. С Царем и без Царя. М. 1994 г.
4. Епанчин Н.А. На службе трех Императоров. М. 1996 г.
5. Жильяр П. Император Николай II и Его семья. Вена. 1921 г.
6. Кандауров Л.Д. Статья по истории масонства в России, (машинописная рукопись) — ЦХИДК, б. Особый Архив, ф.730, оп.1. д.172. лл. 20-37.
7. Керенский А.Ф. Россия на историческом переломе. Мемуары. М.1993 г.
8. Марков С. Покинутая царская семья. Вена. 1928 г.
9. Михайловский Г.Н. Записки. М. 1993 г., кн. 1-2.
10. Мосолов А.А. При Дворе последнего Императора. М.1992 г.
11. Письмо ложи «Мезори» ордена розенкрейцеров Государю Николаю II, помеченное 17 июля 1912 г.-ЦГИАЛ СССР, ф.157, д.390, лл. 35-42.
12. Соловьев О.Ф. Русское масонство 1730 — 1917. М. 1993г.
13. Спиридович А.И. Великая Война и Февральская революция. Нью-Йорк, 1962 г., кн. 1-3.
14. Толстой И. И., граф. Дневники 1906 — 1916.

КОММЕНТАРИИ К ИСТОЧНИКАМ V-ой ГЛАВЫ

И. Белецкий С.П. Допрос С.П. Белецкого 12 мая 1917 года. — Падение Царского Режима. Л. 1925, т. III., с.333-334.

Бывший товарищ министра внутренних дел Степан Петрович Белецкий показывал на допросе в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства, членами которой были, кстати говоря, почти исключительно масоны же, следующее: «Мне пришлось натолкнуться на схему одной из масонских организаций (в Департаменте полиции — *В.О.*), никем не подписанную ...; из этой схемы ясно можно было понять, что будто бы, сдвиг всего настроения в сторону общественности, при председателе совета министров, был обязан тому, что Витге являлся представителем одной из лож, заседавших в Петрограде, что, будто бы отсюда шел даже акт о веротерпимости 17 апреля 1904 года, (на самом деле 1905 года — *В. О.*), акт о веротерпимости! Будто бы преосвященный Антоний, который в то время был митрополитом и сторонником освободительных идей Витте, также принадлежал к этой ложе.(...) Курлов хотел указать..., что и Столыпин принадлежал к одной из масонских организаций».

Все эти и другие многочисленные сведения по масонству сообщались, говорит далее Белецкий, Государю. В то же время, сам великий князь — вероятно, имеется в виду Николай Михайлович — сообщил Белецкому о том, что «в среде офицерского состава гвардейских частей петроградского гарнизона имеются масонские ложи». Несомненно, сам великий князь, масон, знал об этом из первых рук. В связи с этим сообщением необходимо обратить внимание на то, что именно в этой среде гвардейских офицеров проходил воинскую службу и Николай II, будучи наследником престола. Масонство в гвардии шло со времен едва ли не Петра III, а Александр I и сам поощрял в первые годы царствования существование масонских лож в этой среде ...

Любопытно, что следователи всячески мешали Белецкому давать показания по масонской теме. Чувствуя это, Белецкий в конце концов и стал менее словоохотлив в показаниях на эту тему, более осторожен и стал всячески «сглаживать» острые углы. Отсюда это его «будто бы», и далее он говорит из тех же соображений «сглаживания», что под видом масонских лож в департаменте полиции часто принимались обыкновенные оккультные кружки. Конечно, никаких оккультных кружков вне масонства не существовало ни тогда, ни, кстати, теперь. Сообщение о масонстве Витте, Столыпина, митрополита Антония Вадковского подтверждается и другими данными. Об этом много писали и правые органы печати, а иногда и левые.

Откровения Белецкого относительно масонства дорого ему стоили: в отличие от других сотрудников министерства внутренних дел и Департамента полиции Степан Петрович Белецкий был расстрелян. Это произошло в Москве, 5 сентября 1918 года, в Петровском парке. Вместе с ним в этой партии осужденных были расстреляны и прот. Иоанн Восторгов, и известный автор работ по исследованию иудаизма Лютостанский со своим братом, и такие замечательные люди, как министр внутренних дел Н.А. Маклаков, А.Н. Хвостов, бывший также некоторое время министром внутренних дел, бывший министр юстиции Иван Григорьевич Щегловитов, — последний председатель Государственного совета ... Новая, еврейско-большевистская власть проявила чисто ассирио-вавилонскую, по выражению Г. Михайловского, жестокость и мстительность, не забыв, впрочем, объявить, что именно с нее и начинается «заря свободы и счастья» и что главный враг «прогрессивного человечества» не голод и пытки, не разрушение национальных основ жизни, а только антисемитизм, потому что «прогресс», «культура» и «гуманизм» — это и есть обозначения семитизма, как и «завоевания революции».

II. Берберова Н. Люди и ложи. (Нью-Йорк, 1986 г.)

а) Любопытно, что Берберова обращает внимание на факт безразличного отношения правительства к деятельности масонских лож: «Удивительно, что царское правительство было не слишком озабочено таким положением вещей ...» (С.У.) Она предполагает, что по крайней мере два агента полиции призванные добывать сведения о русских масонах во Франции, могли быть масонами и потому никаких реальных результатов их деятельность и не принесла. Это предположение небезосновательно.

б) Следует обратить внимание и на то, что, действительно, заграничные родственники Николая II, с которыми Он в первые годы, да и последующие так или иначе поддерживал близкие отношения, были потомственными масонами. Из этой среды вышла и Его мать, Мария Федоровна, жена Александра III, отличавшаяся исключительно либеральными взглядами. И из этой же Среды была супруга самого Николая II, Александра Федоровна, выросшая как было сказано, при английском дворе, где масонство было уже наследственным в нескольких поколениях и таковым и остается. При этом дворе, пронизанном масонским духом снизу доверху и воспитывалась принцесса Гессен-Дармштадская, ставшая русской Царицей и оставшейся протестанткой. Для нее священники и архиереи Русской православной Церкви были просто мелкими чиновниками духовного департамента. Выросшая в тесном придворном кругу, она боялась русской широты, русской громадности, русских просторов и, чувствуя страх перед этой русской необъятностью во всем, она испугалась и замкнулась в привычном для нее маленьком семейном кругу.

в) Другие сообщения Берберова делает со слов доклада кн.

В.Л.Вяземского, который тот сделал в Объединении русских лож Шотландского Устава (в помещении масонской ложи «Лотос») «Брат» Вяземский сделав доклад по истории русского масонства 18-19 веков, сказал, что Александр II был в молодости, до своего восшествия на престол, английским масоном. Масонами также были в те времена и граф Панин и министр внутренних дел Лорис-Меликов, которого многие в Петербурге считали виновником убийства Александра II. Либерализм этого хитрого армянина был даже в той среде «реформаторов» превосходящим все вероятия. Что касается масонства Александра II, то не мешает вспомнить, что воспитателем Государя был поэт Жуковский, имевший большой градус в ордене, а преподавателем к наследнику в 1833 году был назначен М.М. Сперанский, деятельнейший масон, о чем выше в данном очерке уже говорилось.

По сообщению Л.Д. Вяземского, создание Гаагского трибунала — инициатива масонов и их дело. То есть, Николай II действовал по их внушению.

III. Воейков В.Н. С Царем и без Царя. (М. 1994 г.)

К характеристике Николая II, как личности в политике. Воейков, дворцовый комендант, последние годы был настоящим рафинированным чиновником и в реальности не был похож на тот образ, который он создал в своих воспоминаниях, сделав из себя чуть ли не человека правых убеждений, черносотенца. Его мемуары отражают в большей степени влияние эмигрантской среды, где он оказался, и литературы правого толка. Между тем, в том, что касается сообщений о личности Николая II и разговоров с Ним, то, несомненно, они носят следы достоверности. Литературщина начинается там, где мы видим ходульность даваемых им характеристик, слащавость его запоздалого монархизма. И тем более ценны некоторые эпизоды, где чувствуется дыхание непосредственных впечатлений.

Николай II был непостижимой личностью даже для его окружения. А тем более зачастую теряешься в понимании, отчего Он принимал те или иные решения, Сам понимая их ошибочность и вредность. Так, зная о том, что заседания Думы возбуждают народные массы и порождают революционные ожидания, провоцируют беспорядки и забастовки, как и кровопролития, Он продолжает спокойно наблюдать за работой Думы, и не идет на ее разгон, или, по крайней мере, на ограничение печати в плане сообщений на ее страницах содержания речей левых депутатов. Зачем, кажется, помогать революции? Да еще во время войны. Между тем, объективно, так и обстояли дела к совершенному недоумению всех благомыслящих Его подданных. Воейков уже после отречения Царя, 5 марта 1917 года, при прощании спросил, отчего же

Государь не пошел раньше на уступки Думе, когда еще все можно было решить мирно. Ведь в результате все равно Царь пошел на все требования левых фракций Думы и «общественности».

«Государь ответил, что, во-первых, всякая ломка существующего строя, во время такой напряженной борьбы с врагом, привела бы только к внутренним катастрофам, а, во-вторых, уступки, которые Он делал за время Своего царствования по настоянию так называемых общественных кругов, приносили только вред Отечеству, каждый раз устраняя часть препятствий работе зловредных элементов, сознательно ведущих Россию к гибели» (с. 160-161).

Если Воейков правильно передает смысл слов Николая II, то остается только недоумевать: зачем же было идти на причинение вреда своему отечеству, ради чего и кого? И при том, не в каком-то отдельном случае, а во все время Своего Царствования, уступая «общественности» из кадет. Конечно эти слова Государя, сказанные Им в то время, когда Он уже перестал быть главой государства, наводят на самые печальные размышления, связанные в том числе и с темой масонства. Как будто кто-то принуждал Государя к такой политике. Важен и психологический фактор. «Работы» в ложе, длительные и старательные, перестраивают всю психику «работника», масона, и это видно даже по всему облику современных некоторых наших политиков: гибнущая страна, вид разоренных и погибающих русских городов и деревень не вызовут в сердце у адепта масонства из числа профессиональных политиков никакой реакции. Их глаза мертвы, а речи бесцветны и «взвешены»..., пока речь не идет о собственной судьбе или судьбе собственной семьи. А ведь именно такой облик в целом мы имеем перед собой, глядя внимательно на всю деятельность Николая II. Семья, жена, дети и бессмысленная война с миллионами жертв, затем забота о здоровье своих детей, личных, а судьба миллионов русских детишек, — что будет с ними, что ждет их? Все это остается где-то в стороне. И отсюда, думается, от таких «работ», такого воспитания эта равнодушная «взвешенность» во всем облике Царя. И это безразличие и холодность угадывалась и Его близкими сотрудниками. Впрочем «близких» у Него никогда не было.

IV. Епанчин Н.А. На службе трех императоров. (М. 1996 г.)

а) Отзыв генерала Епанчина, бывшего долгое время директором Пажеского корпуса, о Великом князе Николае Николаевиче представляет интерес как характеристика раздвоенности в мыслях общества, даже верноподданного, вследствие неопределенной политики Николая II. Епанчин называет великого князя врагом России, Царя и армии. (с.354) Между тем. Государь доверял «врагу» России высшие посты в государстве и даже после отречения назначил, непостижимым образом, своего изменившему Ему дядю Верховным Главнокомандующим.

б) Относительно Государыни Александры Федоровны, Епанчин передает отношение к ней петербургской публики: Ее считали немкой и такой она и осталась в глазах народа. По крайней мере, того народа, что проживал в Петербурге и Москве. Остальной народ, провинциальный, Ее просто не знал. И это сыграло во время войны самую плохую роль. Замкнутость царской семьи не повышала ее популярность и по понятным причинам воспринималась так, как только и должна была восприниматься — как презрение к своим подданным или безразличие к ним. Условия правления сеньора, в тем более Государя требуют самоотдачи всей царствующей четы своему служению. И появление на народе, одаривание милостивой улыбкой, прочими знаками благоволения, есть простая обязанность Царской четы. Претензии на любовь народную и в то же время нежелание что-либо сделать для того, чтобы выразить народу свою любовь говорило подданным о том, что матушка-государыня нас не любит и нам чужая. Все годы царствования Николая II царская чета только пользовалась монархическими чувствами подданных ничего не делая для их укрепления.

в) Епанчин обращает внимание на одну существенную сторону дела: он пишет, что при всех недостатках и в характере Государя и в системе управления страной, «современники совершенно не обратили внимания на одну из блестящих сторон Его Царствования, а именно на постепенно возрастающее благосостояние России, достигшее к концу царствования крупного развития.» (с.243).

Действительно, есть что-то парадоксальное в том факте, соотнося его с другими, который отметил мемуарист. Чиновники, профессора, инженера, и прочие сословия, выступавшие против режима, получали большие оклады, притом с годами все возрастающие. Крестьяне, и те в последнее десятилетие жили намного лучше, чем каких-нибудь несколько лет назад. Рабочие же зачастую не знали куда девать деньги, просаживая их то на ипподроме, то в ресторане, если речь идет о Москве и Петербурге. Но и по всей стране благосостояние росло не по дням, а по часам. Это видели все. Рабочему, например, чтобы купить себе шикарный костюм «тройку», надо было отработать два-три дня: костюм стоил около 10 рублей. Прекрасные настенные часы фирмы Павла Буре стоили 34 рубля, а рабочий в 1912-1913 годах в день зарабатывал по пять и более рублей. И так далее. Профессора получали министерские оклады. Война, отрезавшая Россию от ее природного партнера — Германии, не повела к экономическому кризису, но, наоборот, стимулировала отечественное производство всего необходимого, и даже предметов роскоши. Во время тяжелой войны был избыток продуктов и речь шла о правильном их распределении, хранении и транспортировке.

И вместе с тем, все решительно слои населения были недовольны. Никто не

связывал своего благосостояния с режимом. Самому режиму, правительству и Верховной власти не приходило в голову связать в сознании людей экономические успехи с «царизмом» и поселить в сердцах граждан и подданных благодарность родному Царю-батюшке за Его каждодневную заботу о процветании отчизны. А ведь как выяснилось, все процветание России было возможно только при Царе-батюшке. И выяснилось это очень скоро. Да у правительства не было даже пропагандистской машины: ни газет, ни сотрудников, не было даже должного понимания проблемы.

Режим даже не помышлял поощрять людей, верных долгу и присяге и отдавал легко этих людей врагам своим. Монархистов, «черносотенцев» терзали судами, клеветой, оговорами, штрафами. Правительство усвоило себе тон вечного оправдания перед интеллигентской «общественностью». Царь скрывал не только свою семью от глаз людей, так что никто не знал как выглядят наследник и дочери Царя, но даже не задумывался о том, что Его прямой долг сообщать своим подданным, как Он живет, как трудится, как скромнен в быту и как долго продолжается Его рабочий день. Он даже не помышлял, и не спрашивал себя, а принадлежит ли только Ему Его частная жизнь, не должен ли Он быть примером для подражания своим подданным, через средства информации донося до каждого русского человека свою примерную жизнь семьянина. Глава огромного государства был уверен, что у него есть право на частную жизнь! Царское служение Он воспринимал, как чиновник службу — от звонка до звонка, а дальше мое личное время, моя частная жизнь.

Слабость власти, — вот чего не могли простить Царю его подданные. Слабость власти государственной вообще тягостно переносится всеми и гражданами и подданными, и никакие материальные успехи не могут спасти авторитет такой бессильной власти, которая сама не знает, чего она хочет и не имеет никакой руководящей государственной и национальной идеи. К сожалению, сама власть приобрела либеральный характер и потому и не захотела привязывать к себе миллионы своих граждан и подданных.

В октябре семнадцатого пришла новая власть, сделала всех голодными, перестала церемониться, настроила тюрем и концлагерей, стала лгать и вопить о свободе и на нее стали работать не за страх, а за совесть. Эта власть сразу взяла в свои руки печать, книгоиздательства и дело образования. Создала язык хвалебных од самой себе, и заставила каждого гражданина выучить слова и бесконечно их декламировать дома, на работе, на улице. И, совершенно очевидно, это было именно то, чего собственно говоря ждали и от царской власти, именно такой «свободы», и такой железной руки во имя осуществления национально-русских интересов. Общество российское томилось все *сто* лет от избытка всяких «свобод», а власть думала, что действительно мало «свобод» ... и продолжало кормить этими «свободами» общество.

г) Отношение Царя к другим исповеданиям. Как Император, Государь должен был оказывать покровительство всем разрешенным на территории Империи религиям, и периодически присутствовать на богослужениях в церквях других вероисповеданий. Но как Царь православный, как человек, получивший все полномочия на власть от Церкви, и только от Нее, вследствие обряда венчания на Царство, как помазанник Божий Государь был обычным членом Церкви, ее покорным сыном и был обязан соблюдать все Ее каноны и потому под страхом исторжения из православия, отлучения от Церкви не мог присутствовать на богослужениях, скажем, у протестантов или католиков. Епанчин рассказывает: в Пажеском корпусе воспитывались и католики, и лютеране, и мусульмане. Соответственно, были и пастор, и мулла, и католический патер. Была и католическая церковь мальтийского ордена в корпусе. И Государь вместе с Императрицей периодически посещали ее, присутствуя на богослужениях: «Их Величества торжественно вошли в храм. — описывает генерал Епанчин церемонию посещения церкви мальтийского ордена царственной четой, — под звуки органа, и перед престолом было совершено краткое молебствие. Так русский православный Царь почтительно отнесся к храму католического исповедания, к которому принадлежали многие миллионы Его подданных» (с.286). Впрочем, начало процессу апостасии положил Петр I, который, будучи в Западной Европе любил посещать и синагоги, и кирхи.

В самой должности Государя, как Императора, и как Царя имелось, таким образом, неразрешимое противоречие. Как Император, он имел языческие обязанности и сам титул заимствован был из языческого Рима. Как Царь, он должен был охранять в народе не «веротерпимость» и либеральные свободы слова и выборов в Думу, а благочестие и догматы православия в сознании православных верующих неповрежденными, демонстрируя во всем превосходство именно этого вероисповедания, но уж никак не безразличия к нему и не равное отношение ко всем верам, характерное для государств протестантских с их культом абстрактного человека: В данном случае речь идет не только о личном отношении Николая II к канонам святой православной Церкви, но о пагубном принципе самой Империи, созданной на языческом понимании власти, в то время, как источник власти был христианский и власть получала свои полномочия только от Церкви.

д) Насколько тяжело отзывались в сердцах благонамеренных русских людей либеральные указы Царя, в том числе указ «об укреплении основ веротерпимости» рассказывает Епанчин:

«16 апреля 1905 года последовал указ о свободе вероисповеданий; этот акт был принят различно в разных частях русского общества. Крайне правые возмущались, и я был весьма удивлен, когда услышал мнение об этом указе Александра Алексеевича Нарышкина, сенатора, бывшего товарища министра

государственных имуществ, человека умного, благородного, в высшей степени воспитанного, правых убеждений, но вовсе не ретроградных ... Говоря мне об указе 16 апреля 1905 года, Нарышкин сказал о Государе:

«Он предал православие.»... Правда, после этого указа католическое духовенство усилило агитацию и имело некоторый успех среди униатов ...» (с.239).

На самом деле, «некоторый успех» — это по данным на 1 января 1909 года отпадение от православия около 301.450 человек. Из них в католичество перешло около 233.000, в лютеранство 14.500, отсеклось вообще от христианства и перешло в магометанство 50.000, в буддизм 3.400, в иудейство 400, в язычество 150 человек.

Тот успех, о котором говорит Епанчин при ближайшем рассмотрении, если речь идет о западном крае, выразился в настоящем терроре польских панов и ксендзов, начавшемся, как только было получено сообщение об этом указе, русского сельского населения, в глумлении над ним этих фанатиков католичества. При этом паны и ксендзы на пальцах объясняли смысл указа: ваш Царь сам отказался от православия и принял нашу веру. Действительно, в народном сознании именно так и мог восприниматься этот странный отступнический указ, не вызванный никакой реальной потребностью, если не считать за таковую возможность для инославных вести пропаганду среди православных, сворачивая их в свои исповедания. Статьи закона, наказывающие за такое сворачивание православия были убраны. В тех местах империи, где русское население находилось в подчинении у инородцев, как это имело место в западных губерниях, там этот указ и выразился в свободе преследования православных и принуждении их переходить в униатство и католичество, для чего крестьянам сулили поблажки, а в противном случае преследовали. Не даром, готовивший этот указ С.Ю. Витте, и через много лет с гордостью вспоминал об этом, ставя этот указ по значению наравне с манифестом 17 октября 1905 года.

Таким образом, реально, впервые Царская власть отказалась публично защищать веру православную и объявила о своем безразличии к вероисповеданиям вообще. Это был чисто протестантский взгляд на вещи, по существу иудо-масонский, о чем и писал миссионер Айвазов в «Московском сборнике» (1909 г.).

Резко высказался по поводу этого царского указа и праведный Иоанн Кронштадтский. 14 мая 1905 года в своем проповедническом «Слове» он сказал в частности: «Наконец, допущен безнаказанный переход из православия в какую угодно веру; между тем, как тот же Господь, Которого мы исповедуем, в Ветхом Завете определил смертную казнь отвергшимся закона Моисеева». (Евр. 10, 28). И далее праведник напомнил:

«Всякое царство, разделившееся в себе, опустеет, — говорит Господь, — и всякий город или дом не устоит.» (Мф. 12, 25) Если в России так пойдут дела и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвержены каре закона, и, если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет... за свое безбожие и за свои беззакония.» («Столп православной Церкви». Петроград. 1915 г., с.402).

Государь, выросший в интернациональной среде и многоязыкой, в среде, где модными были спиритизм, оккультизм и где говорили на смеси всех основных европейских языков, где само воспитание находилось в руках англичан, немцев и французов просто в силу этих обстоятельств был настоящим интеллигентом, человеком самых «широких» взглядов. Чего стоит сама форма обращения в царском доме: Ники, Зизи, Бэби, Сандро и пр. Можно ли подобное себе представить при Дворе Московского Государя, Самодержца Всея Руси. Но поразительно другое. Весь указ о веротерпимости, с первых строк объявлявший свободу перехода из православия в любую другую религию, готовился, как выше было сказано, исключительно в недрах Совета Министров. Во главе всего дела стоял незабвенный С.Ю. Витте. Побывав несколько раз на заседаниях комиссии, готовившей указ, обер-прокурор св. Синода Победоносцев, выразив свое отрицательное отношение к нему и увидев, что он лишний и его мнением просто не интересуются, перестал посещать заседания комиссии. Даже либеральный митрополит Антоний, друг Витте, и тот мягко заметил, что этот указ таит в себе реальную угрозу православной церкви. Он передал через Витте Царю, что для решения такого объема вопросов, в корне меняющих положение Церкви в государстве, члены Синода считают необходимым созыв Поместного Собора. Мнение было передано Государю, но ответа не последовало, но последовал сам указ от 17 апреля. Дальнейшее обсуждение указа в Думе в течении нескольких лет стало поводом для бесконечных нападок на Церковь, подрывавших ее авторитет. Этот указ продемонстрировал отпадение самого Самодержавия от той опоры, которая одна только и держала власть. Мнение Нарышкина по своему существу отвечает истине.

V. Жильяр П. Император Николай II и Его семья. Вена 1921 г.

Автор воспоминаний был долгие годы, до самого трагического конца царской семьи воспитателем и преподавателем наследника престола, Царевича Алексея. Француз и либерал.

В какой степени Царица плохо понимала политическую ситуацию в стране, до какой степени Она имела совершенно фантастические представления о характере Думы говорит один эпизод в роковые дни февраля 1917 года. Напомню, Спиридович описывает посещение Императрицы одним журналистом 26 февраля и приводит слова Александры Федоровны, что Она верит в русский народ и что все будет хорошо, (см. ниже «Спиридович»).

Теперь, Жильяр приводит слова Императрицы, сказанные Ею 28 февраля, когда уже стало известно о создании Временного правительства «по почину Государственной Думы возникшему». Она сказала ему, что столица уже фактически в руках революционеров, и что Дума образовала Временное правительство. Однако, Она довольна Думой:

«Дума оказалась на высоте положения, — сказала Она, — мне кажется, что она поняла, наконец, опасность, грозящую стране, но я боюсь, как бы это не было слишком поздно: образовался комитет из революционеров-социалистов, который не хочет признавать власти временного правительства.» (с. 160).

Ей, которая так уверенно командовала министрами, отдавала указания Царю, на основании уверенности в свой ум, проницательность и поддержку самого неба, даже в голову не приходило, что, не будь Думы, не было бы и революции, а она спокойно бы читала книги и воспитывала детей. Что, если бы Она слушала не всяких проходимцев, вроде Распутина, а советовалась бы с иерархами Церкви, такими как Никон Рождественский, или митрополит Владимир, или Макарий Московский, прот. И.Восторгов, если бы слушала правых деятелей той же Думы или Гос. Совета, то не пришлось бы Ей в скорости стать пленницей революционных бандитов. И она бы знала, что революцию сделали лидеры Думы, с лидерами революционных организаций составляя одно целое, и этим целым было масонство, которое расцвело в последнее царствование. Удивительно, но ни Она, ни Государь никогда не говорили о масонах, никогда эта тема, как кажется, не обсуждалась ими и мы не видим никакого звучания ее даже в их личных письмах. А ведь Царь интересовался этой темой с 1905 года и имел большую информацию. Это умолчание само по себе красноречивее любых слов. Удивительно и то, что ругая Милюкова, посмеявшегося обвинить Штюмерера в измене (1 ноября 1916 г. в Думе), ругая других плохих людишек из Думы, заклиная Царя быть тверже, быть Петром I, она, вместе с тем не предлагает нигде, ни в одном своем письме Государю разогнать Думу немедленно, арестовать главарей кадетской партии и левых фракций, провести следствие о возможно готовящемся перевороте. Они, эти масоны, и для нее, и для Царя — запретный плод, табу. В Ее понятии

«Дума оказалась на высоте положения» и готова стать грудью на борьбу с революционерами, вроде всяких там эсеров. Та Дума, что создала так называемое Временное правительство была масонской частью Думы. На нее теперь рассчитывает Государыня. В каком же мозговом тумане пребывала все эти годы Она вместе со своим «Другом», воюя с иерархами Русской Церкви! Как кажется, Она даже не знала, что член Временного правительства Керенский входит сам в эту революционную синагогу, именуемую «советом рабочих депутатов» и что он является трудовиком, то есть эсером.

б) Иногда, чтобы как-то оправдать акт отречения Царя, говорят о

вынужденности этого акта. Выше уже говорилось на эту тему в основном тексте. Этот акт отречения ни в одной своей строчке не носит никакого отпечатка принуждения. И приказ по армии от 8 марта, написанный уже совершенно по личной инициативе Царя повторяет те же слова о необходимости повиноваться Временному правительству, и что власть Временному правительству передана Им, а не то, что это Временное правительство есть плод насилия и незаконное детище еврейско-масонского заговора и анархии, чем на самом деле и было эта масонская ложа, ставшая вдруг правительством на 8 месяцев.

Государь и потом, в заточении никогда не говорил ничего о вынужденности этого акта, и что Его к нему приневоливали. В связи с сказанным интересно свидетельство Жильяра:

«Я тогда (в Тобольске — В.О.) в первый раз услышал от Государя выражение сожаления об Его отречении. Он принял это решение в надежде что те, кто пожелал Его удалить, окажутся способными привести войну к благополучному окончанию и спасти Россию.» (с. 187)

Как всегда это случалось с благими начинаниями Николая II — Он хотел как лучше, а получалось смертоубийство в результате Его указов и манифестов, а теперь еще и отречения от престола. Хотел избежать гражданской войны и своим отречением ее спровоцировал. Так было и с манифестом 17 октября 1905 года, после которого и в результате которого и разгорелась революционная анархия и пролилось много крови. Так было и с указом об автономии университетов 27 августа 1905 года и с манифестом 6 августа 1905 г., которым учреждалась Государственная Дума. В результате раскол в обществе усилился, конфликт вследствие государственно-правовой неопределенности самого созданного строя достиг точки кипения и страна была подведена к краю гражданской войны. Благодаря Думе революционное масонство обрело общественную трибуну и законодательную власть. Чтобы избежать гражданской войны, Он отрекся от престола. В результате — началась гражданская война и в Кремль плотно сели еврейские комиссары; преступная банда овладела Россией. Впрочем, самой верной характеристикой Царя являются слова из дневника Л.Тихомирова, приведенные выше.

Во всем этом можно видеть трагизм и человека, подчинившегося идеалам масонского гуманизма, романтизма и впавшего от того в состоянии полной политической слепоты и безволия. Отсюда и та черта характера, которую отмечали в Николае II все решительно мемуаристы, от преданных монархистов до революционеров: фатализм, какой-то сектантский мистицизм и вечные колебания в мнениях и решениях государственных вопросов.

VI. Кандауров Л.Д. Статья по истории масонства в России в виде машинописной рукописи. — ЦХИДК, 6. Особый Архив, ф.730, оп. 1, д.172,

лл. 20-37.

«По сведениям русских мартинистов, они никогда, со времени своего основания, существования своего не прекращали. Без точных архивных данных проверить это, конечно, невозможно, но надо сказать, что в пользу этого утверждения может говорить тот факт, что в мартинизме не требуется, чтобы регулярный мартинист был посвящен непременно в «правильной и совершенной» ложе, как у нас.²⁷ Посвящение может быть сообщено профану каждым мартинистом, получившим в своей системе 3-й градус, даже если он и не состоит больше членом какой-нибудь мартинистской ложи.» (л.20)

Это сообщение Кандаурова объясняет факт того, что о масонстве в придворных кругах и среди чиновничества за XIX век почти нет никаких сообщений.

«В английской франкмасонской литературе имеется указание на то, что с 1856 по 1863 года Русское Правительство не преследовало существовавших тогда в России лож, может благодаря тому, что Император Александр II был, кажется, посвящен в одной из английских лож в молодости. Не преследовало, но отнюдь не поощряло. Есть сведения, что в эти годы были возобновлены работы новиковской ложи Нептун в С.-Петербурге, где тогда и были посвящены известный историк русского франкмасонства Пыпин и П.Беклемишев, впоследствии руководивший ложей Карма в Петрограде.» (л.21).

«В первой половине 1906 года в парижские ложи поступило, сразу около 15 человек известных русских общественных деятелей, главным образом принадлежащих к кадетской партии: Немирович-Данченко, М.С. Маргулиес, Амфитеатров, кн. Урусов, В.А. Маклаков, Лорис-Меликов, проф. Трачевский, Ключевский, гр. Орлов-Давыдов. Некоторые из них поступили в ложи Великого Востока, но большинство в ложи Шотландского Устава «Космос» и «Мон Синай».

Все — в строжайшей тайне, без анкет и переписки. Эти братья основали по возвращении две ложи в С.-Петербурге. (...) Одновременно был учрежден в Москве и розенкрейцерский капитул Великого Востока».(л.25)

Эти данные вполне совпадают с данными, изложенными в книге Николаевского «Русские масоны и революция» (М.1990). Поучительно и полезно вспомнить, что в то время монархисты называли кадет не иначе как жидо-масонами, но в обществе, отравленном интеллигентскими предрассудками, считалось, что от таких плохих людей, как эти «черносотенцы», ничего заслуживающего внимания исходить не может, т.к. всем управляют законы прогресса, а в этих законах нет — почему? — места

²⁷ т.е. в масонстве Шотландского Устава, самого распространенного в мире.

масонам. Между тем, исторические данные, в том числе и сообщенные самими кадетами спустя много десятилетий показывают, что решительно все указания «черносотенцев» по части масонства и по части политических их планов во всем соответствовали действительности. (см. ниже «Орден Бнай Брит», сюжет с В.И. Вернадским).

Мартинистские ложи объединяли не только кадет, стремящихся установить в России власть еврейско-масонского ордена, то есть на тот этап «революционеров», но и придворных: «Полицейские скоро напали на след мартинистов, — пишет Л.Д. Кандауров, — группировавшихся вокруг издававшегося в Царском Селе журнала «Ребус» мартинистов, среди которых было несколько Великих князей (Николай Николаевич, Петр Николаевич, Георгий Михайлович) и лиц, близких ко Двору; Их не тронули, но члены русских лож Великого Востока насторожились и в конце 1909 от страха или от скуки, — было решено ложи усыпить. В конце 1912 вновь решили оживить деятельность, устранив болтунов ... цель всей организации была политическая: ниспровержение в России Самодержавного режима и установления демократического строя.» (л.29)

Цель политическая — низвержение Самодержавия, а в ложах, мы видим, участвуют члены династии Романовых, включая любимого дядю Николая II, Вел. кн. Николая Николаевича и Георгия Михайловича, и придворные чины. Полиция, знавшая, кажется, все об эсерах, большевиках, кадетах, о деятельности масонов в столице, если верить некоторым сообщениям, ничего толкового не знала и напасть на след масонов не могла. Но Кандауров, как мы видим, пишет, что «полицейские скоро напали на след мартинистов», но их не тронули. И не могли тронуть, так как в рядах мартинистов были ближайшие родственники Царя и придворные.

Это одно сообщение способно резко изменить наше представление о всем ходе царствования Николая II. Ведь если «полиция быстро напала на след», и, заметим, и не могла не напасть на таковой, то, значит Государь был осведомлен об участии в деятельности масонства и своих ближайших родственников, и в том числе столь авторитетного для Него и столь любимого Им его дяди вел. князя Николая Николаевича. А, следовательно, масонству должен был покровительствовать и Сам Николай II, почему полиция и не могла тронуть никого из масонов. Не только в этой ложе, но и во всех других. Кроме того, пребывание в масонстве никак не сказалось на карьере чиновников, членов лож. У нас нет никакого намека, даже приблизительного, на что-то похожее.

Скорее наоборот — членство в ложе помогало делать чиновнику карьеру. Конечно, не мог Он не знать о масонстве вел. князей Александра Михайловича, женатого на Его родной сестре, и Николая Михайловича, с которым он вел

беседы о масонстве, выражая какие-то опасения (см. XII, с. 437.). Другой вопрос остается открытым: знал ли Государь о том, что масонство в России имеет задачу государственного переворота. Вероятно, так вопрос не ставился. Да в таком виде решение политического вопроса не ставилось и самим руководством масонства. Предполагалась мирная и быстрая эволюция в сторону конституции, а затем, после переходного периода, и к республике социалистического толка, но уже тогда с массовыми репрессиями и массовым уничтожением русского народа под видом доктрины классовой борьбы.

Что касается убеждения в необходимости эволюции в сторону конституции, то здесь, как мы видели, Николай II вполне разделял в принципе необходимость отказа от Самодержавия и потому Он всячески утверждал в стране переходную форму правления к конституционной монархии или республике, как получится, в виде учреждения законодательной Думы и системы многопартийности. Что касается видов на будущее России и своих планов, то их Государь изложил, в частности, своему врачу Кострицкому (см. у Спиридовича) и Ю.Деню (см. ниже у Маркова, VIII, с.427). Поэтому планы масонства и кадет для него не были чужды. И потому масонство и пользовалось Его покровительством. Но вернемся к сообщению Кандаурова об ордене мартинистов. Орден мартинистов управлялся Верховным Советом, состоявшим из 7-9 человек. Секретарем Верховного Совета был А.Я. Гальперн. Таким образом, под началом Гальперна находились и Великие князья, гордые члены династии Романовых. Впрочем, как было сказано в тексте, сыновья Великого князя Михаила Николаевича — Николай Михайлович, Григорий Михайлович, Александр Михайлович были по матери евреями (см. Витте С.Ю. Воспоминания. М.1960, т.1. с.429-430, а также в письме Императрицы за 4 ноября 1916 года: «... Николай не к добру поехал в ставку, — скверный он человек, внук еврея» (И все трое — деятельные члены масонского ордена. При определенных обстоятельствах, таким образом, член Дома Романовых, еврей, мог вполне стать Самодержцем Всероссийским, будучи по рождению еще гражданином Израиля. Не в первый раз, и не в последний еврейская кровь вливалась в жилы династии Романовых, отчего многие из Великих князей имеют отчетливо еврейский тип лица. В Думе, пишет далее Кандауров, «членами (ложи) были прогрессисты и кадеты». (л.30)

«Перед февральской революцией Верховный Совет поручил ложам составить список лиц, годных для новой администрации, и назначить в Петрограде на случай народных волнений сборные места для членов лож. Все было в точности исполнено и революционным движением без ведома руководимых, руководили члены лож и сочувствующие. Многие из первых вошли в состав министерства кн. Львова и Керенского (в последнем все министры были членами лож), многие заняли места комиссаров Временного правительства», (л. 30-31)

Нельзя не заметить, что первый глава Совета министров временного правительства кн. Г.Е. Львов был назначен на свою должность премьер-министра указом Николая II от 2 марта 1917 года.

Что касается собственно темы масонства Николая II, то автор пишет:

«Первым пропагандистом мартинизма в России был известный Филипп, прибывший в Россию из Лиона и приобретший влияние при дворе. Он прибыл в С.-Петербург. Императрица Александра Федоровна надеялась, что он поможет ей родить сына своими оккультными способностями. В 1895 году он основал в Ст.-Петербурге ложу «Крест и Звезда»,²⁸ собиравшуюся вначале в Зимнем дворце, а затем в Царском Селе и на квартирах членов ложи. Председателем был сначала сам Филипп, а после его смерти, граф Мусин-Пушкин (ныне живет во Франции, в мартинизме должность председателя пожизненная, участвуют лица обоего пола).

В числе членов был и Император Николай II. Как говорят, создание первой Гаагской мирной конференции было в значительной степени влиянием этой ложи, но от других лож (мартинистских) эта ложа держалась в стороне, имея сношения главным образом только с ложей (мартинисте -кой) такого же характера, собиравшейся тогда во Франции, в г. Тур.

В 1902-1903 Император Николай, отвратившийся от оккультизма и обратившийся к св. Серафиму Саровскому, перестал посещать ложу, которая через несколько лет (1916) и совсем прекратила свои труды ...

После отъезда Филиппа из России (1901) в Петербург вскоре прибыл Гроссмейстер орд. март. Папюс (д-р Анкосс)...

Папюс основал в России мартинистские следующие ложи: в С.-Петербурге «Аполлония» (пред. сначала фон Мёбес, а потом Антошевский), в Москве св. Иоанна Равноапостольного, в Киеве св. Владимира Равноапостольного в 1912 г.»

«Учреждение ложи (Филалетов) в России сделалось возможным благодаря покровительству, оказанному вел. князем Александром Михайловичем и по его инициативе. (Имеется в виде лож и филалетов, одной из ветвей франкмасонства — В.О.)

... В ложе «Карма» по-видимому участвовал сам вел. кн., участвовали многие высшие чины Главного Управления Торгового Мореплавания, во главе которого стоял великий князь, и так называемого Морского Союза, также возглавлявшегося им. Последние годы во главе ложи стоял П. Беклемишев; для того, чтобы облегчить собрания, великий князь назначил его хранителем Морского музея в С.-Петербурге: в музее этом имелся обширный отдел

²⁸ см. свидетельство Витте ниже.

старинных фф. мм. предметов, а у бр. Беклемишева большая казенная квартира; то и другое весьма облегчало собрания логи ... раскрытия деятельности логи нечего было бояться из-за покровительства, которым она пользовалась.» (л.34-36).

К моменту большевистской революции в ложе этой насчитывалось около тысячи человек, «хотя на собраниях больше 20-25 не присутствовало никогда».

Что касается розенкрейцерских лож, то ко временам Александра II они несколько захирели, пишет автор, и только к концу 80-х они вновь оживают. В середине 90-х логи розенкрейцеров действуют уже в Москве, Казани, Н.-Новгороде, Полтаве, Киеве, Феодосии, Риге. Незадолго до войны, пишет Кандауров, в этой системе розенкрейцества была образована ложа Люцифер, в которую входили Валерий Брюсов, Андрей Белый, Петровский, Вяч. Иванов...

Интересно, что А. Белый в своих воспоминаниях говорит, что только после революции он узнал о масонстве и, узнав, схватился за голову — вот в чем дело-то, а он-то, наивный! Примерно так можно перевести на нормальный язык эти строки воспоминаний поэта. Такова ценность признаний многих деятелей о том, что они сами к масонству никакого отношения не имеют и даже не знают о чем идет речь, и кто такие эти самые масоны.

Здесь мы снова должны представить себе реальный смысл сообщения о том, что масонским ложам филалетов, близким к мартинистским по уставу и организации, нечего было бояться разоблачения, так как сам ближайший родственник Царя, Сандро — для Николая II, то есть вел. кн. Александр Михайлович, покровительствовал ложам этого толка. И в этом случае, как и в случае с братом этого Сандро историком Николаем Михайловичем, мы должны будем признать, что, в конечном счете, такое покровительство могло иметь силу только в том случае, если оно получало одобрение Самого Николая II, которому полиция не могла не сообщать о полученных ею сведениях по данному сюжету. В таком случае при доверительном характере отношений между ними, Николаем II и Сандро, когда долгие часы они проводили вместе на отдыхе в Крыму, как, впрочем, и в Петербурге, ведя дружеские беседы, трудно себе представить, чтобы тема масонства не была бы затрагиваема. Более того, этих долгих бесед не могло и быть, если бы сам Николай II не был бы масоном. Невозможно себе представить, что деятельный масон, да еще высоких градусов, каким был Александр Михайлович, не стал бы постепенно втягивать нужное лицо в масонство. Этот вариант просто исключен, зная обязанность любого масона заниматься прозелитизмом в отношении нужных ордену

лиц.

Еще одно сообщение Кандаурова касается участия большевиков в ложах филалетов в Швейцарии, где будущие властители России в тишине и безопасности плели свои паучьи интриги против Самодержавия и исторической России. Кандауров пишет: «Судьба ордена филалетов вне России оказалась печальна: швейцарские логи были захвачены большевиками и закрылись после их отъезда в Россию» ... (л.36). Это свидетельство дает основание предполагать, что все руководство большевистской партии входило в ложу филалетов. В этом случае партийная дисциплина становится дисциплиной франкмасона. Понятно, логи филалетов с большевиками, закрывшись в Швейцарии, должны были открыться в России, с октября 1917 года в Петрограде, а с марта 1918 года — в Кремле, где обосновались гг. Ленины-Бронштейны.

Прим. — По сообщению гр. С.Ю.Витте, Филипп был представлен царской чете черногорками, то есть дочерьми черногорского князя Николая, Анастасией и Милицией, увлеченных мистицизмом и находившихся в эти годы в самых близких отношениях с молодой Царицей (см. ниже свидетельство Мосолова). Но это не могло быть ранее 1896 года, когда царская чета посетила впервые Францию. В Петербурге, куда этот Филипп вслед за тем приехал, «он постоянно занимался беседами и мистическими сеансами с Их величествами, Николаевичами и черногорками». (Витте, кн. 2, с.269) Министр внутренних дел Сипягин «смущенно» говорил Витте, как ему не нравится «эта история с Филиппом». Сам же Филипп, во время своих приездов в Петербург находился на особом попечении дворцового коменданта Гессе. Сам характер влияния Филиппа на Императрицу Александру Федоровну виден из упоминания Царицей в своих письмах подарка этого спирита и масона в виде иконы с колокольчиком (напр. в письме от 4 декабря 1916 г.). Этот колокольчик должен позвякивать, если приближается человек с дурными намерениями.

Конечно, если не назвать это откровенным легковерием внушаемой женщины, то надо назвать это магием. Но надо сказать, что дорого обошелся России этот магизм, эта внушаемость и это легковерие несчастной и не нашедшей себя женщины, оказавшейся в чужой и страшной для Нее стране с ее огромными космическими проблемами и вселенской трагедией. Она, несомненно, любила ту Россию, что была создана Ею в своем воображении. Она любила ее, как свою мечту. О России подлинной Она не только ничего не знала, но и не откуда было Ей ее узнать. Всю жизнь Государыня прожила в узком семейном и дворцовом кругу. И этот круг все время суживался. Для подлинной России она была слишком неприспособленной, маленькой и хрупкой. Она осталась немецкой принцессой из маленького искусственного мира.

VII. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. (М. 1993 г., с. 108-109)

Сообщение Керенского, видного масона, дополняет сообщение Кандаурова: «Первым при дворе появился д-р Энкокс, француз, которого все именовали Папусом. Он был представлен Николаю II в 1901 году в Париже Великим князем Николаем Александровичем. В 1901, 1905 и 1906 годах Папус побывал в России и навсегда остался другом императорского семейства. В качестве президента Высшего Совета ордена мартинистов он основал в Санкт-Петербурге масонскую ложу, в которой Царь, по слухам, занял пост «Высшего гостя». В число членов ложи вошли наиболее видные представители санкт-петербургского общества. Папус проводил сеансы, во время которых обычно вызывал дух Александра III для бесед с сыном Николаем II. Незыблемая верность Царя союзу с Францией, которую не могло поколебать никакое внешнее давление, часто объясняют связями с орденом мартинистов. (Энкокс ф. Научный оккультизм. Париж, 194?, с.283). Папус был предшественником и духовным отцом другого «чудотворца» — Филиппа Вашода, человека незаурядного. Уроженец Лиона, он был представлен императорской чете в Компьене во время их визита во Францию, и его влияние на Царицу было столь сильным, что в своем письме к мужу в 1916 году она именует его «одним из двух друзей, посланных нам Богом, под вторым подразумевая, конечно же, Григория Распутина. Престиж Филиппа Вашода был огромен, он имел много последователей во Франции. Царица самозабвенно следовала всем его наставлениям, но наследника по-прежнему не было. В конце концов француз пришлось покинуть Россию. Духовник Царицы митрополит Феофан осудил его, назвав «порождением бесовских сил.»

Далее Керенский пишет, что Царица в своем общении с людьми довольствовалась «узким кругом склонных к мистицизму друзей». В своих письмах, пишет автор мемуаров, Царица и много лет спустя вспоминала Филиппа, «нашего первого друга». Вторым был Распутин.

При дворе процветал «вошедший в ту пору мистицизм и увлечение спиритическими сеансами». Увлечение затем Распутиным, говорит Керенский, было психологически, лишь продолжением той же линии мистицизма Царицы, что и увлечение Филиппом. В сознании Царицы оба эти человека, оба мага, сливались впоследствии в как бы один двойник. Что касается Распутина, то он стал для Царицы «воплощением «священного единения» короны и крестьянства, а, следовательно, рукой Провидения». (с. 111).

Факт влияния оккультизма на дворцовые сферы и на само «направление нашей политики» не было секретом для общества. Граф И.И. Толстой записывает в своем дневнике: «в «Петербургской газете» (20-го июля 1908 года) появилась довольно знаменательная статья об оккультизме вообще и в

Петербурге в частности, в которой весьма прозрачно указывается на влияние разных духовидцев с Папусом во главе на направление нашей политики. Хотя в статье и говорится только об «аристократических кругах», но ясно, что намекают на Царя и Императрицу.» (Толстой И.И. Дневник 1906-1916. М.1997 г., с.203-204). Факт такого влияния на политику, как видим, отметил и Керенский, говоря о приверженности Николая II к франко-русскому союзу, мало объяснимому с рациональной точки зрения.

Слово в слово то же самое пишет и митрополит Вениамин Федченков в своих воспоминаниях (см.»На рубеже эпох». М.1994, с.140-141):

«Вместо влияния духовенства в придворную сферу проникло увлечение какими-нибудь светскими авантюристами, «спиритами». Относительно увлечения то Филиппом, то Распутиным Митр.Вениамин пишет, что увлечение одним «человеком Божиим» — Филиппом, сменилось другим «человеком Божиим» — Распутиным, которого Царица считала, и это хорошо видно по Ее письмам, святым человеком, пророком, гласом Божиим, в сущности, почти воплотившимся «Христом», как у наших духоводов. Теперь надо представить себе двор православного Государя, погруженный в каббалистические упражнения, магию, прочее колдовство, экзальтированный и ждущий чудес. Вот реальная среда, демоническая и масонская, в которой жил последний русский Самодержец и из которой он должен был брать себе советников, но в которой Он и сам был своим, ее частью, ее продуктом. В этой среде Он рос, воспитывался и мужал. В ней он замкнулся, как улитки в раковине. И с этим реальным фактом нельзя не считаться.

VIII. Марков С. Покинутая царская семья. Вена 1928 г.

Относительно представления Николая II о будущем России и ее государственном устройстве.

Марков, молодой корнет, приемный сын генерала Думбадзе, один из немногих, пытавшихся неизвестно зачем спасти царскую семью из заточения, потому что при имевшемся настроении Царя и Его супруги это было занятием совершенно никчемным. Царь хотел оставаться частным человеком после отречения, жить обязательно в России. А в случае каких-либо моральных соображений, могущих возникнуть неожиданно, Он и Его супруга готовы были бы снова сдаться властям. Понятно, что все эти условия делали совершенно бессмысленным освобождение семьи. Ведь в случае удачного побега нужно было царской чете проявить инициативу, волю к борьбе, но ничего подобного за Царем, теперь бывшим, и его супругой не замечалось. На борьбу они были не способны. И где бы могла найти себе места семья бывшего Царя, не желавшего более бороться за Россию, да и не способного и не желавшего. Где бы они могли бы жить при белых или при большевиках? Так или иначе, но

Марков пишет, ссылаясь на свидетельство Ю.А. День, жены офицера Гвардейского Экипажа, командира крейсера «Варяг», капитана 1-го ранга К.Е. День. Она была близкой подругой Царицы. По ее словам Государь еще задолго до революции развивал свои планы на будущее.

20-летнее царствование Его утомило, говорил Он, и единственное Его желание — довести Россию до победы. <Он предполагал удовлетворить насущные нужды путем земельного вознаграждения всех участников войны ... провести в жизнь земельную реформу Столыпина (...), создав особую комиссию по разработке широкой конституции, принимая во внимание все особенности русского уклада и быта, а в день совершеннолетия Наследника отречься от престола в Его пользу с тем, чтобы начало Его царствования ознаменовалось дарованием этой реформы, дабы Он в день своего Коронования был первым русским Царем, присягнувшим на верность конституции.

Государь считал, что народные массы, оздоровленные победоносной войной, проникнутые упоением победы и искренним патриотизмом, лучше, чем когда-либо воспримут дарованные им права, и конституционная Россия сделается еще более могучей, чем под скипетром Самодержавных монархов.» (с.28). Эти слова почти один-в-один, как эхо, отразились в акте отречения.

Таким образом, политические воззрения Царя лежали в конституционной плоскости. Самодержавие, по Его мнению, просто отжило свой век. И вопрос о введении конституционного правления, демократического по сути, был для него просто вопросом времени. Эта точка зрения нашла свое отражение и в тексте отречения и в приказе по армии от 8 марта 1917 года. Если принять во внимание собственные политические воззрения Царя, чего, почему-то не делается, тогда станет ясным, почему Он верил в Думу и в «общественность», эту вывеску масонского ордена в России. Почему не воспринимал записки правых, не слушал их предупреждений, не внимал их советам и отчего так легко поддался на давление и отрекся от престола и даже от Самодержавия, наказав брату править на основах, выработанных народными избранниками. Царь Николай II просто разделял в душе с масонской и еврейской «общественностью» уверенность в необходимости уничтожения Самодержавия. И если Он так долго противился требованию дать ответственное министерство и ввести конституционной образ правления, то только потому, что считал время войны не лучшим временем для перемены формы правления. Он был просто либералом, но пассивным по характеру, и от того не решался что-либо сделать радикального, пока Его к тому не принуждали революционные силы. Сошлемся еще раз на приведенное выше мнение Тихомирова о Николае II. Свидетельство Маркова подтверждается свидетельством доктора Кострицкого (см. ниже у Спиридовича, XIII, с. 440). Он и отрекся, будучи искренне уверенным, что Его уход от власти поможет

сплотить народ и даст возможность Временному Правительству довести войну до победы. В каком мозговом тумане надо было жить все эти годы, чтобы написать эти слова отречения. Вместе с тем это означает, что масонство оказало на него глубокое влияние в смысле формирования его политических и религиозных воззрений. Не случайно, принимая решение об отречении, Он даже не проявил желания спросить мнение иерархов Церкви. Это решая-то судьбу всей России! А ведь были рядом и Митрополит Владимир, правда, сосланный в Киев, и митрополит Макарий, да и был рядом святейший Синод. Царь даже не вспомнил о них.

Отсюда же такая поразительная привязанность к «Николаше», то есть к великому князю Николаю Николаевичу, деятельному члену масонских лож, участнику заговора с 1905 года. Отсюда же из многочисленных родственников ближе всех Ему были евреи, масоны и либералы — Николай Михайлович и Александр Михайлович, женатый на Его родной сестре Ксении. Можно догадаться, о чем они все беседовали в юности и в молодые годы, как и зрелые. Некоторое представление об этом дают воспоминания вел. князя Александра Михайловича.

Отсюда и .вопрос о «темных силах», «заговорщиках» и «предателях», окружавших Царя и вынудивших Его на отречение, любимая тема многих публицистических сочинений, приобретает какой-то романтический оттенок пьесы Шиллера с маркизом Позой. Судьба Самодержавия была предрешена самим Царем и его мировоззренческими установками. А необъяснимая привязанность Николая II к такому нелепому учреждению в условиях России, да еще Самодержавной, как Гос. Дума, и сделала революцию реальностью.

Когда в июне 1917 года Меншиков написал статью по поводу отречения Царя «Кто кому изменил?», то, как мы видим, он имел определенные основания обвинить в измене своему долгу Царского служения и Главы государства Самого Николая II. Обещание, данное Им при святом короновании хранить неповрежденной власть Самодержавную, было попрано еще в 1905 году.

С.Марков, осмысливая в эмиграции пережитое, пишет, характеризуя Николая II:

«Когда же грянула революция, Государь доказал, что Он в сущности Самодержцем не был, поддался оказанному на него давлению и отрекся от Престола, вместо того, чтобы приказать повесить на первой перекладине всех этих Гучковых, Шульгиных, Рузских и направиться во главе верных войск в Петербурге, где действительно самодержавной рукой восстановить порядок и тем доказать, что Он, действительно. Самодержавный монарх, и трон Его непоколебим ...» (с.28).

Конечно, в этих словах бывшего корнета много наивности, но важно, что это

мнение современника, верноподданного, человека, романтически увлеченного желанием освободить царскую семью и воспитанного в лучших монархических традициях.

IX. Михайловский Г.Н. Записки. (М. 1993 г., кн. 1-2).

Автор, сын известного писателя Гарина-Михайловского, служил в годы Мировой Войны в Юридическом отделе Министерства Иностранных дел. Его дядя, Чарыков, некогда был товарищем министра иностранных дел, затем послом в Турции. По своим связям и через дядю, и через отца он в этой среде «избранных» был своим.

а) Относительно темы масонства и мнения на этот счет высшего чиновничества. Михайловский пишет, как однажды, уже после февральского переворота, когда шла гражданская война, он услышал поразившие его слова старейшего чиновника министерства, бывшего долгие годы товарищем министра Нератова, который, вероятно, и сам был масоном:

«Нератов однажды таинственно признался, что, по его убеждению, миром правит неведомая «пятерка» евреев-масонов ... заметив, что *«русская интеллигенция никогда не поверит в закулисную мощь масонства.»* (кн.2, с.232). Последнее признание едва ли не самое ценное и верное.

б) Многие министерства имели свои досье по масонству. Было такое и в МИД. В юрисконсультской части находилось «масонское дело». Это была, пишет он, «объемистая папка, заключавшая в себе дипломатическую анкету, произведенную в 1905-1906 гг. по поручению министерства нашими заграничными дипломатическими представителями. Анкета должна была в строго секретном порядке выяснить природу и современное политическое значение масонства. Этот вопрос в те годы очень интересовал русское правительство, и *результаты были доложены государю*²⁹ на Совете министров, а сама анкета почему-то хранилась в Юрисконсультской части, может быть потому, что ею очень интересовался Нольде.» (кн.1, с.171).

Б.Э. Нольде, начальник юрисконсультской части, был видным деятелем кадетской партии, масоном (см. Берберова Н.) и этот факт придает определенную пикантность сообщению Михайловского. Впоследствии Б.Э. Нольде просто украл это дело, когда уходил при Временном правительстве из министерства. Что там было, остается только гадать. Так, в сущности, исчезло большинство таких «дел», поскольку власть захватили масоны.

в) Слухи и предположения о готовящемся перевороте в Петербурге были после убийства Распутина, пишет автор мемуаров, всеобщими. В министерстве об этом «говорили совершенно определенно, называя даже день — 1 марта».

Причем называли и главных участников заговора и членов будущего правительства: Гучкова, Милюкова, Родзянко. На вел. кн. Михаила Александровича указывали как на будущего Императора. Республиканский характер будущего переворота считался исключенным. Отсутствие наказания убийц стало, подчеркивает Михайловский, непосредственным поводом к подготовке переворота, так как общество все-таки рассчитывало на проявление власти. И было бы успокоено, если бы Царь сурово наказал убийц. Общество именно этого ждало от Царя. «Быть может, жестокая расправа с убийцами Распутина поддержала бы авторитет власти» — пишет Михайловский. Но, когда все наказание свелось к обычной полуопале, как «провинность против этикета», тогда недовольство захватило уже самые широкие круги общества. И не только недовольство против Николая II, но и против всей царствующей фамилии. Раздражало людей именно безвластие. Оно провоцировало бунт. Эта сторона дела иногда уходит от внимания историков. Общество сочло себя нравственно оскорбленным такой мягкостью по отношению к убийцам.

Упомянутый Нольде, кадет и масон, автор, кстати, акта отречения вел. кн. Михаила Александровича, называл своим сослуживцам дату переворота в ноябре 1916 г. — через три месяца (кн.1, с.210). После речи Милюкова 1 ноября 1916 г. «о государе говорили как о покойнике, и в этот момент в нашем ведомстве, в этом пока что тесном кругу наиболее близких к министру чиновников, монархия уже не существовала», (там же. с.210) Причем вопрос о близком перевороте обсуждался в приемной Штюрмера, министра иностранных дел и премьер-министра. Правда, в его отсутствии.

Генерал Спиридович пишет: Царь верил и, так далее, в благородство Думы. (см. ниже) Верил ... Но своим безволием буквально провоцировал людей на бунт: что толку от власти, которую никто не видит и не чувствует. Которая только место зря занимает. Именно такие мысли все чаще и чаще высказывались повсюду. Люди, даже многие кадеты, были бы рады проявлению твердости и суровости со стороны Царя. Но оттуда, от престола Царского давно не было слышно ни одного звука. Царь как бы исчез с политического и общественного горизонта.

Имел ли Николай II сообщение с мест, имел ли связь с простым народом, доходили ли до Него сообщения о событиях в стране и настроении простых людей. Этот вопрос важен потому, что некоторые исследователи, чтобы объяснить пассивность Государя, и тем укрепить в сознании читателя мифический образ одинокого героя, окруженного злодеями, уверяют нас, что Его, Царя, блокировали со всех сторон гнусные заговорщики и до Него не доходили сведения о происходящем. Вот если бы доходили, тогда ...! Но, во-первых, мы уже видели, что записки правых (см. Спиридович) и читались Государем и на них стоят Его резолюции. До Царя доходили и резкие телеграммы Тихановича-Савицкого. Некоторые мы привели в тексте выше.

²⁹ Курсив в комментариях мой — В. О.

(см. Правые в 1915 — феврале 1917. По проиллюстрированным Департаментом полиции письмам. Публикация Ю.И. Кирьянова. — Минувшее т.14). Не говорим о том, что в декабре 1916 г. Н.Н. Тиханович-Савицкий получил аудиенцию у Государыни и все наболевшее выложил Ей без церемоний.

Что касается свидетельства Михайловского, то он пишет, что Царю постоянно поступали письма от отделов «Союза Русского Народа», «Союза Михаила Архангела» или просто от «православных русских людей» такого-то губернского города за подписью или одного лица или нескольких, при этом «про кадетов иначе не говорилось, как жидомасоны, из кадетских имен чаще всего указывалось на Милюкова, Винавера и Родичева». Земгор и Военно-промышленный комитет назывались исключительно, как «главный штаб жидомасонской смуты». С 1916 года такие записки все чаще стали приходить Государю. Из канцелярии дворцовой эти письма поступали в канцелярию Совета министров, там их размножали по числу министров и затем с грифом «секретно» раздавали министрам. Такая судьба ждала записки, носившие общеполитический характер. Эти записки министры часто не возвращали и уносили с собой и они оседали в архивах министерств. Михайловский запомнил одну такую записку, поступившую в декабре 1916 года и в которой назывались и сроки, и исполнители готовящегося переворота (кн. 1, с.80).

На этих записках стояли пометки Царя, вроде «совершенно верно», «да», «правильно», «я тоже так думаю», «решительность — самое лучшее средство», «недопустимо» и т.д. Иногда же эти пометки носили характер более обширных сентенций.

У заговорщиков, собственно говоря, не было никакого резона окружать Царя плотной стеной, втягивая почтовое ведомство и Дворцовую канцелярию в свои планы. Государь просто не собирался особенно сопротивляться и только ждал толчка, чтобы стать частным человеком и наконец зажить нормальной жизнью простого обывателя где-нибудь в Крыму, в каком-нибудь дворце, скажем, Ливадии, о чем Он потом и просил Керенского, после своего ареста.

д) К характеристике Царя и отношений к нему петербургской бюрократии.

По словам Михайловского «высшая петербургская бюрократия ненавидела (Государя) не менее, чем самые ожесточенные революционеры». Ненавидела по вполне определенным причинам, а именно за Его «маккиавеллизм», за «малодушную жестокость в отношении своих ближайших сотрудников и неверность в личных отношениях» (кн.1. с.180). Государь легко «сдавал» самых верных своих сотрудников на растерзание их политических врагов, и на него нельзя было положиться. Утром, принимая кого-либо из министров, Он милостиво и внимательно его выслушивал, выражал удовольствие результатами его деятельности и тот довольный ехал домой, а там его уже

ждало уведомление от Государя, которого он только что видел, об увольнении от должности. С выражением, понятно, благодарности. И это было не самым еще неприятным сюрпризом. Иногда, министр узнавал о своем увольнении только из газет, будучи в отпуске и отдыхая спокойно где-нибудь в Финляндии и строя рабочие планы на будущее. Так случилось с министром иностранных дел Сазоновым. О слабодушии и неверности Государя знали все чиновники. Не надо думать, что бюрократия в данном случае реагировала отрицательно только потому, что она была кадетской по духу. Любой человек был бы оскорблен таким отношением к нему. И как там ни рассуждай, но в данном случае такое поведение Государя было просто оскорбительно для Его сотрудников и они совершенно правильно, как бы любой из нас, видели в таком поведении Царя проявление неуважения и презрения к себе. Те, кто уважает себя, не станут и себя так вести с подчиненными. Не только кадетствующие чиновники отрицательно относились к «малодушной жестокости» и неверности Государя к своим сотрудникам. Один из немногих правых министров С.В. Рухлов говорил другому коллеге (в 1910 г.) министру Шварцу тоже далеко не левых взглядов: «Боже Вас сохрани хоть в чем-либо положиться хотя бы на одну секунду на Государя: никогда и ни в чем Он поддержать не может.» (Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М. 1994, с.66). Такого же мнения был и генерал А.А. Киреев, человек самых что ни на есть черносотенных взглядов, писатель, публицист. При Александре III была та же бюрократия, с теми же взглядами, что и при предшественнике Его, либеральном Его батюшке Александре II. Но при твердом характере этого Государя, при ясном национальном взгляде на вещи эта бюрократическая машина становится если не правой, то правее на глазах и с радостью, что важно, чувствуя хозяйскую руку. Именно этой руки, этой ясной государственной и национальной идеи не было у Николая II, а слабование и неверность к сотрудникам лишает любого начальника поддержки подчиненных.

Все это необходимо себе представлять, чтобы не быть слишком строгим к тем людям, которые видели всю бесплодность усилий сохранять верность неверному Господину, готовому в любой момент предать своих близких соратников, и не проявлявшего верности государственному долгу бороться за отечество с его врагами. В такой ситуации чиновник, служащий, любой инженер вынужден был позаботиться о будущем своей семьи сам и выбрать стан противников Царя, видя, что тот и не хочет бороться за престол и отчизну. Психология подобного рода присуща любому человеку. Верность миллионов русских людей трону и алтарю была отторгнута не только кадетствующими петербургскими чиновниками, но Самим Императором и Самодержцем Всероссийским. В этом смысле характерно мнение о Николае II известного писателя — публициста, убежденного монархиста Льва Тихомирова. Надо

понять, как больно и грустно было этим людям, монархистам, как Лев Тихомиров или архиепископ Никон Рождественский, смотреть на это безволие Верховной власти, на эти бесконечные поклоны Самодержца Всероссийского еврейско-масонской «общественности». Смотреть, как из казенного сундука уходят сотни миллионов рублей на финансирование этой «общественности». Сегодня нам эта картина до боли знакома.

Х. Мосолов А.А. При Дворе последнего Императора. (М. 1992 г.)

К характеристике Императрицы Александры Федоровны.

Мать Николая II Мария Федоровна говорила автору мемуаров, начальнику канцелярии Министерства Двора А.А. Мосолову:

«Без нее Ники был бы вдвое популярнее. Он не отдает себе отчета, как нужна популярность. У нее немецкий взгляд будто высочайшие особы должны быть выше этого. Выше чего? ... Любви народа? ... Я согласна, что не следует заискивать в популярности, но надо стремиться к ней и не упускать ни одного случая для этого ... Я ей говорила это, но она или не понимает, или не хочет понять, а потом жалуется, что ее не любят.» (с.94)

Мосолов отмечает несомненное «влияние узких взглядов гессенского двора на воззрения императрицы», что «производило впечатление мелочности».

Узость и мелочность, отмечаемая Мосоловым, видна и по ее письмам супругу, как и отсутствие всякого представления об управлении страной, и истеричность характера. Особенно вредно влияло на внутреннее положение в системе управления деление всех, кто с Ней встречался, в том числе и министров, на черных и белых, в зависимости от отношения их к Распутину, а Распутин к ним. И быстрая смена в отношении к тому или иному лицу от восторженного до раздраженно-отрицательного. Того, пишет Она супругу, уברי, а тот нам верен — и «друг» советует — назначь.

Многие годы Царица Александра Федоровна была близка с дочерьми черногорского князя Анастасией и Милицией, ставшими супругами великих князей Николая Николаевича и Петра Николаевича. Мосолов пишет: «Долго причины этой дружбы мне были непонятны. Говорили, что она основана на общем мистицизме и опытах спиритизма». Он упоминает также о Филиппе и Папюсе, которого называет медиумом.

В семье, между собой царская чета разговаривала по-английски. И переписывались супруги тоже на этом языке. Нам, русским людям, чтобы узнать, что писали друг другу Царь и Царица, нужно читать письма царской четы в переводе с английского. Императрица, по свидетельству большинства близко ее знавших людей, будучи застенчивой и, как бы сейчас сказали «закомплексованной», «зжатой», стеснялась своего русского языка, все время

боялась, что не сможет подобрать подходящего русского слова и потому ей проще было разговаривать на родном для нее английском языке (см. С. Марков). Вряд ли, однако, этот факт мог вызвать у русских подданных прилив верноподданной любви к Государыне, которую, впрочем, в провинции вовсе не знали, а в столицах не любили. Для нас это тоже кажется странным — читать письма русских царей в переводе с английского!

XI. Письмо ложи «Мезори» ордена розенкрейцеров Государю Николаю II, помеченное 17 июня 1912 года. — ЦГИАЛ СССР, ф.157, дело 390, лл. 35-42, (см. фото на с. 378; публикуется впервые).

Это письмо поступило на имя Государя на бланке — «орден розенкрейцеров. Ложа Мезори». На месте подписи в конце письма значится «Магистр ложи» и подпись в виде какого-то алхимического знака, напоминающего букву «З». Письмо рассматривалось кн. В.Н.Орловым, начальником походной канцелярии Императора (1906-1915), который предположил, что подпись принадлежит князю Репнину. Это вполне возможно, потому что семейство Репниных со времен Екатерины II было масонским и в этом плане, вероятно, занимало высокое положение в этом узком кругу розенкрейцеров, ведущих свое происхождение от времен новиковских.

Письмо любопытно тем, что оно написано с позиций «правого» масонства. И еще тем, что авторы его отделяют орден розенкрейцеров от масонов, к которым относят мартинистов, и всячески критикуют последних. Эта традиция отделять какую-либо ветвь масонства, обедыянс, «послушание»; от остального масонства идет также с давних времен. В свою очередь, мартинисты иногда отделяли себя от масонства, но, объединяли себя с розенкрейцерами. Иногда вообще масонство отождествляется только с первыми тремя градусами. Так или иначе, но наличие «правого» масонства факт известный. В политическом своем выражении этих т.н. правых надо назвать «государственниками». Они за сильную монархию, крепкую армию, жесткий внутренний порядок, за улучшение человеческой породы, за «силу воли» и они с известным эпитетом относятся к церкви в своей патриотической риторике и готовы признать ее полезную роль, как историко-культурной силы и ... как источник маго-каббалистических сил.

В письме выражается удовлетворение тем, что Государь, как и они, проявляет интерес «к оккультной науке, как основе религиозно-философского мирозерцания, потому что и мы сами бескорыстно служим этому учению.» (л.39) В качестве своих авторитетов авторы письма называют писательницу Крыжановскую, ген.-м. А.А. Навроцкого, шталмейстера Фролова. Вместе с тем критикуется «масонская партия», которая «выставляет сперва клевету мартинистов Филиппа, зловерное воздействие которого сказывается еще до сих пор на здоровье Императрицы, а когда нам удалось разоблачить этого в

полном смысле негодяя и шарлатана, то Вашему Величеству подсунили (гр. Витте и Ко.) хлыста Гришку Распутина, который дурак — дураком и, сам того не понимая, служит все же целям масонства <посрамление царствующей династии>... история Распутина имела для супруги вашей то же значение, что некогда «Дело ожерелья королевы» для Марии Антуанетты, то есть подорвала лишний раз уважение к царской семье». (л.39) В качестве достойных слуг царевых назван генерал-адъютант Н.И. Иванов, лицо, действительно доверенное Государя в годы войны и которому Он приказал в смутные февральские дни революции двинуться на Петроград и подавить бунт. И, который, конечно же, ничего не смог сделать.

В письме резко критикуется премьер-министр Коковцев, как близкий к Витте человек и как юдофил. Его политика прямо названа масонской. (л.42) Масону и юдофилу Коковцеву авторы противопоставляют Столыпина, политика которого была национальной и который по их убеждению пробудил национальное самосознание. Высокого мнения авторы также и о министре путей сообщения С.В. Рухлове, который один из немногих, если не сказать единственный, покровительствовал в своем ведомстве служащим правых убеждений — от членов черносотенных организаций до националистов и октябристов включительно. Рухлов был едва ли не в единственном числе в Совете Министров, кто последовательно выступал против предоставления льгот евреям во время войны. Он был вместе с М.О. Меншиковым — основателем Всероссийского национального союза. Авторы письма в своих политических воззрениях близки к октябристам. Что касается определения роли Распутина, то здесь с ними спорить трудно. Кстати же, действительно, Витте и его супруга — еврейка Матильда неизменно поддерживали близкие отношения с Распутиным, общаясь домами.

В целом, письмо показывает сложность такого явления, в политическом смысле, как масонство. Однако, не следует и сильно преувеличивать эту сложность. Правыми, монархистами, кстати же говоря, именовали себя на страницах оккультного журнала «Изиды» мартинисты, возглавляемые Папюсом. На этих страницах активно развивалась расовая идея. Правыми оккультистами были, из известных у нас сегодня имен, Бутми и Бостунич — автор книги «Масонство и русская революция». В основу своего мирозерцания последний клал каббалистику, но при этом яростно нападал на евреев, видя в них главных виновников революции и жестокого преследования русских людей во имя своей сатанинской власти. Он писал о плохой каббале и хорошей, арийской, и прочих вредоносный бред. В этих же пределах лежит и деление магии на хорошую, правильную и на плохую, черную. На самом деле, «правое масонство», с его «арийством», «породой», романтической героикой и прочей «демонической фантазией», является лишь предельным выражением «левого» франкмасонства, «демократического» и «либерального»,

пронизанного иудейской догматикой. Более того, это «правое» масонство, проявления которого мы видим и сегодня, есть та дорога, которая ведет вместе с прочим масонством от мифической республики и мифической «демократии» к той монархии, где монархом станет Антихрист. По какой-то странности, но этим правым масонством, с его криками о породе, арийстве, как отмечали проницательные наблюдатели, более всего страдают почему-то те полувевреи, которые в душе мечтают о недостижимой для них расовой чистоте и потому бредящие «арийством». Так ли это, сказать затруднительно, но наблюдение не лишено психологического интереса в смысле криков о «русском фашизме» и национальной принадлежности его сторонников.

Письмо также показывает нам всю реальную сложность политической обстановки в стране в те предреволюционные годы и глубокую расколотость общества, в котором русские утратили свои позиции и где тон задавали инородцы, о чем писал и граф Игнатьев в своей записке. (см. выше)

Поскольку в письме затронуто имя Витте и привязанность его к евреям, то любопытным представляется мнение Самого Николая II о своем бывшем главном помощнике. В письме матери 2 ноября 1906 года (15 ноября по н.ст.) Он пишет: *«Нет, никогда, пока я жив, не поручу я этому человеку (Витте) самого маленького дела, после того, как с таким трудом мне и Столыпину удалось ослабить ... жидовскую клику»*. («Красный архив», 1932 г., т.1-2, с.174).

ХII. Соловьев О.Ф. Русское масонство 1730-1917. (М. 1993 г.)

а) «По сведениям охраны, придворный ясновидец Филипп, эмиссар Папюса, учредил в 1900 г. в Петербурге у С.И. Мусина-Пушкина ложу мартинистов, в которую, якобы, были посвящены многие видные русские и иностранные деятели», (с. 167, ссылка: ЦГАОР СССР. ф.102. 00. 1905. Д. 12. 4.2, Л.96); Конечно, эта та самая ложа, о которой говорится и у Л.Д. Кандаурова.

б) 11 февраля 1906 года председателю Совета Министров Витте была препровождена копия всеподданнейшей записки Петра Николаевича Дурново, министра внутренних дел под названием «По поводу возрождения в России общества масонов». Текст, пишет автор, им не обнаружен в архиве, но сохранилась резолюция Николая II — «Продолжать выяснение». Соловьев считает, что это может означать отсутствие в ней веских данных. С этим вряд ли можно согласиться: если бы записка была по содержанию не основательна, то и выяснять было бы нечего. И такой основательный человек как министр внутренних дел П.И. Дурново и на такой должности пустых бумажек Царю не стал бы писать. И еще. Само отсутствие записки в делах Департамента полиции означает только то, что эту записку оттуда изъяли — или Керенский,

который сразу же вслед за февральским переворотом бросился в архив этого департамента и изъял оттуда все, что считал нужным, или же записка была изъята уже в советское время. (У Соловьева ссылка: — ЦГАОР СССР. ДП. 00.1905. Д.12. 4.2. Л.156, Л.165).

в) С.П. Белецкий, директор Департамента полиции 29 марта 1912 года сообщал в записке министру внутренних дел Н.А. Маклакову, что в свое время Столыпин после личных переговоров с Великим князем Николаем Михайловичем о распространении масонства в России решил дать этому вопросу «возможно яркое освещение, тем более, что *масонством вообще и пропагандой его в России, в частности, изволил лично интересоваться Его Императорское Величество*, не раз делясь с Великим князем Николаем Михайловичем тревожными опасениями. Оповещенный о сем бывший товарищ министра внутренних дел генерал-лейтенант Курлов поручил чиновнику Департамента полиции коллежскому асессору Алексееву специально ознакомиться с масонским вопросом в целях уяснения способов воздействия и борьбы с масонством».

Поскольку в России все сведения о масонстве носили отрывочный характер, то пользуясь указаниями Великого князя, решено было искать корни этого явления во Франции, куда и был отряжен чиновник Алексеев (с. 210).

Во-первых, обращает на себя внимание один существенный момент: Государь интересовался вопросом о масонстве и выражал даже некие опасения. *Что* это были за опасения — сказать невозможно, потому что главным его экспертом по этой теме был человек, занимавший в масонской иерархии одно из наиболее высоких мест — еврей и великий князь Николай Михайлович, член масонского Ареопага (во Франции). Он же — этот великий князь, еврей дает указания полиции искать корни явления в Париже. Совет верный. Но там ничего не было найдено и потому Берберова и выразила мысль — а не был ли этот Алексеев сам масоном. Учитывая участие в этом деле члена масонского Ареопага, еврея, Великого князя, который был в Париже, как у себя дома, и был членом как раз французских лож, такое предположение не кажется фантастичным, но обоснованным и логичным.

Странно другое: почему авторы работ по этой теме не обращают внимания на то, что инициаторами здесь выступили масон, великий князь и еврей Николай Михайлович, Департамент полиции и Николай II. Никто из них не страдал в этом вопросе детской наивностью, предполагая, что какой-то коллежский асессор сможет проникнуть в тайны Великого Востока Франции. Вероятно, подлинный смысл акции заключался в чем-то другом.

г) Тесные отношения с Францией союзнического характера способствовали росту реваншистских настроений внутри самой Франции, которая мечтала о победоносной войне с Германией, но без России не могла и мечтать о победе.

Бряцание оружием французских политиков и военных вызвало соответствующую реакцию Германии. Так завязалась гонка вооружений, которую никакими благами мирными пожеланиями остановить уже было невозможно, (см. Ламздорф В.Н. Дневник 1894-1896. М. 1991 г.. с.274).

Союз с республиканской Францией означал союз не только внешнеполитический, но и внутривластный. Франция ведь была очагом международного революционного терроризма и социалистической пропаганды, которая поддерживалась на правительственном, государственном уровне. Это вовсе не было секретом. В 1908 году масонские французские ложи и правительство Франции самым активным образом содействовали революции младотурецкой в Турции, свергнувшей султана Абдул-Хамида, и русская печать устами старейшего русского масона М. Ковалевского оповестила о сем факте своего читателя: «Поражает прежде всего сознательное отношение солидарно действующего меньшинства к ближайшей из преследуемых целей и образцовая организация как внутренних кадров, так и системы внешних сношений с отдаленными союзниками, в рядах которых *масонские ложи идут дружно с правительствами Франции, Англии и Италии*». (Ковалевский М.М. К оценке недавних событий в Турции. — Вестник Европы. 1909. № 1., с.849).

д) Россия, вследствие той финансовой системы, которую создал Витте, целиком зависела от внешних займов: буквально каждый рубль должен был иметь полноценное золотое обеспечение известной величины. И потому каждая эмиссия денежных знаков должна была сопровождаться соответствующим увеличением золотого государственного запаса. Надо сказать, что подобного положения вещей не было ни в одной Европейской стране. В результате Россия должна была регулярно брать в кредит соответствующее количество золота в других странах, а затем выплачивать баснословную сумму по процентам. Кредит же находился в западно-европейских странах в руках еврейских банкирских домов. И это делало Россию зависимой от масонов — политиков этих стран, и от еврейских финансовых кругов. При таком положении вещей вести последовательную борьбу с масонством было просто невозможно. И на этот момент обоснованно указывает историк О.Ф.Соловьев. (с.162)

При каждом переговоре о займе русских представителей министерства финансов с политиками, депутатами парламента и членами правительства, как и с банкирами, приходилось иметь дело в сущности с Великим Востоком Франции. Это была та высшая политика, которая оставалась вне поля зрения Департамента полиции. Как пример, можно взять историю одного крупного займа, который удалось получить в январе 1906 года В.Н. Коковцеву во Франции. После трудных переговоров ему удалось получить кредит в 2.250 млн. франков. Для этого ему пришлось вести переговоры с масонами: премьер-министром и министром финансов Рувье, министром иностранных дел

Делькассе. «После переговоров Коковцев просил отметить русскими наградами участников получения кредита Россией. Список открывал масон Бурже, ставший вскоре министром иностранных дел; член совета Великого Востока Франции Поль Думер, председатель палаты депутатов также просил отметить российскими наградами отличия его личный кабинет». (Ананьич Б.В. Россия и международный капитал 1897-1914. М.1970, с.174-177). И совершенно правильным представляется заключение Соловьева по этому поводу: «Очевидно, такое ходатайство было принято, хотя Царь не мог не знать о масонской принадлежности французов ... Представляется, что Николай II и его ближайшее окружение были информированы из первых рук о подлинной сущности масонства и его проявлениях в России, что и побуждало их не придавать особого значения поискам охраны.» (с. 178)

В России привилось именно французское масонство еще с прошлого века и связи наших верхов, включая придворную среду и окружение монархов с западно-европейским масонством, как можно предполагать, были давними.

Понятно, что докладывая подробно Царю о ходе переговоров по займам, ведущие эти переговоры русские чиновники не могли не сообщить подробно Ему всей ситуации. Кроме того, ясно, что ведущие переговоры, в том числе В.Н. Коковцев, не могли не быть сами членами масонской ложи. Вступая в самые тесные отношения с Великим Востоком Франции, Коковцев был им несомненно: он был членом масонского общества «Маяк». Именно он один получил от Временного правительства повышенную пенсию, в то время, как другие царские министры были арестованы.

ХIII. Спиридович А.И. Великая Война и Февральская революция. (Нью-Йорк. 1962 г., кн. 3)

а) Относительно настроения Александры Федоровны в роковые дни февраля 1917 года, показывающие характер Ее мировоззрения и уровень Ее понимания внутреннего положения страны (см. выше о том же свидетельство Жильяра).

26 февраля Н.Ф. Бурдуков, журналист, добился приема у императрицы. Он изобразил положение в столице, как катастрофическое: Царица ответила:

«Я верю в русский народ. Верю в его здравый смысл. В его любовь и преданность Государю. Все пройдет и будет хорошо.»

Однако к вечеру оптимизм Ее был поколеблен. И в полночь Она послала первую тревожную телеграмму Государю, которую оканчивала словами: «Очень беспокоюсь в отношении города». (с.12)

Эти слова были сказаны человеком, который вот уже как полтора года взял на себя обязанность руководить страной и правительством в отсутствие Государя, принимая министров и генералов, давая им указания и предписания

и Самому своему супругу в письмах: того сними, того назначь — так хочет «наш Друг», то есть Распутин, а тем-то, что заседают в Синоде и позволили себе что-то там сказать против «нашего Друга» — так им покажи дубину, чтобы знали, кто их повелитель и глава Церкви. Это не забудь, а то запиши, тебе пригодится ... и так сотнями писем и годами. По правде говоря, от одного этого, вероятно, Государь уставал больше, чем от своих обязанностей Верховного Главнокомандующего. И, вероятно, от этой атмосферы вражды, что создавала Его супруга, Он и стремился так часто на фронт.

В эти решающие февральские дни Царица проводила все свое время с больными детьми, напрочь забыв о своем долге, о своих, взятых Ею самой обязанностях управлять страной в отсутствие Государя. В обычные дни Она принимает министров, дает распоряжения, указания и всем своим тоном подчеркивает, что Она — хозяйка всей страны, что все здесь принадлежит Ее супругу и Ей. Но в эти роковые дни Она отсутствует, пассивно наблюдая за происходящим. Никакого волнения за судьбу России, никакого сознания своей ответственности за судьбы миллионов людей, никакого понимания своего положения, как Царицы, супруги помазанника Божия, кому вручены дары духовные для защиты России от врагов ее мы не видим. В ее представлении народ и вся Россия обязаны Ей и Ее супругу всем, Она же и Ее супруг ему, народу — ничем. Никакого долга, никаких обязанностей у царской четы бороться за отечество нет. Вся Ее чуждость России, узкий эгоизм, безразличие к судьбе великой страны сказались в эти дни с самой очевидной наглядностью. Как и неспособность управлять страной. Она с большой охотой занималась интригами против иерархов Церкви, против всех, кто по Ее мнению был против посланца самого неба — Распутина. Она воевала с десятками людей, втрапливая в эту, создаваемую Ею же атмосферу вражды и интриганства своего несчастного супруга, но когда нужно было что-то сделать реально полезного, попытаться взять в руки власть и использовать ее для подавления бунта, Она спряталась и молча лишь наблюдала за происходящим. А надо заметить, что в окрестностях Петрограда, в самом даже Царском Селе и в самой столице было много офицеров и учащих военных заведений, команды выздоравливающих и прочие, которых надо было организовать и бросить на подавление мятежа и бунта. Конечно, более неудачной супруги Николай II не мог найти. В этом мнении сходны между собой почти все мемуаристы независимо от личных политических убеждений: от левых до правых.

В эти дни Александра Федоровна сначала «верила в русский народ» и в его здравый смысл, убежденная, что более проникательного человека, чем Она не существует на свете, и обмануться она никак не может. Через несколько дней Она в него уже не верила: этот «мой народ» не оправдал ее надежд. В эти дни с особой очевидностью стала видна роковая роль ее веры в Распутина, благодаря которому она уверовала в Протопопова и убедила супруга назначить того

министром внутренних дел. Более рокового назначения трудно себе представить. В некотором смысле, Протопопов хорошо вписался в ожидаемый от него политический курс царской четы: ничего не предпринимать против готовящегося переворота и уличного бунта. Если народ нам верен, своим монархам, то ничего особенного не произойдет, если же не верен, то чего толку суетиться понапрасну. Примерно такой ход мыслей и был угадан Протопоповым. И когда начался бунт и стал разрастаться, то министр внутренних дел просто спрятался, а затем с вещичками явился в новую революционную власть сдаваться добровольно. Роковым для России была ее судьба в лице такой Царицы и такого безвольного Ее супруга, интеллигента и гуманиста и на беду еще и фаталиста. (см. в тексте выше мнение Тихомирова)

б) О взглядах Самого Николая II на будущее страны, на то, каким Он сам видит это будущее, и что Он намеревается сделать после победоносной войны, в благополучный исход которой для России Он непоколебимо верил, Спиридович пишет следующее.

На слова своего врача Кострицкого о необходимости даровать ответственное министерство. Царь отвечал так:

«Сейчас это неблагоприятно отразится на фронте. А вот *через три, четыре месяца, когда мы победим, когда окончится война*, тогда это будет возможно. Тогда народ примет реформу с благодарностью ... Сейчас же все должно делаться только для фронта». (с.24)

«Вот закончим войну, там примемся и за реформы», — говорил Он другому лицу.» (с.24)

«Государь верил в здравый смысл и патриотизм Государственной Думы. Он не допускал мысли, что Государственная Дума может пойти на какой-либо государственной переворот во время войны. Он верил в верность Англии, ее начальников и эта вера еще более успокаивала Его и относительно невозможности переворота». (с.24)

«Государь беспредельно верил в проницательность, во всезнание и энергию Протопопова. Он верил, что когда нужно будет, Протопопов примет все предупреждающие меры и Он не допускал возможности государственного переворота. И государь был спокоен в главном». (с.25)

Государь верил в то, во что хотел верить, и не желал видеть реальность, от которой не ждал ничего хорошего, которую надо было менять. Государь, как мы видели по реакции Его на обращения к нему правых деятелей, не верил, в то же время, многочисленным сообщениям о готовящемся перевороте, которые поступали даже от самих заговорщиков, боявшихся уличного бунта и анархии толпы. И возникает вопрос, на чем же была основана вера в Масонскую Думу, руководимую врагами государственного строя России и это после предупреждений о том, что начало сессии 14 февраля станет началом уличных

беспорядков и предпосылкой государственного переворота. При этом к нему на стол регулярно поступали и сообщения Департамента полиции о настроениях населения Петрограда. Он сам читал записку из кружка сенатора А.А. Римского-Корсакова, ... и все равно верил в патриотизм Думы!

О готовящемся перевороте Ему докладывал 3 января (1917 г.) министр иностранных дел Покровский, 5-го января премьер-министр князь Голицын, 4-го января Великий князь Павел Александрович, 7 января — председатель Государственной Думы Родзянко, 10 января — Московский предводитель дворянства Самарин, которого специально просили приехать в Петроград, чтобы подкрепить доклад Родзянко и вызвать Царя хотя бы на какие-либо действия, предупреждая, что опасность нависла над всей династией и над судьбой России. 19 января — Иркутский генерал губернатор предупредил Царя о готовящемся перевороте и также просил принять какое-то решение. Царь ответил, что весной начнется победоносное наступление и все устроится. Брат Царя, Великий князь Михаил Александрович неоднократно беседовал о надвигающейся опасности и просил, не дожидаясь уличных беспорядков, дать ответственное министерство, как того требовало левое большинство Думы. В конце января князь Голицын, премьер-министр, просил сменить Протопопова, но Царь отказался и это сделать.

Н.А. Маклаков после убийства Распутина 16 декабря 1916 года написал Государю письмо, в котором просил Государя не уступать «общественности», — иначе произойдет анархия. Письмо произвело впечатление и заговорили о назначении Н.А. Маклакова, по убеждениям правого, бывшего министра внутренних дел, уволенного Царем как раз за его правые убеждения летом 1915 года, вновь в правительство. Но этого не произошло. Маклаков настоятельно рекомендовал Царю разогнать Думу. Царь, однако, крепко по каким-то причинам держался за Думу, пишет далее Спиридович, даже после провокационных речей в ноябре 1916 года Милюкова и других кадет и прогрессистов против правительства.

8 января (1917 г.) Н.А. Маклаков был принят Государем и передал записку, составленную человеком правых убеждений Говорухо-Отроком, которая была как бы дополнением к записке из кружка сенатора А.А. Римского-Корсакова, в который входили и лидеры правых монархических организаций, включая А.И. Дубровина и Н.Е. Маркова, и правые депутаты Гос. Совета и Думы. Впрочем, к слову сказать, еще в августе — сентябре 1915 года даже самые либеральные министры А.В. Кривошеин, Н.Б. Щербатов, С.Д. Сазонов и другие считали необходимым разогнать Думу, которая подрывает авторитет государственной власти и которая ведет страну к революции, (см. Архив русской революции, т. 18. — Тяжелые дни. Секретные заседания Совета Министров 16 июля — 2 сентября 1915 года. Составлено А.Н. Яхонтовым)

Записки правых, составленные как в кружке Римского-Корсакова, так и Говорухо-Отроком, предупреждали Царя о намеченном на ближайшее время государственном перевороте, о котором, впрочем, открыто говорили в обществе. И сигналом к его непосредственному осуществлению, надо сказать, стало странное всепрощенчество, Николая II в отношении к убийцам «друга», т.е. Распутина, (см. об этом выше у Михайловского).

14 января И.Г. Щегловитов предоставил Государю содержательную записку «Русских православных кругов города Киева», представлявшую целую программу действий по борьбе с левой угрозой. Как об очевидном говорилось о скором выступлении революционной толпы и заговорщиков и попытке переворота. Ее содержание сделалось широко известным и наделало много шума. Записка понравилась Царю и Он наложил резолюцию «достойно внимания». Государь передал записку в Совет Министров для обсуждения. Понятно, ничего не было сделано. В эти два последних месяца Царь получал многочисленные записки, письма, обращения и просьбы и все они были вызваны уверенностью в скором осуществлении штурма власти. Печать, собственно говоря, уже и не скрывала, кажется, своего ликования в виду близкой кончины Самодержавия. Общество устало от демонстрации бессилия власти и готово было согласиться на любую, лишь бы это была власть, а не размазня, которая то ли есть, то ли нет. Общество было раздражено безвластием. Пассивность Царя провоцировала бунт и переход на сторону заговорщиков многих видных чиновников. Никто не был заинтересован в анархии, бунте и погромах. И кадеты тоже. И надо было что-то решать. Как-то бунт предупреждать. Царь же молчал.

10 февраля Родзянко предупредил Царя, после резкого разговора, что это его последний доклад Государю ввиду близкой революции. Царь остался глух и встает вопрос — почему? И снова приходится предполагать наличие каких-то масонских внушений, но идущих на более высоком уровне, чем российское масонство. Возможно, он получил какие-то личные гарантии.

XIV. Толстой И. И. Дневник 1906-1916. (Спб. 1997)

Государь Николай II часто менял свое мнение о прошедших событиях, признавая ошибочность тех или иных своих решений. Так было и относительно мирного договора с Японией. В 1908 году Государь считал, что «он, Витте, его обманул. Государь считает и Портсмутский договор ошибкой, так как, по Его мнению, мы, в сущности, уже победили японцев, и только мир помешал доказать эту победу ясно». — (с. 182; запись от 17 марта 1908.

Государь, признавая ошибочность тех или иных своих решений, имел вместе с тем обыкновение говорить, что у Него это решение было вырвано тем-то и что Его обманули. Так было, например, с манифестом 17 октября 1905

года. Но надо признать, что оснований для такого мнения у Царя было немного: целый ряд предшествовавших указов и прочих государственных актов возвещал все те свободы и гарантии, которые затем нашли себе место в этом манифесте. Кроме того, все «свободы» и учреждение законодательной палаты поддерживались Государем и после отставки Витте и Николай II и Сам был убежден до самого момента своего ареста и ссылки в Тобольск в благодетельности всех этих демократических принципов, провозглашенных манифестом 17 октября 1905 года. Впрочем, возможно, что Государь осознавал в глубине души, что Он постоянно уступает либеральной общественности и что эти уступки оппозиционные силы использовали исключительно в своих интересах, но продолжал политику уступок, во всем виня окружающих. Это признание Государь сделал Воейкову 2 марта 1917 года. (см. Воейков. Воспоминания, с. 160) Именно в этой привычке слабых людей искать виновников своих ошибок среди своего окружения и надо искать отгадку слов Государя — «вокруг трусость, обман и измена». Царь Сам выбрал курс на либерально-демократические преобразования в стране и поверил в силу «общественности».

1998г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Мученики долга

(выборочные портреты)

Мученики долга, монархисты, яркие представители многомиллионного русского народа, его дум и чаяний, преданные Верховной, Императорской властью, травимые либеральной еврейско-кадетской общественностью. Те, кого стараются не вспоминать и в наше время.

Марков Николай Евгеньевич (1866-1945). Сын известного писателя, очеркиста. Курский землевладелец, один из первых, создавших вместе с графом Доррером в Курске монархическую организацию и издававший газету «Курская быль». Видный политический и общественный деятель, депутат II и ГУ Гос. Думы. Один из самых известных думских ораторов. Непреклонный монархист. Возглавлял одну из двух ветвей Союза Русского Народа. В эмиграции принимал активное участие в монархическом движении. Автор книги «Войны темных сил». Ему принадлежат слова, зафиксированные наружным наблюдением тайной полиции в Берлине: «Лучше сто лет власти большевиков, чем вел. князь Кирилл Владимирович на русском престоле». Принимал активное участие в издании журнала «Двуглавый Орел», выходившем в 20-е годы сначала в Берлине, затем в Париже. Умер в Париже в 1945 г.

Дубровин Александр Иванович (1855-1921). Родом из Пензы. Выходец из бедной дворянской семьи. Врач. Окончил Военно-медицинскую Академию. Служил военным врачом, затем работал детским врачом в Сиротском Даме Ведомства Императрицы Марии Федоровны. Входил в попечительский Совет. Член Монархического Русского Собрания (в Петербурге). Создатель и бессменный председатель Союза Русского Народа, издатель газеты «Русское Знамя», публицист. Все свои личные средства отдал своему Союзу. Был арестован в первый день февральского переворота. Содержался в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Позднейшие сведения о нем противоречивы. По одним данным, он был расстрелян в 1918 г., по другим — в 1920-м, по третьим — в 1921-м. Надо подчеркнуть, что обвинения д-ра Дубровина в приписываемой ему организации убийств Герцеништейна и Иоллоса не подтвердились, и следственная комиссия не обнаружила ни одного намека на его участие в каком-либо противоправном действии, о чем имеется и справка в его следственном деле. Женат, имел двух сыновей: оба инженеры. Один служил на железной дороге, другой — в Морском ведомстве.

Булацель Павел Федорович (? — 1918). Семья Булацелей — выходцы из Молдавии. Еще в XVI веке приняли русское подданство. Многие представители этого рода прославились на службе у Русских Царей. Присяжный поверенный. Пламенный публицист. Отличался резкостью и непримиримостью взглядов. Ярый оппонент П.А. Столыпина, он обвинял его и весь правительственный курс Премьера в потворстве левым, разрушительным силам (см. «Борьба за Правду», 1908, тт. 1-2). Соратник А.И. Дубровина по Союзу Русского Народа. В течение нескольких лет был редактором «Русского Знамени». Как адвокат защищал по всей России неимущих черносотенцев, т.е. русских людей, принявших участие в подавлении еврейско-революционного бунта в 1905-1906 гг., а затем судимых за «Незаконные действия» в последующие годы. Расстрелян в 1919 г.

Замысловский Г.Г. (1872-1920). Юрист, видный член фракции правых в III и IV Гос. Думе. Прославился своим участием в деле Бейлиса (1911-1913 г.), где выступил вместе с А.С. Шмаковым, поддерживая обвинения Менделя Бейлиса в убийстве им в ритуальных целях мальчика Андрюши Ющинского, чье тело было найдено в марте 1911 г. и имело множественные уколы, нанесенные точно в сосуды. Медицинская экспертиза установила факт обескровливания несчастного мальчика, отчего и наступила его смерть. Автор документальной книги «Убийство Андрюши Ющинского» (Петр., 1917г.). Книга изъята из ГРБ (бывшей «ленинки»). Первая фраза в книге: «Дело по обвинению иудея Менделя Бейлиса в убийстве из побуждений религиозного изуверства, для обрядовых целей, 13-летнего православного мальчика Андрюши Ющинского...»

Все следствие сопровождалось подкупами, запугиваниями свидетелей со стороны прогрессивной еврейско-кадетской общественности. Во всем мире были организованы «протесты» с требованием вообще прекратить следствие. Давление на судебную часть было беспрецедентным в анналах истории. Практически все свидетели убийства, включая двух детей, бывших с А. Ющинским в тот день, были умерщвлены. Их мать, Вера Чеберякова, была вовлечена еврейским адвокатом в сговор, от которого затем публично отреклась и с приходом большевиков была расстреляна. В таких условиях Г.Г. Замысловский и А.С. Шмаков вели это дело. На судебном процессе осенью 1913 г. в Киеве из 12 присяжных заседателей голоса в пользу и против обвинения в ритуальном характере убийства разошлись поровну, шесть на шесть. ...Был признан факт умышленного прижизненного обескровливания тела мальчика.

В марте 1917г. Г.Г. Замысловскому удалось избежать ареста. Умер от тифа в 1920 г. во Владикавказе.

Тиханович-Савицкий Нестор Николаевич (1868 — после лета 1917).

Владелец музыкального магазина в г. Астрахани. Видный деятель монархического движения, создатель и бессменный руководитель Астраханской народной монархической партии. Издатель газеты "Русская правда" (Астрахань). По справке Департамента полиции о председателе Астраханской народной монархической партии от 19 июля 1916 г., Н.Н. Тиханович-Савицкий — «...ярый патриот-монархист и решительный противник всяких революционных посягательств. В дело партии ушел весь, в ущерб своим торговым делам. Никаких корыстных целей не преследует» (См. Вопросы Истории. 1996, №7. "Переписка правых", с. 126). Автор многих посланий Царю. В конце декабря 1916 г. был принят Императрицей. В марте 1917 г. был арестован, но в июле освобожден и уехал на Северный Кавказ. Далее следы его теряются.

Полубояринова Елена Адриановна (1864 — ?). Вдова полковника, издатель, владелица типографии. Ближайшая соратница А.И.Дубровина по Союзу Русского Народа и "Русскому Знамени". В отсутствие А.И.Дубровина, часто болевшего в последние годы, заменяла его по делам газеты и Союза. Все свои личные средства отдавала организации и газете. В марте 1917 г. была арестована, летом отпущена за отсутствием какого-либо законного обвинения. Далее следы ее теряются.

Прот. Иоанн Восторгов. Миссионер, издатель, видный общественный и политический деятель. Многие годы возглавлял монархические организации в Москве — Союз Русского Народа, Русскую Монархическую партию, и другие. Автор многих трудов, изданных при его жизни в 5-ти томах. Организатор и руководитель издательства "Верность", книги которого в 20-е годы большевики уничтожали по всей России. Человек, близкий архиепископу Антонию Храповицкому, Никону Рождественскому, праведному Иоанну Кронштадтскому. В 1915 г. был выбран по Епархии в члены Гос. Совета, однако св. Синод из-за его правых взглядов кандидатуру протоиерея не утвердил. Расстрелян в сентябре 1918 года вместе с министрами царского правительства в Петровском парке в Москве.

Протоиерей Т.И. Буткевич, член Государственного Совета, доктор богословия, действительный член Совета Харьковского Союза Русского Народа.

Андрей Сергеевич Вязигин, профессор, редактор-издатель ж-ла

«Мирный труд», основатель и член Совета Харьковского Союза Русского Народа, пред. Харьковского Русского собрания, член правой фракции III Государственной думы.

Род. в 1867 г. Расстрелян в 1919 г.